

Основная часть

- Глава I. Наша задача
- Глава II. Право, государство и собственность
- Глава III. Учение Годвина
- Глава IV. Учение Прудона
- Глава V. Учение Штирнера
- Глава VI. Учение Бакунина
- Глава VII. Учение Кропоткина
- Глава VIII. Учение Толстого
- Глава IX. Учение Тукера
- Глава X. Анархические учения
- Глава XI. Анархизм и его формы

Глава I. Наша задача

1. Общие замечания

1. Задача нашего исследования заключается в том, чтобы дать отвлеченное определение анархизма и его форм.

Как скоро соответствующие понятия будут определены, анархизм будет научно познан, так как его определение не только обусловлено обзором многочисленного ряда отдельных анархических фактов, но и соединяет результаты этого обзора воедино и ставит в связь со всем нашим познанием.

Задача, состоящая в отвлеченном определении анархизма и его форм, на первый взгляд кажется совершенно ясной. Но мнимая ясность исчезает при более точном рассмотрении.

С самого же начала возникает вопрос о том, где находится исходная точка исследования? Нам ответят, что исходной точкой являются анархические учения. Но при этом остается совершенно темным, что такое анархическое учение. Для одних это одно, для других — другое учение; некоторые учения сами называют себя анархическими, некоторые не называют. Как же можно взять своим исходным пунктом при нашем исследовании некоторые из них, не употребляя уже тем самым понятия анархизма, к определению которого мы только и стремимся? Вслед за этим встает другой вопрос о том, какова цель нашего исследования. Ответят: установить понятие анархизма и его форм. Но мы постоянно видим, что различные люди определяют совсем различно понятие того предмета, о котором они тем не менее думают одно и то же. Один говорит, что право — это общая воля; другой, что оно является содержанием тех предписаний, которые ограничивают естественную свободу одного человека ради других людей; третий заявляет, что это порядок народной жизни, установленный для сохранения в среде народов Богом данного мирового порядка. Они все знают, что для определения понятия необходимо указание ближайшего рода и отличительного признака, но такое соображение им мало полезно.

Таким образом, цель исследования нуждается, по-видимому, в разъяснениях. Наконец, существует еще вопрос о том, какую дорогу избрать для достижения наших целей? Тот, кто хоть раз наблюдал борьбу мнений в абстрактных науках, знает, с одной стороны, до какой степени чувствуется недостаток в одном признанном методе разрешения задач, с другой же — как необходимо для каждого исследования иметь ясное представление о прилагаемых методах.

2. Исследование может достигнуть более точного установления своей задачи. Эта задача заключается в том, чтобы на место неотвлеченных представлений об анархизме и его формах поставить их понятия.

Всякое отвлеченно определяющее исследование имеет своей задачей выражение в понятиях того предмета, который перед тем не был выражен в понятиях, следовательно, замещение неотвлеченных представлений этого предмета его понятием. Задача эта получает свое особенно явственное выражение в отвлеченно определяющем суждении (определении), которое непосредственно связывает друг с другом какое-либо неотвлеченное представление объекта в качестве подлежащего с отвлеченным представлением того же самого объекта в качестве сказуемого.

Согласно этому, исследование, долженствующее определить понятия анархизма и его форм, своей задачей имеет отвлеченное выражение тех объектов, которые перед этим существовали в качестве неотвлеченных представлений анархизма и его форм, следовательно, замещение этих неотвлеченных представлений понятиями,

3. Но исследование может ограничить свою задачу еще точнее, сначала, конечно, только с отрицательной стороны.

Эта задача состоит в том, чтобы на место всех обыденных представлений, являющихся неотвлеченными представлениями анархизма и его форм, поставить их понятия.

Каждое понятие может отвлеченно выражать только один предмет и не может выражать одновременно еще другого предмета. Понятие здоровья не может быть вместе с тем и понятием жизни, а понятие лошади — понятием млекопитающего животного.

Но неотвлеченные представления анархизма и его форм выражают собой чрезвычайно различные предметы. Предметом всех этих представлений является, конечно, с одной стороны, род, состоящий из общих известным учениям свойств, с другой же стороны — виды этого рода, образованные присоединением к вышеупомянутым общим свойствам каких-либо особенностей. При этом, однако, эти представления принимают во внимание весьма различные круги учений с их общими и особенными свойствами; так, одни из них остановят свое внимание, быть может, только на учениях Кропоткина и Моста, другие — только на учениях Штирнера, Тукера и Маккая, третьи, наконец, на учениях как тех, так и других писателей.

Если желательно заменить все неотвлеченные представления, выступающие в качестве представлений анархизма и его форм, их понятиями, эти последние должны выражать одновременно и общие, и особенные свойства совершенно различных кругов учений, из которых каждый охватывает или только учения Кропоткина и Моста, или учения только Штирнера, Тукера и Маккая, или, наконец, учения как тех, так и других. Но это невозможно; понятия анархизма и его форм могут служить выражением только для общих и особенных свойств одного круга учений; поэтому исследование не может на место всех представлений, выступающих в качестве представлений анархизма и его форм, поставить их понятия.

4. Дополняя это отрицательное ограничение задачи еще с положительной стороны, исследование может достигнуть еще более точного установления этой задачи. Эта задача заключается в том, чтобы на место тождественных, обращающих свое внимание на один и тот же круг учений, неотвлеченных представлений анархизма и его форм, которые

получили большое распространение среди научно занимающихся в настоящее время анархизмом людей, поставить их понятия.

Ввиду того, что наше исследование своей задачей может иметь только замену части представлений, выступающих в качестве неотвлеченных представлений анархизма и его форм, их понятием, а именно только тех представлений, которые принимают во внимание один и тот же круг учений с его общими особенными свойствами, оно должно разделить те представления, которые выступают в качестве представлений анархизма и его форм, соответственно кругу учений, принимаемому во внимание, на группы и выбрать такие группы, представления которых могут быть заменены понятиями.

При выборе этих групп важную роль должно играть то, что определяет для людей исследование. Ибо исследование какого-либо понятия имеет значение только для тех людей, которые представляют себе предмет понятия конкретно, так как это понятие может стать на место их представлений.

Поэтому для людей, образующих себе конкретное представление пространства, понятие нравственности лишено значения; равным образом для людей, под анархизмом подразумевающих то, что имеют общего между собою учения Прудона и Штирнера, лишено значения понятие того, что является общим для учений Прудона, Штирнера, Бакунина и Кропоткина.

Такое исследование предназначено для людей, научно занимающихся в настоящее время анархизмом. Если все эти люди в своих представлениях об анархизме и его формах принимали бы во внимание один и тот же круг учений, задачей исследования было бы замещение этой группы представлений соответствующими понятиями. Но на самом деле этого нет, и исследование может иметь своей задачей только замещение понятиями тех групп представлений, которые принимают во внимание круг учений, принятых возможно большим числом научно исследующих в настоящее время анархизм людей при существовании у них конкретных представлений об анархизме и его формах.

2. Исходная точка

Исходным пунктом исследования, согласно сказанному, должны быть принимающие во внимание один и тот же круг учений конкретные представления анархизма и его форм, которые получили среди занимающихся в настоящее время анархизмом людей наибольшее распространение.

1. Но каким образом можно узнать, что принимают во внимание по отношению к такому кругу учений самые распространенные среди занятых в настоящее время научной разработкой анархизма людей конкретные представления анархизма и его форм?

Первым делом это можно увидеть из сообщений относительно отдельных анархических учений и из перечисления и изложения таких учений.

Мы смеем думать, что каждый считает анархическими те учения, которые он называет анархическими, а также и те учения, которым присущи общие свойства анархических учений. Мы смеем, далее, думать, что каждый считает неанархическими те учения, которые он в какой-либо форме противопоставляет анархическим учениям, и, если он собирается перечислить или изложить всю систему анархических учений, также и те ему неизвестные учения, которым не присущи общие им перечисленным или изложенным учениям свойства.

Во-вторых, то, что принимается во внимание по отношению к кругу учений теми конкретными представлениями об анархизме и его формах, которые получили в настоящее время самое широкое распространение среди занимающихся научной разработкой анархизма людей, может быть выведено из отвлеченных определений анархизма и иных сообщений относительно него. Мы допускаем сомнение в том, чтобы кто-либо считал анархическими не только те учения, которые соответствуют его определению понятия анархизма или подходят к его сообщениям относительно анархизма; мы допускаем, наоборот, что он считает неанархическими те учения, которые не соответствуют вышеупомянутому определению понятия и не подходят к указанным сообщениям. Если оба эти средства познания приводят к противоречиям, то предпочтение следует отдать первому из них, так как если кто-нибудь определяет понятие анархизма или высказывается относительно последнего таким образом, что анархическими при этом оказываются те учения, которые он сам считает неанархическими, другие же учения, которые он считает анархическими, оказываются неанархическими, то это можно приписать только тому, что он не дает себе отчета в сущности своих общих выражений; таким образом, узнать его мнение относительно этих общих выражений можно только из его анализа отдельных учений.

2. Благодаря этим средствам познания для нас ясно, что принимают во внимание для круга учений представления об анархизме и его формах, наиболее распространенные в настоящее время среди людей, научно занимающихся анархизмом.

Мы узнаем, во-первых, что учения некоторых людей признаются большинством из тех, кто занимается сейчас научной разработкой анархизма, анархическими.

Мы узнаем, во-вторых, что учения этих людей признаются большинством тех, кто занимается теперь научным исследованием анархизма, анархическими лишь постольку, поскольку они имеют дело с правом, государством и собственностью вообще, а не постольку, поскольку они работают над правом, государством и собственностью какого-либо отдельного правового порядка или какого-либо отдельного круга правовых порядков, и не постольку, поскольку они заняты анализом иных предметов, как то: религии, семьи, искусства.

Среди признанных анархическими выдаются семь учений, именно учения Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Толстого. Все они, согласно большей части определений понятия анархизма и иных научных сообщений о нем, излагаются как анархические учения. Все они обнаруживают такие свойства, которые оказываются общими этим учениям в большинстве изложений анархизма. При каждом исследовании последнего на передний план выступает почти всегда одно из этих учений. Ни для одного из них ни малейшим образом не подлежит сомнению то, что оно представляет собою учение

анархическое.

3. Цель

Целью нашего исследования, согласно сказанному, должно быть, во-первых, определение родового понятия, которое образовано общими свойствами учений, признанных анархическими, большинством из занимающихся в настоящее время научной разработкой анархизма людей и, во-вторых, определение видовых понятий этого рода, которые образованы тем, что к указанным общим свойствам присоединяются какие-либо отличительные признаки.

1. Для понятия прежде всего необходимо, чтобы предмет был представляем возможно явственнее и чище.

При конкретных же представлениях предмет представляется не со всей возможной явственностью. В наших конкретных представлениях о золоте мы ясно сознаем по большей части немногие свойства золота; некоторые из нас думают при этом, быть может, о цвете и блеске, другие о цвете и ковкости, третьи еще о каком-либо свойстве. В понятии же золота должны быть мыслимы, возможно явственнее, цвет, блеск, ковкость, твердость, растворимость, плавкость, специфический вес, атомный вес и все другие свойства золота.

В наших конкретных представлениях предмет представляется также не со всей возможной чистотой. В наши конкретные представления о золоте мы вносим иногда то, что не должно принадлежать к свойствам золота; один из нас думает, быть может, о временной ценности золота, другой о золотых вещах, третий о каких-нибудь золотых монетах. По отношению к понятию золота все эти чуждые ему прибавки должны быть оставлены.

Таким образом, исследование имеет своей целью прежде всего изложить, с одной стороны, возможно явственнее, а с другой — возможно чище общие свойства тех учений, которые большинством занимающихся в настоящее время научным исследованием анархизма людей считаются анархическими учениями, а также особенности тех учений, которые обнаруживают эти общие свойства.

2. Для понятия необходимо, далее, чтобы предмет в нашем представлении был внесен по возможности шире в область всего нашего опыта, т.е. в систему видов и родов, которая охватывает весь наш опыт. В конкретных представлениях предмет относится не ко всей области нашего опыта, а произвольно к одному из многих родов, в который он может быть помещен согласно своим многочисленным свойствам. Один из нас думает о золоте, как виде рода желтых тел, другой считает его видом рода расширяющихся тел, третий видит в нем вид еще какого-нибудь рода. Понятие золота, тем не менее, должно быть отнесено к системе видов и родов, охватывающей весь наш опыт, оно должно быть отнесено к роду металлов.

Исследование имеет, следовательно, своей дальнейшей целью внести общие свойства тех учений, которые большинством занятых в настоящее время научной разработкой анархизма

людей признаются анархическими, а также и особенности учений, обнаруживающих эти общие свойства, поскольку это возможно, в общую область нашего опыта, т.е. поместить в системе видов и родов, которая охватывает весь наш опыт.

4. Путь к цели

Тот путь, которым должно идти исследование, исходя из точки отправления и кончая своей целью, должен быть разделен на три части. Сначала должны быть определены понятия о праве, государстве и собственности. Затем нужно установить, что говорят анархистские учения о праве, государстве и собственности. В заключение необходимо после устранения некоторых заблуждений дать отвлеченное определение анархизма и его форм.

1. Сначала должны быть отвлеченно определены понятия права, государства и собственности вообще, а не права, государства и собственности какого-либо отдельного правового порядка или какого-либо отдельного круга правовых порядков.

Право, государство и собственность суть те объекты, относительно которых говорят учения, предназначенные к исследованию со стороны их общих и частных свойств. Но прежде чем высказать какие-либо соображения относительно предмета или допустить установление общих и частных свойств в этих соображениях и внесение их в область всего нашего опыта, необходимо дать сему предмету отвлеченное определение. Первое, чем нужно заняться, поэтому есть определение понятий права, государства и собственности (глава 2-я).

2. После этого необходимо установить, что говорят о праве, государстве и собственности анархические учения, т.е., во-первых, анархические учения, признанные таковыми, а во-вторых, также и такие учения, которые обнаруживают с ними общие свойства. То, что говорят анархические учения, которые признаны таковыми, должно быть установлено для того, чтобы определить понятие анархизма.

То, что говорят все учения, обнаруживающие общие свойства с признанными анархическими учениями, необходимо установить, чтобы благодаря этому быть в состоянии отвлеченно определить виды анархизма. Таким образом, нужно исследовать каждое из этих учений со стороны его отношения к праву, государству и собственности; этому вопросу должен предшествовать другой — о том, на каком основании зиждется это отношение; и за ними должен следовать вопрос о том, каким образом надеются дать этому отношению осуществление.

Все анархические учения, признанные таковыми, или же все анархические учения вообще не могут быть здесь изложены. Исследование ограничится поэтому изложением семи особенно выдающихся учений (главы 3—9) и попытается затем, исходя из этого изложения, бросить взгляд на всю совокупность учений, как признанных анархическими учениями, так и анархических учений вообще. (Глава 10-я.)

Предлагаемые учения излагаются в их собственных словах, но по одной и той же системе; первое — в целях точности и ограждения от внесения чужих мыслей, второе — ради

устранения неодинаковых сопоставлений в основании различных порядков мыслей. Они будут принуждены в таком случае на определенные вопросы дать определенные ответы; конечно, ответы должны быть получаемы зачастую путем соединения небольших цитат из различных сочинений; поскольку же они противоречат друг другу, их нужно подвергнуть очистке, а поскольку они удаляются от общего словоупотребления — объяснить. Благодаря этому перед нашими глазами встанут непосредственно и, все же допуская сравнение, строгое течение мыслей Толстого, и запутанная речь Бакунина, исполненные пламенной любовью к человечеству сочинения Кропоткина и себялюбивые мудрствования Штирнера.

3. В конце концов, после устранения распространенных заблуждений должен быть определен отвлеченно анархизм и его формы.

Таким образом, на основании добытого познания об анархических учениях будут уничтожены важные заблуждения об анархизме и его формах; для этого же нужно определить, что общего имеют анархические учения друг с другом и что относится к различающим их особенностям, а затем как то, так и другое внести в область всего нашего опыта. Благодаря этому будут достигнуты понятия анархизма и его форм. (Глава 11-я.)

Глава II. Право, государство и собственность

1. Общие замечания

Здесь нужно дать отвлеченное определение праву, государству и собственности вообще, а не праву, государству и собственности какого-либо частного правового порядка или какого-либо отдельного круга правовых порядков. Понятия права, государства и собственности должны, следовательно, быть определены не как понятия какой-либо частной науки о праве, но как понятия общей юридической науки.

1. Под понятиями права, государства и собственности можно, во-первых, подразумевать понятия права, государства и собственности, присущие науке какого-либо определенного правового порядка.

Эти понятия о праве, государстве и собственности содержат все те признаки, которые даны им содержанием определенного правового порядка. Они выражают содержание только этого правового порядка. Поэтому их можно назвать научными понятиями этого правового порядка, ибо наукой определенного правового порядка можно назвать ту часть науки о праве, которая занимается исключительно нормами этого определенного правового порядка.

Понятия права, государства и собственности, принадлежащие науке одного правового порядка, отличаются от понятий права, государства и собственности других благодаря тому признаку, по которому они являются нормативными понятиями этого определенного правового порядка.

Из этого признака могут быть выведены все те признаки, которые получаются из особенного содержания этого правового порядка в противоположность другим правовым порядкам. Понятия собственности в современном немецком, французском и английском государственном праве отличаются друг от друга тем, что они являются нормативными понятиями этих трех различных правовых порядков в области собственности. Они, следовательно, так же различны, как различаются нормы современного немецкого государственного права, французского и английского относительно собственности. Понятия права, государства и собственности различных правовых порядков относятся друг к другу, как видовые понятия, который подчинены одному и тому же родовому понятию.

2. Под понятиями права, государства и собственности, во-вторых, можно подразумевать понятия о праве, государстве и собственности, присущие науке определенного правового круга.

Эти понятия о праве, государстве и собственности содержат в себе все признаки, доставляемые общим содержанием различных правовых порядков определенного правового круга. Они выражают общее содержание различных правовых порядков только этого правового круга. Поэтому их можно назвать понятиями, присущими науке этого правового круга, ибо наукой об определенном правовом круге можно назвать только ту часть науки о праве, которая работает исключительно над нормами какого-либо определенного круга правовых порядков, поскольку, следовательно, эти нормы не разработаны уже наукой об определенных правовых порядках этого круга.

Понятия права, государства и собственности, присущие науке отдельного правового круга, отличаются от понятий права, государства и собственности, присущих науке образующих его правовых порядков, благодаря тому, что им недостает того признака, по которому они являются нормативными понятиями одного из этих правовых порядков, что им, следовательно, недостает также и всех тех признаков, которые могут быть выведены из этого первого признака сообразно с особым содержанием того или другого правового порядка. Понятие государства в науке о современном европейском праве отличается от понятия государства в науке о современном немецком, русском и бельгийском праве тем, что оно не является вовсе нормативным понятием одного из этих правовых порядков, что ему, следовательно, недостает всех тех признаков, которые вытекают из особого содержания существующих в Германии, России и Бельгии государственных правовых норм.

Оно находится с понятием государства в науке этих правовых порядков в таком же отношении, как понятие рода с подчиненными ему видовыми понятиями.

Понятия права, государства и собственности, принадлежащие науке определенного правового круга, отличаются от понятий права, государства и собственности, принадлежащих наукам других правовых кругов, благодаря тому признаку, что они являются нормальными понятиями этого определенного круга правовых порядков. Из этого признака могут быть выведены все признаки, которые присущи общему содержанию различных правовых порядков этого правового круга в противоположность общему содержанию различных правовых порядков других правовых кругов.

Понятие государства, принадлежащее науке о современном европейском праве, отличается от этого же понятия, принадлежавшего науке о европейском праве в одиннадцатом столетии тем, что первое понятие есть понятие государственно-правовых норм, которые действуют теперь в Европе, другое же было понятием тех норм, которые действовали в Европе в одиннадцатом столетии; они различаются между собой, следовательно, так же, как то, что сейчас имеют общего действующие в Европе государственно-правовые нормы, отличается от того, что было обще действовавшим в Европе тогда нормам. Эти понятия находятся друг с другом в таком же отношении, как видовые понятия, которые подчинены одному и тому же родовому понятию.

3. В-третьих, под понятиями права, государства и собственности можно понимать понятия права, государства и собственности общей науки о праве.

Эти понятия права, государства и собственности содержат в себе все те признаки, которые получаются из общего содержания различных правовых порядков и правовых кругов. Они выражают только то, что общего имеют между собою нормы самых различных правовых порядков и правовых кругов. Поэтому их можно назвать понятиями общей науки о праве, ибо общей наукой о праве можно назвать ту часть науки о праве, которая занимается правовыми нормами, не ограничиваясь каким-либо определенным правовым порядком или каким-либо определенным правовым кругом, поскольку они не разработаны уже науками об определенных правовых порядках и правовых кругах.

Понятия права, государства и собственности общей науки о праве отличаются от понятий права, государства и собственности отдельных наук о праве тем, что им недостает того признака, по которому они представляют собой нормативные понятия одного из этих правовых порядков или же одного из этих правовых кругов, что им, следовательно, недостает также и всех тех признаков, которые могут быть выведены из этого признака сообразно особому содержанию какого-либо правового порядка или какого-либо правового круга. Это понятие права отличается от понятия права в современном европейском праве и от понятия права в современном немецком государственном праве просто тем, что оно вовсе не является нормативным понятием какого-либо правового круга или правового порядка, что ему, следовательно, недостает тех признаков, которые могут быть получены из некоторых общих особенностей всех действующих в настоящее время в Европе или же в Германии правовых норм. Это понятие относится к понятиям права в этих отдельных науках о праве, как родовое понятие к своим видовым понятиям.

4. Какое из указанных здесь значений следует придавать понятиям права, государства и собственности в отдельных случаях и что нужно считать при этом их содержанием, это зависит от цели исследования.

Если, например, дело идет о том, чтобы дать научное изложение государственно-правовым нормам современного немецкого государственного права, то определяемое при этом понятие государства должно быть понятием, принадлежащим науке частного правового порядка, ибо научная разработка норм частного правового порядка требует того, чтобы понятия были образованы как раз нормами этого правового порядка. Отсюда следует, что в качестве содержания принимаются во внимание тоже только государственно-правовые нормы современного немецкого государственного права. То, что при научном изложении какого-либо правового порядка определяемые понятия в действительности суть понятия, принадлежащие науке этого правового порядка, может казаться, конечно, неясным. Так можно каждое понятие, принадлежащее науке какого-либо отдельного правового порядка, определять как видовое понятие соответствующего ему родового понятия общей науки о праве. Когда это родовое понятие, именно, понятие государства общей науки о праве, определено и к нему присоединен отличительный признак видового понятия, состоящий в том, что оно представляет собой нормативное понятие этого частного правового порядка, в данном случае современного немецкого государственного права, этот дальнейший признак во многих случаях может не получить выражения именно там, где, как и при научном

изложении норм какого-либо частного правового порядка, допускают, что каждый человек должен его рассматривать как молчаливо добавляемый. Следствием этого, однако, является то, что осуществляемое при научном изложении данного частного правового порядка определение понятия отождествляется при поверхностном взгляде с определением понятия общей науки о праве.

Или, когда дело идет о том, чтобы произвести научное сравнение норм настоящего европейского права на собственность, то определяемое при этом понятие собственности должно быть понятием, принадлежащим науке этого частного правового круга, ибо научное сравнение норм различных правовых порядков требует того, чтобы понятия наук этих различных правовых порядков были подчинены соответствующему понятию науки образуемого ими правового круга. Следовательно, и в качестве содержания во внимание должны быть принимаемы нормы только этого правового круга. И здесь, конечно, может показаться неясным, что определяемые понятия суть действительно понятия науки этого правового круга, ибо понятия, принадлежащие науке какого-либо другого правового круга, тоже могут быть определены при помощи определения соответствующего им понятия общей науки о праве и молчаливого присоединения признака, указывающего, что оно представляет собой нормативное понятие частного правового круга.

Если, наконец, дело идет о том, чтобы произвести научное сравнение того, что общего имеют друг с другом нормы самых различных правовых порядков, то определяемое при этом понятие права должно быть понятием общей науки о праве, ибо научное сравнение норм различных правовых порядков и правовых кругов требует, чтобы понятия, принадлежащие наукам самых различных правовых порядков и правовых кругов, были подчинены соответствующему понятию общей науки о праве. Следовательно, в качестве содержания должны быть рассматриваемы нормы различнейших правовых порядков.

Там, где дело идет о том, чтобы сделать первый шаг в научном исследовании учений, подвергающих своему суждению не только право, государство и собственность какого-либо частного правового порядка или правового круга, но право, государство и собственность вообще, там понятия права, государства и собственности необходимо должны быть определены как понятия общей науки о праве, ибо научная обработка тех учений, которые занимаются общим содержанием самых различных правовых порядков и правовых кругов, требует образования понятия с этим общим содержанием, следовательно, понятий общей науки о праве. В качестве содержания поэтому во внимание нужно принимать правовые нормы и особенно государственно- и имущественно-правовые нормы различнейших правовых порядков и кругов.

2. Право

Право составляет содержание правовых норм. Правовая норма есть норма, основывающаяся на том, что люди стремятся получить общее представление о поведении в пределах охватывающего их самих круга людей.

1. Правовая норма есть норма.

Всякая норма представляет собой идею правильного поведения. Правильным же поведением является такое поведение, которое или соответствует конечной цели всего человеческого поведения — безусловно справедливое поведение, например, уважение к чужой жизни, — или какой-либо случайной цели — условно правильное поведение, например, искусное употребление поддельного ключа. Но идея правильного поведения означает собой, что безусловно или условно правильное поведение должно быть представляемо не как факт, а как задача; не как нечто действительное, а как нечто нуждающееся в осуществлении. Она означает не то, что я буду хранить жизнь своего врага в действительности, а то, что я должен ее хранить; не так, как вор употребил свой поддельный ключ в действительности, а как бы он должен был его употребить. Идея истинного поведения представляет собой то, что мы обозначаем как долженствование; если я представляю себе какое-либо долженствование, я представляю себе, что должно произойти для того, чтобы осуществить или конечную цель всего человеческого поведения, или какую-либо случайную, собственную цель. Идея истинного поведения обуславливает собой всякое суждение о прошлом поведении; это последнее может быть признано хорошим или плохим, целесообразным или нецелесообразным только по отношению к ней; она обуславливает также всякое размышление над будущим поведением; только по сравнению с ней возможно решить, будет ли хорошо или по крайней мере целесообразно вести себя известным образом.

Всякая правовая норма указывает справедливое поведение; она объясняет, что оно соответствует определенной цели. Она указывает это справедливое поведение как идею; она называет его задачей, а не фактом; она не говорит, что кто-нибудь так себя ведет, но что нужно вести себя таким образом. Поэтому правовая норма есть норма.

2. Правовая норма есть норма, основывающаяся на какой-либо человеческой воле.

Нормой, основывающейся на какой-либо человеческой воле, является та норма, благодаря которой каким-либо образом должно быть избрано поведение, не противоречащее воле определенных людей и которое будет поддержано находящейся в услужении у этой воли силой. Подобная норма устанавливает, следовательно, только условно правильное поведение и именно как средство для достижения быть может и преследуемой нами, а быть может и презираемой целью, с которой воля некоторых людей находится в согласии и которая должна, следовательно, быть охраняема находящейся в услужении у этой воли силой.

Каждая правовая норма говорит нам, что мы должны вести себя так, чтобы не действовать вопреки воле определенных людей и в таком случае терпеть их владычество. Она устанавливает, следовательно, только условно правильное поведение и поучает нас не тому, что хорошо, а тому, что предписано. Правовая норма есть поэтому норма, основывающаяся на какой-либо человеческой воле.

3. Правовая норма есть норма, основывающаяся на том, что люди хотят и для себя и для других одного поведения.

На том, что люди хотят и для себя и для других одного и того же поведения, основывается норма тогда, когда воля, на которой основывается норма, распространяется не только на других, не желающих, но также и на самих желающих, когда, следовательно, эти последние не только хотят того, чтобы другие подчинились норме, но и себя стремятся подчинить ей.

Каждая правовая норма, и из всех родов норм только правовая норма, имеет своим свойством то, что воля, на которой она основывается, распространяется за пределы хотящего, но вместе захватывает и его. Положение «Кто отбирает у другого человека какую-либо вещь его движимого имущества с намерением противозаконно присвоить ее себе, тот за кражу наказывается тюрьмою» основывается не только на воле людей, но каждый из этих людей сознает, что это положение касается, с одной стороны, других, но с другой — также и его самого.

При этом можно было бы утверждать, что право устанавливается, однако, не всегда только желанием людей одного поведения как для себя, так и для других, например, империя во Франции установилась благодаря стремлениям французских бонапартистов. Но право вовсе не устанавливается этим простым хотением; оно получает осуществление только тогда, когда на этом хотении основывается какая-либо норма, т. е. когда в его услужении оказывается настолько могущественная сила, что оно в состоянии повлиять на поведение людей, с которыми оно находится в известном отношении. Когда бонапартизм широко распространился и захватил большие круги, тогда только республика была свергнута и империя на самом деле установилась во Франции.

Далее можно было бы указать на то, что в неограниченных монархиях, например в России, право основывается исключительно на желании одного человека, на которого, однако, оно не распространяется. Но русское право основывается вовсе не на воле царя; царь — слабый, отдельный человек, и его воля сама по себе совсем недостаточна для того, чтобы влиять на поведение многих миллионов русских.

Русское право основывается скорее на хотении всех тех русских — крестьян, солдат, чиновников, — которые, исходя из различных оснований — патриотизма, корыстолюбия, суеверия, — хотят того, чтобы то, чего хочет царь, было в России правом. Их воли достаточно для того, чтобы оказать влияние на поведение русских; и если когда-нибудь они должны стать настолько малочисленными, что их воли уже не будет доставать для этого, то и то, чего хочет царь, не будет в России более правом, как это показывает история революций.

4. Было сделано утверждение, что правовая норма имеет еще дальнейшие свойства.

С самого начала было сказано, что правовая норма по своей сущности принудительна или своеобразно, путем ли судебного действия, или государственной власти, должна быть принудительной.

Если под этим понимать, что во всякое время может быть вынуждено следование норме, то перед нами тотчас же встанет целый ряд случаев, в которых такое следование не достигается. Если должник становится банкротом или кончает самоубийством, то

выполнение нарушенных правовых норм не может быть уже вынужденно, значение же их, однако, этим не будет нарушено.

Если относительно принуждения думают, что следование правовым нормам должно быть укреплено другими правовыми нормами, установленными на случай пренебрежения первыми, то для того, чтобы достигнуть таких норм, выполнение которых не может быть подкреплено дальнейшей правовой нормой, мы должны только несколько пойти дальше, от норм укрепленных к нормам укрепляющим. Если эти нормы нежелательно считать правовыми нормами, то и укрепленные ими нормы не могут иметь значения правовых норм, и, таким образом, при обратном порядке не остается в конце концов вообще правовых норм.

Только в том случае, если под принудительностью правовой нормы стремятся понимать то, что воля должна распоряжаться определенной силой для того, чтобы на ней основывалась какая-либо правовая норма, можно в этом смысле сказать, что принудительность есть элемент сущности правовой нормы. Но это свойство правовой нормы должно бы быть непременно таким, чтобы его можно было вывести из свойства ее — быть нормативной, и поэтому она не могла бы иметь никаких претензий на то, чтобы это свойство было присоединяемо в качестве отдаленного свойства.

Далее, в качестве существенного свойства правовой нормы была указана способность ее основываться на воле какого-либо государства. Но и там все же, где нет речи вообще о государстве и воле государства, например у пастушеских народов, и там все же существует правовая норма.

Кроме того, каждое государство само представляет правовое отношение и, следовательно, осуществляется только благодаря таким правовым нормам, которые не могут основываться на его воле. В конце концов, и нормы народного права, назначением которых является стеснение воли государств, основываются не на воле государства.

Наконец, было разъяснено, что правовая норма должна в существенных пунктах соответствовать нравственному закону. Если бы это было правильно, то из различных правовых норм, которые в настоящее время имеют последовательно друг за другом непосредственное значение в одной и той же области, или одновременно в различных областях при одних и тех же обстоятельствах, правовой нормой нужно было бы считать только одну из них. В таком случае было бы невозможно также говорить о несправедливых правовых нормах, так как, если бы они были несправедливыми, они не представляли бы из себя правовых норм. В действительности же признано, что, если даже правовые нормы при одних и тех же условиях дают совершенно различное определение, они остаются все правовыми нормами, и нечего сомневаться в том, что рядом с хорошими существуют также и плохие правовые нормы.

5. В качестве нормы, основывающейся на том, что люди стремятся признать известное поведение общим для определенного, их самих охватывающего круга людей, правовая норма отличается от всех других, даже наиболее тождественных с нею явлений.

Благодаря тому, что она основывается на воле человеческой, она отличается от нравственного закона (заповеди нравственности); этот последний основывается не на том, что люди хотят определенного поведения, а на том, что поведение соответствует конечной цели всего человеческого поведения. Нравственным законом является положение: «Любите ваших врагов, благословляйте проклинающих вас, делайте добро ненавидящим вас, молитесь за оскорбляющих вас и преследующих»; нравственный же закон представляет и положение: «Поступай так, чтобы максима твоего хотения всегда была и принципом общего законодательства» — ибо правильность такого поведения основывается не на том, что другие люди хотят этого, а на том, что это соответствует конечной цели всего человеческого поведения.

Благодаря тому, что правовая норма основывается на воле человеческой, она отличается и от обычая; этот последний основывается не на том, что люди хотят определенного поведения, а на том, что они сами себя ведут каким-либо образом. Обычаем является то, что на бал являются во фраке и в белых перчатках, во время еды употребляют только нож для того, чтобы резать, приглашают дочерей дома на танец или по меньшей мере на «Extratous», свидетельствуют почтение хозяину и хозяйке дома и, наконец, дают на чай прислуге, — ибо правильность такого обращения основывается не на том, что другие люди этого от нас требуют; для тех, кто впервые знакомится с новой модой, бывает часто прямо-таки нежелательным, чтобы она распространилась на широкие круги; правильность такого обращения основывается единственно на том, что другие люди ведут себя таким образом, а также на том, что мы не можем «ставить себя в исключительное положение», «вести себя странно», «отличаться от других» и должны «поступать аналогично им».

Благодаря тому, что правовая норма основывается на воле, которая касается других, не имеющих соответствующего хотения людей и самих желающих, она отличается, с одной стороны, от произвольного принуждения, при котором кто-либо имеет желание только по отношению к другим людям, с другой же стороны — от тех намерений, в которых обнаруживается желание по отношению к себе. Произвольным принуждением является то, когда испанский Кортес повелевает мексиканцам передать их золото, или когда разбойничья банда запрещает напуганному населению выдавать ее убежище; при этом, конечно, руководящую роль играет человеческая воля, но такая воля, которая касается только других людей и не касается самих обладателей этой воли. Намерение, в котором выражается желание по отношению к самому себе, находит осуществление тогда, когда я постановил себе каждый день вставать утром в шесть часов, или запретил себе курить, или решил окончить какую-либо работу в течение определенного срока; при этом, конечно, руководящей нитью является человеческая воля, но она имеет касательство только к самому обладателю этой воли и совершенно не касается других людей.

6. То, что кратко выражается определением понятия правовой нормы, в том случае, если заняться объяснениями определения этого понятия, может быть следующим образом развито далее.

Люди хотят того, чтобы определенное поведение в пределах известного охватывающего их круга людей было признано общим, и их сила настолько велика, что их воля в состоянии оказать влияние на поведение людей этого круга. В таком случае правовая норма получает

свое осуществление.

3. Государство

Государство есть такое правовое отношение, благодаря которому в определенной области осуществляется самая высшая власть.

1. Государство есть правовое отношение.

Правовое отношение есть выражаемое в правовых нормах отношение того, кому предписано известное поведение несущего обязанность, с тем, ради которого дано ему это предписание, с носителем права. Так, например, правовое отношение при займе является отношением занимающего, который связан правовыми нормами, действующими при займе, с заимодавцем, в интересах которого он подчиняется этим нормам.

Государство есть правовое отношение людей, подчиненных благодаря правовым нормам высшей областной власти, со всеми теми, ради которых они подчинены этой власти. При этом круг носителей права и несущих обязательства один и тот же; государство есть союз всех на пользу всех же.

Можно было бы признать справедливым, что государство не представляет из себя правового отношения, что оно является личностью. Но то, что союз людей является личностью в правовом смысле, и то, что он есть правовое отношение, вполне совместимо друг с другом; его свойство — представлять собой личность, по большей части основывается на его свойстве — быть своеобразным правовым отношением; к тому, что люди связаны друг с другом особым правовым отношением, присоединяется право, рассматривающее их союз в его внешних проявлениях, как личность. Акционерное общество есть личность не потому, что оно представляет собой правовое отношение, но потому, что оно есть своеобразное правовое отношение. И то, что государство является личностью, не только соединимо с его свойством — быть правовым отношением, но даже основывается на этом его свойстве.

2. Согласно своим условиям, это правовое отношение оказывается принудительным.

Произвольное правовое отношение устанавливается тогда, когда правовые нормы обуславливают осуществление правового отношения поступками несущего обязательства, целью которых является установление правового отношения, например, осуществление отношений найма путем заключения контракта о найме. Наоборот, непроизвольное правовое отношение устанавливается тогда, когда правовые нормы не обуславливают осуществления правового отношения такими поступками; так, например, покровительство какому-либо изобретению не обусловлено никаким поступком со стороны несущего обязательство, а требование наказания для преступника — никаким направленным на осуществление этого требования поступком несущего обязательство.

Если бы государство было произвольным правовым отношением, то высшая власть могла бы существовать только для тех жителей какой-либо области, которые ее признали. Но высшая

власть существует для всех жителей области, безразлично — признали ли они ее или нет; правовое отношение, следовательно, произвольно.

3. Содержание этого правового отношения заключается в том, что в данной области существует высшая власть.

Благодаря правовому отношению в данной области власть возникает тогда, когда, согласно обосновывающим правовое отношение правовым нормам, воля каких-либо людей — или только одного человека — становится руководящей для жителей этой области. Но высшая власть возникает благодаря правовому отношению в известной области тогда, когда, согласно вышеупомянутым правовым нормам, воля некоторых людей является руководящей в конечном счете, т. е. произносит решение даже и при несогласии многих людей. То, что здесь обозначается как высшая власть, составляют, таким образом, не те люди, на воле которых основываются имеющие значение в определенной области правовые нормы, но скорее высшие их правовые носители, волю которых эти люди стремятся в конечном счете признавать руководящей в пределах этой области.

* * *

Что же это за люди, воля которых, благодаря правовому отношению, в конечном счете оказывается руководящей для жителей какой-либо области? Это, например, члены княжеского дома, получающие власть согласно определенному порядку наследования; избранные, получающие ее согласно определенному порядку избрания — это уже зависит от тех правовых норм, в которых дано правовое отношение. От этих же правовых норм зависит также и то, в какой мере воля этих людей оказывается руководящей, — причем такая ограниченность власти не противоречит их свойству как высшей власти; высший носитель права не имеет надобности поэтому в том, чтобы быть носителем неограниченной власти.

Здесь можно было бы сделать то возражение, что в союзных государствах, например в Германской империи, отдельным государствам не принадлежит высшая власть. Но она принадлежит им на самом деле, ибо, если существует ряд предметов, относительно которых в Германской империи высшая власть отдельных государств подчиняется имперской власти, то существует также и достаточно таких предметов, относительно которых в конце концов решение произносит высшая власть отдельных государств. Пока существуют такие предметы, в отдельных государствах существует и высшая власть; если бы однажды ее больше не оказалось, то не могло бы более быть речи и об отдельных государствах.

4. В качестве правового отношения, благодаря которому в определенной области существует высшая власть, государство отличается от всех других, наиболее тождественных ему общественных форм.

Благодаря тому, что государство есть правовое отношение, оно отличается, с одной стороны, от учреждений, которые могли бы осуществиться в мысленном государстве Бога или разума на основании нравственного закона, с другой же — и от господства завоевателя

в завоеванной стране, которое может быть всегда только произвольным господством.

Будучи произвольным правовым отношением, государство отличается столько же от мысленного соединения людей, установивших в своей среде при помощи договора высшую власть, сколько и от международных правовых союзов, в которых высшая власть находит свое осуществление на основании договора.

То, что благодаря этому правовому отношению осуществляется власть над определенной областью, отличает государство от родового сообщества пастушеских народов и от церкви, так как в первом случае власть находит свое осуществление над людьми определенного происхождения, во втором — над людьми определенной веры, и ни в одном из обоих случаев нет власти над жителями определенной страны. Благодаря тому, наконец, что эта областная власть представляет собой высшую областную власть, государство отличается от общин, округов и провинций; в этих случаях тоже, конечно, осуществляется областная власть, но только такая, которая должна быть подчинена по самому смыслу ее установления более высокой власти.

5. То, что вкратце выражено в определении понятия государства, может быть развито следующим образом, если только, с одной стороны, будет принято во внимание данное сначала определение понятия правовой нормы, с другой же — присоединенные к определению понятия государства разъяснения.

Некоторые жители данной области настолько могущественны, что их воля в состоянии оказывать влияние на поведение всех жителей этой области, и эти люди хотят того, чтобы для всех жителей области, как для них самих, так и для других, воля в известном смысле определенных людей в конечном счете была руководящей. Раз дело обстоит именно так, государство получает свое осуществление.

4. Собственность

Собственность есть такое правовое отношение, благодаря которому некоторым людям принадлежит в пределах определенного круга людей власть распоряжаться в конечном счете определенными вещами.

1. Собственность есть правовое отношение.

Правовое отношение, как уже было сказано, есть отношение того, кому в лице правовых норм предписано определенное поведение, с тем, ради которого дано первому это предписание, с носителем соответствующих прав.

Собственность есть правовое отношение всех членов определенного круга людей, лишенных правовыми нормами возможности участвовать в конечном решении определенных вещей, с теми — и этих может быть много, — ради которых первые подвергнуты такому лишению. При этом круг несущих обязательство гораздо шире круга носителей права; в числе первых находятся почти все жители данной области или все

сочлены данного племени, в числе вторых же — только те из них, для которых оказываются выполненными еще дальнейшие условия, например, передача, вознаграждение, присвоение.

2. Это правовое отношение, согласно своим условиям, произвольно.

Произвольное правовое отношение получает, как выше было указано, свое осуществление тогда, когда правовые нормы обуславливают появление правового отношения поступками обладателя обязанностей, целью которых является осуществление правового отношения; произвольное правовое отношение, наоборот, возникает тогда, когда они совсем не обуславливают появление правового отношения такими поступками несущего обязанности.

Если бы собственность была произвольным правовым отношением, то лишенными возможности решать какие-либо вещи окончательно оказались бы только те сочлены данного круга людей, которые были бы отнесены к числу лишенных. Но лишенными оказываются все сочлены круга людей, например, все жители определенной области, все члены определенного племени — безразлично, отнесены ли они или нет к числу лишенных.

3. Содержание этого правового отношения заключается в том, что кому-нибудь в среде определенного круга людей исключительно принадлежит право окончательного решения относительно определенных вещей.

То, что кому-либо в среде определенного круга людей, в силу правового отношения, исключительно присуще право решать известные вещи, означает собой, что этот круг людей в угоду ему лишен участия в этом решении, т.е. что нельзя помешать ему поступать с делами так, как ему угодно, если бы даже и можно было поступать с ними против его воли. Но исключительное решение относительно определенных вещей в границах определенного круга людей может часто, благодаря правовому отношению, принадлежать отдельным людям таким образом, что оно оказывается присущим некоторым из них — может быть, только одному — в том или другом частном отношении, например в отношении к съедобному плоду, одному же — может быть, многим — во всех остальных, уже не частных отношениях.

Тому, кому принадлежит в пределах известного круга людей исключительное решение относительно определенной вещи во всех нечастных отношениях, принадлежит также в пределах этого круга людей исключительное и конечное решение относительно этих вещей.

Кому принадлежит такое решение, в силу правового отношения — быть может, например, и тому, кто употребил данную вещь для выработки какой-либо новой, — это зависит от правовых норм, в которых дано правовое отношение. От них же зависит и то, в какой степени это ему принадлежит; власть решения, принадлежащая тому, кому исключительно присуще конечное решение о вещах в пределах известного круга людей, ограничена не только властью решения, принадлежащей тем, которым присуще исключительно в границах этого круга людей первичное решение, но кроме того также и границами, в которых вообще кому-либо может в этом круге людей принадлежать такая власть решения. Это зависит от этих правовых норм, не сообразуясь с тем, присуще ли исключительное конечное решение

столько же отдельным людям, как и обществам, или же только обществам, и присуще ли оно им по отношению к каждому роду вещей, или по отношению только к тому или другому их роду.

4. В качестве правового отношения, благодаря которому кому-либо из среды известного круга людей исключительно присуще конечное решение о вещах, собственность отличается от всех других, даже наиболее тождественных ей, предметов.

Благодаря тому, что она представляет из себя правовое отношение, она отличается от всех тех отношений, в которых кому-либо, единственно благодаря разумности окружающих его людей или единственно благодаря его собственной силе, поручено конечное решение какой-либо вещи, что могло бы иметь место в мысленном Царстве Бога или разума и что имеет зачастую место в покоренной стране.

Раз собственность есть произвольное правовое отношение, она отличается от тех правовых отношений, благодаря которым кому-либо принадлежит единственно на основании договора и в противоположность другим входящим в договор сторонам исключительное и конечное решение относительно определенных вещей.

То, что в силу этого правового отношения кому-либо внутри известного круга людей исключительно присуще конечное решение относительно известных вещей, отличает собственность от первобытного права, в силу которого кому-либо в среде определенного круга людей исключительно присуще не решение относительно известных вещей, а нечто другое; затем, это отличает собственность от права на чужие вещи, в силу которого исключительно присущим кому-либо в среде известного круга людей является хотя и решение относительно определенных вещей, но все-таки не конечное решение.

5. То, что вкратце выражено в определении понятия собственности, может быть следующим образом развито, если принять во внимание, с одной стороны, сначала указанное определение понятия собственности, а с другой — данные для определения понятия собственности разъяснения.

Некоторые люди настолько могущественны, что их воля в состоянии оказывать влияние на поведение охватывающего их круга людей, и эти люди хотят того, чтобы ни один член этого круга не препятствовал в известных границах какому-либо известным образом определенному сочлену поступать с какой-либо вещью так, как ему угодно, если бы даже в этих границах с этой вещью дело обстояло и вопреки воле того первого члена, поскольку относительно этой вещи в отдельных случаях воля другого члена, подобно воле первого, не стала уже руководящей. При таком положении вещей собственность реализуется.

Глава III. Учение Годвина

1. Общие замечания

1. Вильям Годвин родился в 1756 году в Висбиче, в Кембридже. Начиная с 1773 года он изучал теологию в Гокстоне. В 1778 году он был проповедником в Уайре, в Гертфорде, в 1780 году в Стовмаркете, в Суффолке. В 1782 году он оставил эту должность, после чего занимался литературным трудом в Лондоне, где и умер в 1836 году.

Годвин напечатал множество сочинений в области философии, политической экономии, истории, а также рассказов, трагедий и сочинений, написанных им в молодости.

2. Учение Годвина о праве, государстве и собственности прекрасно изложено в его двухтомном труде: «An Enquiry concerning political justice and its influence on general virtue and Happiness» (1793).

«Печатание этого труда», как говорит сам Годвин, «было начато задолго до его окончания, и по мере его приближения к концу мысль автора становилась все яснее и глубже. Следствием этого явились некоторые противоречия. Уже при начале своего труда он выяснил себе, что всякое правительство неизбежно противодействует нашему совершенствованию, и чем далее подвигался он в своей работе, тем сильнее сознавал важность этого положения, и тем яснее становилось ему то, что должно случиться»²⁴. Здесь-то учение Годвина и получает ту исключительно развитую форму, в какой оно выступает во второй части сочинения.

3. Своему учению о праве, государстве и собственности Годвин не дает имени анархизма, но он не боится этого слова. «Анархия — это страшное зло, но деспотизм еще ужаснее. Там, где анархия убила сотни людей, деспотизм поглотил много миллионов жертв и этим самым лишь поддерживает невежество, порок и нищету; анархизм кратковременное зло, деспотизм почти бессмертен. Без сомнения, если народ отдает себя на волю всех бушующих страстей до той поры, когда зрелище их последствий не даст разуму новых сил для борьбы с ними, это будет для него ужасным лекарством; но как бы ни было ужасно это средство, оно все же оказывает самую действительную помощь»²⁵.

2. Основные положения

По мнению Годвина, нашим высшим законом является всеобщее благо.

Что такое всеобщее благо? «Сущность его находится в зависимости от сущности нашей души!»²⁶ «Оно неизменно; оно одинаково до тех пор, пока люди будут людьми»²⁷. «Этому

благу способствует все то, что расширяет наше образование, поощряет нашу добродетель, внушает нам чувство собственной независимости и тщательно очищает от препятствий путь нашей деятельности»²⁸.

Всеобщее благо есть наш высший закон. «Долг есть не что иное, как способ, путь, которым одно существо может наилучшим образом быть употреблено для всеобщего блага»²⁹. «Справедливость охватывает собою все нравственные обязанности»; «раз она должна иметь какой-нибудь смысл, то справедливо, чтобы я по мере возможности содействовал делу общего блага»³⁰. «Добродетель есть стремление способствовать благу всех разумных существ; высота этой добродетели соответствует силе этого желания»³¹; «самым высшим совершенством этого чувства является такое состояние духа, когда совершенное другими добро делает нас такими же счастливыми, как если бы мы сами это сделали»³².

«Истинно мудрый человек» стремится только к всеобщему благу; его «не побуждают ни собственная польза, ни честолюбие, ни страсть к почестям или к славе; он не знает соревнования. Сравнение достигнутого им с тем, что достигнуто другими, не нарушает его покоя; его мучит лишь сравнение с тем, что должно было быть вообще достигнуто.

Он чувствует себя обязанным стремиться ко всеобщему благу; это благо есть его единственная цель, и если оно достигнуто другими, то он не чувствует себя разочарованным в своих надеждах, так как он всех считает сотрудниками, и никого соперником»³³.

3. Право

I. С точки зрения всеобщего блага Годвин отрицает всякое право вообще, а не только при особых условиях пространства и времени.

«Право есть установление, обладающее самыми пагубными последствиями»³⁴. «Раз начали издавать законы, то нелегко положить этому конец. Человеческие поступки различны, и различны также их польза и вред. С появлением новых случаев закон всегда поэтому снова оказывается недостаточным; необходимо постоянно издавать новые законы.

Книга, в которую право вносит свои предписания, увеличивается, и мир слишком мал для всех сводов законов будущего»³⁵. «Из несметного количества правовых предписаний вытекает их сомнительность. Эти предписания даны для того, чтобы каждый простой человек знал, в каком он положении; но, несмотря на это, самые лучшие юристы бывают различного мнения об исходе какого-нибудь дела»³⁶.

«Ко всему этому надо еще прибавить пророческую природу права. Оно имеет своей задачей изображать поступки людей в будущем и уже заранее судить эти поступки»³⁷.

«Мы часто называем право мудростью наших отцов. Но это странная ошибка; оно скорее плод их страстей, боязни, ревности, жестокосердия и властолюбия. Не вынуждены ли мы беспрестанно изменять и преобразовывать эту так называемую мудрость наших отцов? Не

должны ли мы, разоблачая их невежество и осуждая их нетерпимость, исправлять ее?»
«Люди не подлежат какому-либо законодательству в том виде, как его у нас принято понимать. Разум есть наш единственный законодатель, и его предписания неизменны и повсюду одни и те же»³⁸. «Люди могут только излагать и толковать право; но никакая сила на земле не обладает таким могуществом, чтобы уполномочить себя обратиться в закон то, что до сих пор не сделала законом вечная справедливость»³⁹.

«Конечно, справедливо то, что мы несовершенны, невежественны, рабы внешнего блеска»⁴⁰. «Но каково бы ни было зло, вытекающее из человеческих страстей, введение постоянных законов не может служить истинным лекарством против этого зла»⁴¹. «Пока кто-либо находится в сетях повиновения и продолжает каждый свой шаг направлять по следу другого, его разум и его духовные силы еще дремлют. Что же могу я сделать для того, чтобы заставить его подняться со всею его силою? Я должен его учить самочувствию, должен научить никого не считать руководителем, выяснять себе свои принципы и давать себе отчет в своем поведении»⁴².

II. Всеобщее благо повелевает мне, чтобы в будущем оно само вместо права стало законом для всех людей.

«Если каждый шиллинг нашего имущества, каждый час нашего времени и каждая способность нашей души заранее получают свое определение⁴³ при помощи неизменных предписаний справедливости»⁴⁴, т.е. всеобщего блага⁴⁵, то никакое другое предписание не будет ими распоряжаться. «Истинное основоположение, которое должно будет заменить собой право, заключается в неограниченном господстве разума»⁴⁶.

«В ответ на это нельзя ссылаться на то, что наша мудрость ограничена; в настоящее время нет недостатка в людях, которые духовно так же высоко стоят, как и право. Но раз в действительности между нами существуют такие люди, мудрость которых несколько не уступает мудрости права, то вряд ли возможно доказать, что истины, которые они хотят сообщить нам, потому имеют меньшее значение, что они опираются только на силу их доводов»⁴⁷.

«Судебные решения, которые были бы приняты непосредственно после упразднения права, немногим, конечно, отличались бы от прежних. Они основывались бы на предрассудках и привычках. Но привычка постепенно теряла бы свою силу. Те, которым было бы доверено решение какого-нибудь вопроса, все чаще и чаще вспоминали бы о том, что все вещи подлежат их свободному усмотрению, и, таким образом, необходимо дошли бы до того, что подвергнули бы своей критике неоспариваемые до сих пор основные принципы. Чем сильнее они чувствовали бы важность своей задачи и полную свободу своего исследования, тем больше было бы их понимание. И наступило бы счастливое состояние вещей с его необозримыми последствиями; слепая вера была бы ниспровергнута, и настало бы светлое царство справедливости»⁴⁸.

4. Государство

I. Так как Годвин безусловно отрицает право, он должен неизбежно отрицать и государство; и он рассматривает его как правовое учреждение, которое противоречит всеобщему благу совершенно особенным образом.

Государство основывается частью на насилии, частью на божественном праве, частью же на договоре⁴⁹. Но «первое положение предполагает полнейшее отрицание вечной и абсолютной справедливости, так как оно оправдывает всякое правительство, которое достаточно сильно для проведения своих предписаний; оно кладет насильственный конец всякой государственной науке и, по-видимому, рекомендует людям спокойно преклоняться перед всяким злом и не ломать головы над усовершенствованиями. Второе положение двусмысленно. Оно или обозначает то же самое, что и первое, и считает всякую существующую силу безразлично установленной от Бога, или оно вообще не имеет никакого значения, пока не будет найден критерий, по которому можно будет отличить Богом установленное правительство от других»⁵⁰.

«Наконец третье положение имеет тот смысл, что каждый отдельный человек доверяет управление своей совестью и обсуждение своих поступков»⁵¹ другому. «Но мы не можем отречься от нашей нравственной самостоятельности; она наша собственность, которую мы не можем ни продать, ни подарить, и, следовательно, никакое правительство не может черпать свое насилие из первоначального договора»⁵².

«Каждое правительство соответствует в известной мере тому, что греки называли тиранией. Единственная разница состоит в том, что в странах с деспотическим правительством насилие производит однообразное давление на наш дух, в то время как в республиках наш дух подвижнее, и насилие скорее следует за течением общественного мнения»⁵³. «Государственные учреждения всегда в некоторой степени имеют своим результатом сокращение подвижности нашего духа и ограничение его прогресса»⁵⁴. «Мы не должны никогда забывать, что всякое правительство есть зло, что оно лишает нас собственного суждения и совести»⁵⁵.

II. Общественное благо требует замены государства дружественным общежитием всех людей единственно на основании их собственных законов.

1. Люди должны жить дружелюбно также и после уничтожения государства. «Необходимо проводить тщательное различие между обществом и государством. Вначале люди объединились для поддержки друг друга»⁵⁶; только позже, вследствие заблуждений и низости меньшинства, проникло в эти сожителства людей насилие. «Общество и государство отличаются друг от друга и имеют различное происхождение. Общество родилось в силу наших потребностей, государство же благодаря нашим недостаткам. Общество — во всяком случае, благо, государство — в лучшем случае, — неизбежное зло»⁵⁷.

Но что же должно в «обществе без правительства»⁵⁸ объединять людей? Во всяком случае, не обещание⁵⁹. Никакое обещание не может налагать на меня обязательство, так как если то, чему я обязался, хорошо, то я должен исполнить свои обязательства и без обещания, к плохому же и обещание мое не может меня обязать⁶⁰. «Если я сделал ошибку, то это нисколько меня не обязывает стать виновником еще другой»⁶¹. «Положим, что я для какой-

нибудь хорошей, заслуживающей уважения цели обещал большую сумму денег.

В промежутке времени между моим обещанием и исполнением является предо мной другая цель, более великая и благородная, и требует настоятельно моего содействия.

Которой я должен отдать преимущество? Той, которая его заслуживает. Мое обещание не может вводить никакого различия. Я должен руководиться важностью дела, а не внешней и чуждой точкой зрения. Важность же дела не может обуславливаться тем, что я связал себя чем-то»⁶².

В будущем связывать людей в общества должно будет «взаимное сознание общего благополучия»⁶³. Это благополучие соответствует в точности благу всех людей. «Если какой-нибудь народ отваживается выполнить свою задачу такого общего сознания, он делает шаг вперед, и этот шаг должен непременно улучшить характер каждого отдельного человека. То, что люди объединяются для торжества истины, служит прекрасным доказательством их добродетели.

И то, что каждый, каким великим он бы себе ни казался, должен подчиниться мнению общества, подтверждает, по крайней мере внешним образом, великое основное положение, что каждый должен жертвовать своим преимуществом для общественного блага»⁶⁴.

2. Общества должны быть малочисленны и по возможности меньше соприкасаться друг с другом.

Повсюду маленькие области будут самостоятельно управлять своей жизнью⁶⁵. «Союз людей, пока он повинуется заповедям разума, не может чувствовать потребности в увеличении своего размера»⁶⁶. «Все то зло, которое связано с государством как с таковым, чрезвычайно увеличивается, если власть распространяется на большое пространство, и, напротив того, ослабевает, если она ограничивается небольшим владением. Честолюбие, которое в первом случае страшно, как чума, не имеет такого значения во втором случае. Народные волнения могут, подобно волнам морским, на большой поверхности произвести ужаснейшие действия, но в тесных границах они так же безвредны, как волны самого маленького озера. Умеренность и дешевизна живут только в небольших кругах»⁶⁷.

«Желание увеличить нашу область, победить соседние государства или держать их в известных границах, хитростью или насилием возвыситься над ними, — все это основано на предрассудке и заблуждении. Сила не есть счастье. Безопасность и мир более желательны, чем имя, пред которым трепещут народы. Ведь люди братья. Мы объединяемся под какой-нибудь полосой неба, потому что этого требует наше внутреннее спокойствие или наша защита от поползновений нашего общего врага; соперничество же народов есть плод нашего воображения»⁶⁸.

Небольшие, самостоятельно управляемые области должны возможно меньше поддерживать связь одна с другой.

Общение отдельных людей между собой не может быть вполне живым и безграничным; для целых же обществ частое общение их друг с другом лишено всякой ценности, пока это не становится необходимым благодаря заблуждению или насилию. С этим рассуждением сразу

исчезают главные объекты того таинственного и запутанного государственного искусства, которыми правительства до сих пор занимались. Офицеры сухопутные и морские, посланники, поверенные и все те хитрости, которые были изобретены для того, чтобы держать в страхе другие народы, чтобы проникать в их тайны, заключать союзы и контрсоюзы, — все это оказывается ненужным»⁶⁹.

3. Но как же должны быть выполняемы в будущих обществах те задачи, которые теперь выполняет государство? «Из этих задач государства только две имеют право на существование: во-первых, уничтожение той несправедливости, которая совершается внутри общества по отношению к отдельным членам общества»⁷⁰, во-вторых, решение споров между отдельными областями⁷¹ «и общая защита против внешних нападений»⁷².

«Из этих задач только первая может требовать от нас постоянного разрешения. А это мог бы вполне удовлетворительно сделать присяжный суд, который должен был бы выносить свое решение по поводу оскорблений, нанесенных членами общества, и разрешать их собственнические споры»⁷³. Суд же этот решал бы дела не по установленному правовому порядку, а на основании разума⁷⁴. «Преступник мог бы, конечно, легко ускользнуть из столь ограниченной области правосудия, и на первый взгляд могло бы поэтому казаться необходимым, чтобы и соседние области или судебные округа имели одинаковое правление или, невзирая на свою форму правления, были бы готовы по крайней мере объединиться для исключения или исправления преступника, поведение которого им всем в одинаковой степени вредит. Но для этой цели нет необходимости в объединении и еще менее в употреблении общего высшего насилия. Всеобщая справедливость и общая выгода связывают людей еще прочнее, чем письмо и печать»⁷⁵.

Со второй задачей нам придется сталкиваться лишь по временам. «Раздоры между отдельными областями, несмотря на все свое неразумие, могут все же произойти; для их успокоения потребовалось бы соглашение различных областей, благодаря которому сделалось бы ясным требование справедливости и которое в случае надобности принудило бы исполнять это требование»⁷⁶.

И нападение врагов также делает необходимым подобное соглашение, а постольку и уничтожение вышеупомянутых раздоров⁷⁷. Поэтому «должны созываться время от времени национальные собрания, т.е. собрания, назначение которых состояло бы в том, чтобы, с одной стороны, улаживать споры между отдельными областями, с другой же — принимать лучшие меры для защиты от внешнего врага»⁷⁸.

«Но пользоваться этими собраниями следует возможно ограниченнее»⁷⁹. Ибо, во-первых, на них дела решаются большинством голосов, «и когда все обстоит благополучно, решающее значение имеют глупейшие люди, а нередко и бесчестные соображения»⁸⁰. Во-вторых же, при решениях обыкновенно члены собраний не руководствуются единственно результатами своего размышления, а всякого рода внешними причинами⁸¹. В-третьих, эти члены бывают вынуждены растратить свои силы на мелочи, так как для них немыслимо спокойно подчиниться разумным доказательствам⁸². Поэтому прибегать к национальным собраниям следует «или только по чрезвычайным причинам, как, например, диктатура в Риме, или же они должны заседать периодически, положим, один день в году, с правом в известной мере

увеличивать время своих заседаний. Преимущество, однако, на стороне экстренных собраний»⁸³.

Какой же властью обладали бы национальные собрания и присяжные суды? Человечество настоящим строем испорчено до того, что сначала необходимо было бы обнародование приказов и в некоторой степени принуждение силой, позднее же для решения споров было бы достаточно одних предложений суда, а национальные собрания ограничились бы одним только призывом сотрудничать для общей пользы⁸⁴. «Когда же суды в конце концов перестали бы судить и ограничились бы только подачей совета, когда насилие постепенно исчезло бы и управлять стал бы только разум, не должны ли были бы мы тогда в один прекрасный день согласиться с тем, что суды и другие общественные учреждения сделались лишними? Разве один мудрый человек не мог бы иметь столько же убежденности, как двенадцать? Разве чья-нибудь способность вразумлять своих соседей не стала бы известной и без формального избрания его на такую должность? Разве и тогда еще необходимо было бы исправлять пороки и побеждать злую волю? Это самая желательная ступень человеческого прогресса. С каким восторгом широко развитый альтруист должен ждать того счастливого времени, когда исчезнет государство, эта грубая машина, бывшая единственной постоянной причиной человеческих пороков и влекущая за собой столько различных ошибок, которые могут быть устранены только с ее окончательным падением»⁸⁵.

5. Собственность

I. Благодаря своему безусловному отрицанию права Годвин должен неизбежно, без всяких оговорок, отрицать и собственность. Собственность, или, как он выражается, «существующая система собственности»⁸⁶, т. е. современное, осуществляемое правом распределение богатства, представляется ему даже таким правовым учреждением, которое подрывает благо общества совершенно особым образом.

«Мудрость законодателей и народных представительств направляется на создание жалкой и бессмысленнейшей системы распределения собственности, которая одинаково оскорбляет и человеческую природу, и основные законы справедливости»⁸⁷.

Существующая система собственности распределяет богатство самым неравномерным и к тому же еще самым произвольным образом. «Согласно ей, один человек в силу своего происхождения имеет несметные богатства. Если кто-нибудь из нищего делается богачом, то все обыкновенно знают, что он обязан этой переменой своего положения не своей честности или полезности; самому прилежному и деятельному члену общества часто с трудом удается предохранить свою семью от голода»⁸⁸. «Если я получаю вознаграждение за свою работу, мне дают в сто раз больше пищи, чем я могу употребить, и в сто раз больше платья, чем я могу носить. Где здесь справедливость? Если я даже самый великий благодетель человеческого рода, то служит ли это основанием для того, чтоб мне давали то, в чем я не нуждаюсь, в то время как мой излишек мог бы быть весьма полезен тысячам людей?»⁸⁹ Это неравномерное распределение богатств противоречит общему благу. Оно препятствует духовному прогрессу.

«Накопление собственности попирает ногами силу мысли, гасит искры гениальности и погружает громадную массу людей в грязные заботы. Богатого оно лишает благотворных и сильных побуждений к деятельности»⁹⁰; своим излишком он может «купить только блеск и зависть, только жалкое удовольствие вернуть бедному в виде милостыни то, на что ему разум дает неоспоримое право»⁹¹.

Неравномерное распределение богатства служит также препятствием к нравственному усовершенствованию. У богатого оно порождает честолюбие, тщеславие и хвастливость, у бедного же насилие, раболепие, хитрость и следом за ними зависть, озлобленность и мстительность⁹². «Богач представляет собой как бы единственный предмет всеобщего преклонения и почитания. Напрасны умеренность, чистота и прилежание, напрасны превосходные способности и пламеннейшее человеколюбие, раз ты живешь в плохой обстановке. Возможность обогащения и выставление его напоказ представляют собой общечеловеческую страсть.

«Насилие давно уступило бы место разуму и образованию, но накопление богатств укрепило его владычество»⁹³. «То обстоятельство, что один человек с излишком обладает тем, в чем нуждается другой, служит источником преступления»⁹⁴.

II. Всеобщее благо требует того, чтобы на место собственности стало распределение богатств, руководствующееся единственно требованиями общего блага.

Если Годвин называет собственностью ту часть имущества, которую получает каждый согласно этим требованиям распределения, то это следует понимать в переносном смысле; в настоящем же смысле слова собственностью может быть названо только такое богатство, которое досталось по праву.

Согласно повелению всеобщего блага, каждый человек должен иметь средства к хорошей жизни.

1. «Что же должно определять, кому из нас, мне или тебе, должен принадлежать предмет, полезный всему обществу? На это есть только один ответ: справедливость»⁹⁵.

«Законы различных стран распоряжаются собственностью чрезвычайно разнообразно, но только одно отношение к ней может более всего соответствовать разуму»⁹⁶.

Справедливость требует прежде всего того, чтобы каждый человек имел средства к жизни. «Наши животные потребности состоят, как это давно уже признано, в пище, одежде и жилище. Если справедливость имеет какой-нибудь смысл, то не может быть ничего несправедливее того, как недостаток в этих предметах у одного человека, в то время как у другого они имеются в изобилии. Но справедливость этим не ограничивается. Каждый человек имеет право не только на средства к жизни, но, пока еще есть запас общественного богатства, имеет право и на средства к хорошей жизни. Несправедливо, когда один человек работает до разрушения своего здоровья или своей жизни, в то время как другой в изобилии наслаждается роскошной жизнью.

Несправедливо, когда один человек не имеет времени для развития своего духа, в то время как другой палец о палец не ударяет для общей пользы»⁹⁷.

2. Такое «состояние равенства в собственности»⁹⁸ в высшей степени способствовало бы всеобщему благу. При таком состоянии «работа должна бы была стать до того легким бременем, что сделалась бы полезным телесным упражнением и отдохновением»⁹⁹. «Каждый человек стал бы вести простой, но здоровый образ жизни. Каждый человек умеренным телесным упражнением стал бы поддерживать ясность духа; никто бы не страдал от усталости, все имели бы время для развития альтруистических побуждений души и своих способностей в стремлении к совершенству»¹⁰⁰.

«Как быстры и возвышенны были бы успехи нашего рассудка, если бы всем было открыто поле знания! Необходимо, конечно, признать, что духовное неравенство в некоторой степени осталось бы и дальше; но можно быть уверенным в том, что духовные способности людей того времени опередят далеко за собой все успехи предшествовавшего времени»¹⁰¹.

Также велик, как духовный прогресс, был бы и прогресс нравственный. Пороки, которые неразрывно связаны с существующей системой собственности, «должны были бы исчезнуть при таком общественном строе, в котором люди живут в достатке и в котором все в равной степени пользуются дарами природы. Для узкого себялюбия не было бы больше места, и так как никому не приходилось бы заботиться о своем незначительном имуществе и неумоимо работать для удовлетворения своих потребностей, то каждый мог бы всецело быть занятым мыслью о всеобщем благе. Никто не был бы врагом своего соседа, так как не было бы предметов раздора; и, таким образом, на троне восседало бы человеколюбие, следуя указаниям разума»¹⁰².

3. Но каким образом было бы возможно в отдельных случаях осуществить такое распределение богатств? «Как только право было бы уничтожено, люди стали бы поступать по справедливости. Положим, при таких обстоятельствах суду придется разбирать спор о наследстве. По старому законодательству пять наследников получили бы по равной части. В новом же обществе судьи исследуют нужды и положение каждого из наследников. Допустим, что первый наследник честный человек и имеет успех в жизни; он всеми уважаем и от увеличения своего состояния не получит никаких преимуществ и никаких наслаждений. Второй — несчастный человек, которого давит нужда и одолевают неудачи. Третий хотя и беден, но живет без забот, его добрая воля все же побуждает его добиваться положения, в котором он мог бы принести громадную пользу. Чтобы выгодней получить это положение, ему необходимо иметь такую часть, которая составляет $\frac{2}{5}$ наследства. Четвертая наследница — незамужняя женщина, у которой нельзя ожидать потомства; пятая, наконец, — оставшаяся без средств вдова, которая должна прокормить большую семью. Если этот спор из-за наследства был бы предоставлен неограниченному решению беспристрастных судей, то они непременно должны бы были поставить себе вопрос: что за справедливость находила свое осуществление при прежнем равном разделе наследства?»¹⁰³ И их ответ не может дать места никаким сомнениям.

6. Осуществление

Необходимое для всеобщего блага изменение существующего строя произойдет, по Годвину, таким образом, что те, которые познали истину, убедят других в необходимости этого изменения для всеобщего блага, и благодаря этому само право, государство и собственность исчезнут, и водворится новый общественный строй.

I. Единственно, необходимо убедить людей в том, что общественное благо требует изменения.

1. Всякий другой путь нужно оставить. «То оружие, которое с одинаковым расчетом на успех может быть употреблено обеими сторонами, с нашей точки зрения всегда будет казаться подозрительным. Поэтому мы должны с отвращением смотреть на всякое насилие. Вступая в область насильственной борьбы, мы оставляем надежную область правды и ставим решение в зависимость от случайного каприза. Фаланга нашего разума неуязвима; она подвигается вперед спокойным, надежным шагом, и ничто не может ей противостоять. Совсем иное дело, если мы оставляем наши разумные основания и обращаемся к мечам. Кто может в шуме и сумятице междоусобной войны предсказать, на чьей стороне будет успех? Мы должны поэтому осторожно проводить различие между обучением и подстрекательством народа. Мы не должны поощрять гнев, угрозы и страсти, а должны добиваться только трезвых рассуждений, ясной критики и непоколебимых решений»¹⁰⁴.

2. Речь идет о том, чтобы действовать на людей убеждением, и только тогда, когда это удастся, исчезнут насильственные действия. «По какой причине все слои общества, все люди одинаково смотрели на перевороты в Америке и Франции, в то время как восстание против Карла Первого разделило наш народ на две партии? Потому что последнее происходило в XVII веке, а первые в XVIII веке, когда философия уже установила некоторые истины государственных наук, и когда, под влиянием Сиднея и Локка, Монтескье и Руссо, часть людей, мыслящих и сильных духом, узнала, что насилие есть зло. Если бы эти перевороты совершились немного позднее, тогда ни одна капля гражданской крови не была бы пролита гражданской рукой, и ни в каком случае ни против людей, ни против имущества не было бы употреблено насилие»¹⁰⁵.

3. Средство для того, чтобы убедить возможно большее количество людей в необходимости переворота, состоит в «доказательстве и убеждении словом. Самое лучшее ручательство счастливого исхода заключается в свободном, не обусловленном ничем объяснении. Здесь справедливость всегда должна остаться победительницей. Следовательно, если мы хотим улучшить общественный строй человечества, мы должны стараться убеждать и словом, и пером. Эта деятельность не имеет границ, такой труд не терпит прекращения. Все средства следует употребить, и не столько для того, чтоб приковать внимание людей и склонить их на нашу сторону, сколько для того, чтобы удалить всякие преграды для нашего мышления и открыть для каждого человека храм науки и поле исследования»¹⁰⁶.

«Два основных принципа поэтому должен иметь в виду человек, которому дорого возрождение своего рода, а именно: признание важным прогрессом в деле открытия и насаждения истины, и прогресс в течение каждого часа, и необходимость долгого выжидания, покамест его учение получит законченные формы. При всей его осторожности возможно, что бурная толпа опередит спокойное и тихое движение разума; и тогда он не осудит

переворота, который совершится на несколько лет раньше, чем этого требовала разумность. Однако, если он будет действовать с большою осторожностью, он может без сомнения предупредить преждевременную попытку совершить переворот и на значительное время сохранить общее спокойствие»¹⁰⁷.

«Но это не означает, как можно было бы предположить, что изменение существующего строя отдалено от нас на неизмеримое расстояние. Человеческие дела таковы, что крупные перевороты наступают внезапно, а великие открытия делаются неожиданно, как будто случайно. Если я развиваю ум молодого человека и стараюсь повлиять на дух старого, то долгое время будет казаться, будто бы я мало сделал, и плоды моей работы обнаружатся тогда, когда я их менее всего ожидаю. Посев добродетели может взойти и тогда, когда уже потеряна всякая надежда»¹⁰⁸.

«Если истинный друг человечества неутомимо проповедует истину и старается устранять все препятствия к ее торжеству, он со спокойной совестью может ожидать скорого и хорошего исхода»¹⁰⁹.

II. Когда все проникнется убеждением, что всеобщее благо требует изменения нашего строя, тогда право, государство и собственность исчезнут сами собой и дадут место новому строю. «Полнейший переворот, в котором существует необходимость, едва ли может быть рассматриваем как действие; он заключается во всеобщем просвещении. Люди начинают сознавать свое положение, и их цепи исчезают, как призраки. Когда пробьет решительный час, тогда нам не нужно будет обнажать меча и употреблять какие-либо усилия. Противники будут слишком слабы для того, чтобы противостоять общечеловеческому чувству»¹¹⁰.

Каким же образом может произойти изменение нашего положения?

1. «Когда во Франции национальный конвент начал свои действия, там было распространено в особенности то мнение, что ему следует лишь выработать проект устройства, который затем должен быть предложен на рассмотрение и утверждение округов, и только после их согласия он получил санкцию закона»¹¹¹.

«Этому мнению соответствует прежде всего требование, чтобы не только конституционные законы, но чтобы вообще все законы предварительно обсуждались округами. Но для того чтобы согласие округов не было только фиктивным, а действительным согласием, округам должна быть предоставлена неограниченная свобода при обсуждении предлагаемых законов. Понятно, что при таких условиях установление законов дело не кратковременное, так как некоторые округа могут не согласиться с какой-либо одной статьей закона; если ради них эта статья будет изменена, то может случиться, что закон именно благодаря этому станет менее удобным для других округов»¹¹².

«Таким образом, основной принцип соглашения округов хотя и благодетелен, но ведет лишь постепенно к уничтожению всякого правительства»¹¹³. В самом деле, «желательно, чтобы важнейшие решения народных представительств были отданы на одобрение или неодобрение выборных округов, и именно на том же самом основании, на котором и решения округов одновременно должны быть обязательны только для тех отдельных лиц,

которые согласились с этими решениями»¹¹⁴.

2. Эта система имела бы, во-первых, то следствие, что законодательство имело бы очень краткую форму. Скоро обнаружилось бы, что для обширного свода законов нельзя получить согласие большого числа округов; поэтому все законодательство состояло бы из одного устава, относительно разделения страны на округа с одинаковым населением, и из другого устава, относительно выборных периодов в национальное собрание; последний устав мог бы, впрочем, быть свободно отставлен¹¹⁵.

Вторым следствием такой системы было бы то, что вскоре было бы признано ненужным посылать на рассмотрение округов те законы, которые не имеют значения для всех, и что во многих случаях было бы, таким образом, предоставлено самим округам издавать для себя законы. «Таким образом, то, что раньше составляло одно государство с единым законодательством, превратится сразу в союз небольших общин, которые в экстренных случаях могут соединяться на конгрессе или амфикиционном совете»¹¹⁶.

Третье следствие состояло бы в постепенном уничтожении законодательства. «Многочисленное собрание, представители которого созываются из различных мест обширной области и которое фигурирует как единственная законодательная сила для всей этой области, создает себе тотчас же преувеличенное представление о количестве необходимых законов. Большой город под влиянием торгового соревнования недолго задумывается над тем, чтобы издать постановления и раздать привилегии. Жители же маленькой общины, которые живут до некоторой степени просто и естественно, дойдут до того, что признают ненужными законы, имеющие общее значение, свои же дела будут решать в зависимости от каждого отдельного случая, а не согласно раз навсегда установленным принципам»¹¹⁷.

Четвертое следствие заключалось бы в содействии уничтожению собственности. «Всякое уравнивание в чине и положении в значительной степени содействует имущественному равенству»¹¹⁸. «Поэтому не только низшие, но и высшие слои общества увидали бы всю несправедливость существующего распределения собственности¹¹⁹. «Богатые и сильные не недоступны идее всеобщего блага, если только она представлена им со всей точностью и очаровательностью»¹²⁰.

Как бы много они ни думали о своих деньгах и удовольствиях, все же возможно сделать им понятным то, что они напрасно будут противодействовать истине, что опасно для них навлекать на себя гнев народа и что для них самое лучшее пойти по крайней мере на уступки¹²¹.

Глава IV. Учение Прудона

1. Общие замечания

1. Пьер-Жозеф Прудон родился в 1809 году, в Безансоне.

Сначала он был там и в других городах типографщиком.

Стипендия, выданная ему безансонской академией в 1838 году, дала ему возможность отправиться в Париж для научных занятий. В 1843 году он взял торговое место в Лионе.

В 1847 году оставил его и переехал в Париж.

С 1848 по 1850 год Прудон издавал в Париже различные газеты. В 1848 году он был членом Национального собрания.

В 1849 году основал народный банк. Немного спустя после этого он был присужден за нарушение законов печати к трехлетнему заключению, которое и отбыл в Париже, не оставляя своей литературной деятельности.

В 1852 году Прудон был выпущен из заключения. Он остался в Париже, пока в 1858 году не был осужден за такое же преступление снова на три года тюремного заключения.

Он бежал и нашел убежище в Брюсселе. В 1860 году был помилован и опять возвратился во Францию. С этого времени Прудон жил в Пасси, где и умер в 1865 году.

Прудон напечатал много трудов в области философии права, экономии и политики.

2. Для учения Прудона о праве, государстве и собственности первостепенное значение имеет его книга «*Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement*» (1840), а также двухтомное сочинение его «*Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère*» (1846); из книг периода 1848—1851 важны: «*Confessions d'un révolutionnaire*» (1849) и «*L'idée générale de la révolution au XIXe siècle*» (1851); наконец, среди сочинений, написанных после 1861 года, трехтомный труд «*De la justice dans la révolution et dans l'Eglise, nouveaux principes de philosophie pratique*» (1858) и сочинение «*Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution*» (1863)¹²².

Учение Прудона о праве, государстве и собственности претерпело впоследствии во второстепенных пунктах изменения, в главных же основаниях оно осталось верным себе; мнение, что оно было изменено и в своих главных пунктах, вытекает из произвольного и неустойчивого словоупотребления Прудона. Так как здесь не может быть изложена история

развития учения Прудона, то по отношению к этим второстепенным пунктам мы ограничиваемся его учениями с 1848 до 1851 года, в которых он особенно явственно развил свои взгляды и особенно сильно за них боролся.

3. Прудон называет свое учение о праве, государстве и собственности анархизмом. «Какой форме правления мы должны отдать преимущество? — Разве об этом может быть вопрос? — ответит мне один из моих молодых читателей. — Вы республиканец! — Республиканец, конечно, но это слово слишком неопределенно. Res publica означает общее дело; потому и тот, кто, независимо от формы правления, защищает общее дело, может назвать себя республиканцем. Ведь и короли также республиканцы. — Так вы, конечно, демократ? — Нет. — Как, неужели вы монархист? — Нет. — Либерал? — Боже сохрани. — Ну, так аристократ? — Ни в каком случае. — Вы хотите смешанного правления? — Еще менее. — Но в таком случае, что же вы, собственно, такое? — Я анархист»¹²³.

2. Основные положения

Согласно Прудону, самым высшим для нас законом является справедливость.

Что такое справедливость? «Справедливость — это непосредственно ощущаемое и взаимно охраняемое уважение к человеческому достоинству, где бы и у кого бы оно ни подвергалось опасности и чего бы нам ни стоила его защита»¹²⁴.

«Я должен относиться к моему ближнему с таким же почтением, как к самому себе, и по мере возможности добиваться этого и от других: это повелевает мне моя совесть. Почему я другому обязан оказывать это уважение? За его силу, его дарование и его богатство? Нет, это все внешности, которые я не должен уважать в человеке. Или, может быть, за то уважение, которое он оказывает мне? Нет, справедливость стоит ведь выше этой побудительной причины. Она не ожидает взаимности, но уважает человеческое достоинство даже в неприятеле; и благодаря этому существует военное право; даже в убийце, которого мы убиваем, потому что он не представляется нам больше человеком; и отсюда вытекает уголовное право. Я уважаю в ближнем не то, чем его наделила природа или чем украсило счастье: ни его быка, ни осла, ни его рабу, как сказано в десяти заповедях; а также и не то добро, которое я ожидаю от него в возмездие; я уважаю его человеческое свойство»¹²⁵.

«Справедливость — это действительность и в то же время идея»¹²⁶. «Справедливость — это сила нашей души, а именно, самая высокая из всех, та сила, благодаря которой мы становимся социальными существами. Но она не только сила, она в то же время идея, отношение, уравнение. Как сила, она способна к развитию, а в ее развитии заключается воспитание человечества; как уравнение она не содержит в себе ничего изменчивого, произвольного или противоречивого; она безусловна и неизменна, как и всякий закон, и, как всякий закон, она доступна всеобщему пониманию»¹²⁷.

Справедливость для нас высший закон: «Справедливость есть неприкосновенный масштаб всех человеческих поступков»¹²⁸. «Благодаря ей могут быть определены и регулируемы неопределенные по своей природе и противоречивые факты общественной жизни»¹²⁹.

«Справедливость — это главенствующая звезда, которая находится в центре всякого общества; полюс, вокруг которого вращается политический мир; фундамент и руководящая нить всех общественных дел. Все в среде людей совершается во имя права, и ничего — без призыва к справедливости»¹³⁰. Справедливость не является созданием закона; напротив того, закон есть всего только распространение и применение справедливости. «Положим, что в обществе, хотя бы незначительно, выше закона справедливости поставлен другой закон, например религиозный, или, что некоторым членам общества оказывается, тоже в самой малой степени, предпочтение перед другими, — тогда общество, вследствие нарушения справедливости, неизбежно должно рано или поздно погибнуть»¹³¹.

«Свойством справедливости является то, что она внушает непоколебимую веру, и что теория не может ее ни отрицать, ни отвергать. Все народы призывают к ней; государственная мудрость опирается на нее даже тогда, когда действует против нее; религия существует только благодаря ей; скептицизм исчезает перед ней; ирония обязана ей своей силой; преступление и лицемерие покоряются ей. Если свобода не пустословие, она действует и проявляется только в пользу права; даже когда она возмущается против права, она, в сущности, не отрицает его»¹³². «Все то, что наша мудрость знает о справедливости, заключается в знаменитом изречении: «Делай ближнему своему то, чего желаешь себе, и не делай другому того, чего не желаешь себе»¹³³.

3. Право

I. Во имя справедливости Прудон отрицает не право, а почти что все отдельные правовые нормы, и именно, государственные законы.

Государство устанавливает законы, «и именно столько законов, сколько оно встречает общественных интересов. Но, так как таких интересов бесчисленное множество, то законодательная машина должна безостановочно работать. Градом сыплются законы и приказы на бедный народ. Политическая почва скоро будет вся покрыта бумажным покровом, который геологи должны будут назвать в истории земли периодом бумажной формации. Конвент в продолжении трех лет одного месяца и четырех дней издал одиннадцать тысяч шестьсот законов и приказов; конституционное и законодательное собрания издали не меньшее их количество. Империя и последующие правительства продолжали действовать в таком же направлении. В настоящее время свод законов должен содержать более пятидесяти тысяч законов; если бы наши народные представители исполняли вполне добросовестно свои обязанности, то законов стало бы скоро вдвое больше. Мыслимо ли, чтобы народ или даже само правительство было в состоянии разобраться в этом лабиринте?»¹³⁴ «Что должны представлять собой законы для того, кто самостоятельно мыслит и один только ответствен за себя! Для того, кто хочет быть свободным и чувствует себя способным к этому! Я готов заниматься обсуждением, но не хочу иметь законов; никаких законов я не признаю. Я ограждаю себя от всякого распоряжения, изданного относительно меня мнимым необходимым начальством. Законы! Мы знаем, что они такое и насколько они пригодны. Это паутинные ткани для сильных и правящих, неразрывные цепи для бедных и низших; это — рыболовные сети в руках правительства»¹³⁵.

«Надобность существует в немногих, но простых и хороших законах. Но как это возможно? Разве не должно правительство считаться со всеми интересами и решать все споры? Но интересы сообразно сущности общества бесчисленны; отношения постоянно меняются, и их разнообразие не имеет конца. Как тут можно обойтись немногими законами? Как это они могут быть несложными? Каким образом можно предупредить, чтобы самый лучший из них не сделался бы тотчас же отвратительным?»¹³⁶

II. Справедливость требует того, чтобы только одна правовая норма имела значение, именно та правовая норма, согласно которой договоры должны быть исполняемы.

Что такое договор? «Договор, — говорит Code civil в статье 1101,— есть такое соглашение, в силу которого одно или многие лица обязываются одному или многим лицам сделать нечто или не делать ничего»¹³⁷. «Для того чтобы я был свободным, следовал только своему собственному закону и лишь себе самому давал предписания, здание общества должно быть построено на идее договора»¹³⁸; «идея же договора должна быть для нас основной идеей всякой политики»¹³⁹. «Норма, состоящая в том, что договоры должны быть выполняемы, должна быть основана не только на своей собственной справедливости, но также и на том, что среди совместно живущих людей существует стремление в нужных случаях принудить силой к исполнению договоров»¹⁴⁰. Она должна быть, таким образом, не только требованием нравственности, но также и правовой нормой.

«Многие подобные тебе люди согласились между собой охранять свои права и быть преданными друг другу, т.е. соблюдать в своих отношениях те правила, которые одни только, по самой природе вещей, в состоянии в широких размерах принести им счастье, безопасность и мир. Хочешь вступить в их договор? Хочешь принять участие в их обществе? Обещаешь ли ты уважать честь, свободу и имущество твоих собратьев? Обещаешь ли никогда не присваивать себе посредством насилия, обмана, ростовщичества и биржевой игры продукты и собственность другого? Обещаешь ли никогда не лгать и не обманывать, ни перед судом, ни в каких торговых сношениях? Ты можешь сказать да или нет.

Если скажешь нет, то ты дикарь. Ты отказался от общества людей и подозрителен. Ничто не защищает тебя. При малейшем оскорблении может тебя умертвить первый встречный, которого можно будет упрекнуть только в ненужной жестокости против дикого зверя.

Если же ты присягаешь этому договору, то ты принадлежишь обществу свободных людей. Вместе с тобой обязательство принимают все твои братья и обещают тебе верность, дружбу, помощь, готовность к услугам и общение. В случае нарушения договора с их или с твоей стороны, будь это вследствие беспечности, страсти или злого умысла, вы ответственны друг перед другом как за причиненный вред, так и за доставленную досаду и вызванную опасность; и эта ответственность может, смотря по степени и многократности нарушения договора, повести даже к исключению из общества и смертной казни»¹⁴¹.

4. Государство

I. Так как Прудон одобряет единственно только ту правовую норму, согласно которой все договоры должны быть исполняемы, он может признать также только одно правовое отношение, а именно правовое отношение сторон, заключающих договор. Он должен поэтому неизбежно отрицать государство, ибо оно существует в силу особенных правовых норм и, как принудительное правовое отношение, связывает и тех, которые никоим образом не обязались договорами. Таким образом, Прудон отрицает государство безусловно, без всякого ограничения пространством или временем; он считает его даже таким правовым отношением, которое в особенности противоречит справедливости.

«Управление людьми посредством людей есть рабство»¹⁴².

«Кто налагает на меня руку свою, чтобы повелевать мною, тот узурпатор и тиран: я считаю его своим врагом»¹⁴³. «Во всяком обществе насилие людей над людьми находится в обратном отношении к духовному развитию этого общества, и вероятная продолжительность этого насилия может быть вычислена на основании более или менее общего стремления к истинному, т.е. научному устройству»¹⁴⁴.

«Никакая монархия не законна. Она не может получить законности ни путем наследования, ни путем выбора, ни благодаря праву общей подачи голосов, ни благодаря превосходству правителя, ни в силу религиозной и традиционной святости. Всякое господство людей над людьми, в форме ли монархической, олигархической или демократической, представляет собой всегда автократию и в равной степени несправедливо и бессмысленно»¹⁴⁵. Особенно нужно принять к сведению то, что и «демократическая форма есть не что иное, как конституционный произвол, который следует за другим конституционным произволом; она не имеет никакого научного значения и может быть рассматриваема только как переходная ступень к единой, нераздельной республике»¹⁴⁶.

«Едва успел авторитет появиться на земле, как весь мир начал добиваться его. Авторитет, правительство, насилие, государство — все эти слова обозначают одно и то же — служили всякому средством для угнетения и эксплуатации своего ближнего. Авторитет был единственной целью, к которой был обращен взор любителей абсолютизма, а также доктринеров, демагогов и социалистов»¹⁴⁷. «Все партии без исключения, как скоро они начинают стремиться к власти, делаются только различными формами абсолютизма, и до тех пор не будет свободы для гражданина, порядка в обществе, единодушия среди рабочих, пока в нашем политическом катехизисе отказ от авторитета не заступит место веры в авторитет. Никаких партий, никаких авторитетов, только безусловная свобода людей и граждан: эти три слова содержат все мое политическое и социальное вероисповедание»¹⁴⁸.

II. Справедливость требует вместо государства дружественного общежития людей на основании правовой нормы, согласно которой все договоры должны быть исполнены.

Эту совместную жизнь Прудон называет «анархией»¹⁴⁹, а позднее «федерацией»¹⁵⁰; ¹⁵¹.

1. После уничтожения государства тоже должна существовать социальная жизнь людей. Уже в 1848 году Прудон говорил, что следует «установить систему совершенного равенства, в которой все современные учреждения за исключением собственности, т.е.

злоупотребления ею, не только найдут свое место, но сами станут орудием равенства; именно свобода отдельного человека, разделение власти, государственная прокуратура, суд присяжных, разделение судебной и административной власти»¹⁵².

Но людей должна связывать в общество не какая-нибудь высшая власть, а единственно налагающая правовые обязательства сила договора. «Если я с одним или с несколькими своими согражданами веду переговоры насчет какого-нибудь предмета, то ясно, что для меня моя воля закон; когда я исполняю принятую на себя обязанность, я сам для себя правительство. Если бы я мог, следовательно, заключить со всеми такой договор, какой я заключаю с некоторыми, если бы все они могли бы обязать себя друг перед другом таким же образом, если бы образовались благодаря этим договорам группы граждан, общины, округа, провинции, которые имели бы силу юридического лица и, в свою очередь, соединились бы между собой на тех же основаниях, то это было бы то же самое, как если бы моя воля получила бесконечное повторение. Установленный таким образом закон, независимо от того, относительно какого предмета и по чьему предложению он был издан, будет всегда только моим законом; и если этот порядок вещей назывался бы правительством, то это было бы мое правительство. Как только договор вообще стал бы на место закона, мы имели бы истинное правительство людей и граждан, истинное народное главенство, республику»¹⁵³.

«В республике каждое мнение и каждая деятельность свободны; и именно благодаря разнообразию мнений и деятельностей народ мыслит и действует, как отдельный человек. В республике каждый гражданин делает только то, что он хочет, и подобно тому, как он принимает участие в производстве и обращении товаров, он участвует и в законодательстве и управлении. В ней каждый гражданин — король, ибо он имеет полную власть: он господствует и управляет. Республика — это позитивная анархия. В ней порядок не является господином свободы, как в конституционной монархии, ни тюрьмой для свободы, как при временном правительстве. В ней со свободы сняты все оковы, суеверия, предрассудки, ложные умозаключения, всякое воровство и насилие; свобода взаимна и безгранична; свобода не дочь, но мать порядка»¹⁵⁴.

2. Анархия нам может легко представиться «высшей степенью беспорядка и выражением хаоса. Рассказывают, что в Париже в семнадцатом столетии один гражданин, услышав, что в Венеции нет короля, не мог оправиться от своего удивления и чуть не умер со смеха. Наш предрассудок принадлежит сюда же»¹⁵⁵. В противоположность этому Прудон рисует картину того, как при анархии может развиваться социальная жизнь людей в ее частных проявлениях для того, чтобы удовлетворять всем тем задачам, которые исполняются теперь государством.

Он начинает свое описание примером: «Церковная власть была, согласно преданию, много столетий отделена от светской власти. Никогда, однако, не было полного разделения, и централизация поэтому, к великому вреду церковной власти, а также и верующих, никогда не была вполне достаточной. Полное разделение было бы тогда, если бы светская власть не заботилась об обедне, о таинствах, об управлении церковными приходами и назначении епископов. Затем, централизация была бы больше и вследствие этого правление более упорядоченным, если бы народ во всяком приходе имел право сам избирать священника или

вообще оставлять это место незанятым, если бы священники во всякой епархии сами себе выбирали епископа и если бы только собрание епископов выносило решения относительно духовных дел, относительно теологического обучения и церковной службы. Это разделение власти имело бы своим последствием то, что духовенство перестало бы быть в руках государства орудием тирании против народа. Введением же всеобщей подачи голосов церковное управление было бы внутри себя централизовано под влиянием народа, а не правительства или папы, и находилось бы в продолжительном согласии с потребностями общества, нравственным и духовным состоянием граждан. Если желательно, таким образом, возвращение к органической, экономической и социальной истине, то необходимо прежде всего устранить преумножение конституционной власти, отняв от государства право назначения епископов и отделивши раз навсегда церковную власть от светской. Во-вторых, необходимо централизовать церковь посредством системы постепенных выборов. В-третьих, в основание церковной власти, также и всех других государственных властей нужно положить всеобщее избирательное право. При такой системе то, что теперь называется правительством, представляло бы собой только правление. Вся Франция централизована в делах церкви. В силу своего избирательного права вся страна как в церковных, так и в светских делах управляет собой сама. Ясно, что если бы все дела страны могли быть таким образом управляемы, то установился бы совершеннейший порядок, сильнейшая централизация, причем не было бы ничего из того, что мы теперь называем общественным насилием или правительством»¹⁵⁶.

Свой второй пример Прудон берет из области судебной власти: «Судопроизводство со всеми его многочисленными подразделениями, своими рангами, своей несменяемостью, своим объединением под одним министерством имеет ясно выраженную особенность и необыкновенную склонность к централизации. Но оно совсем не находится в руках граждан, оно находится в полном распоряжении исполнительной власти и подчинено не стране посредством выборов, а правительству, т.е. президенту. Поэтому граждане находятся в таком же отношении к своим «естественным» судьям, как прихожане к своему пастырю; народ тоже наследственно принадлежит чиновникам, партия существует для судьи, а не судья для партии. Нужно только применить общее избирательное право и постепенную избирательную систему в судопроизводстве, как и в церковном управлении, устранить пожизненность должности, которая равносильна уничтожению права выборов, лишить государство всякого влияния на судебное сословие, и это само по себе централизованное сословие подчинить народу, и государственная власть будет лишена самого сильного своего средства для тирании, а правосудие будет служить свободе и порядку. И если нежелательно, чтобы народ, от которого при общей подаче голосов должна исходить всякая власть, встал в противоречие сам с собой и в церковных делах желал бы одного, а в мирских другого, то можно быть уверенным в том, что разделение властей не поведет к раздорам и что разделение и равновесие будут в будущем, наоборот, обозначать одно и то же»¹⁵⁷.

Затем Прудон касается войска и пошлины, забот о сельском хозяйстве и торговле, общественных работ, общественного воспитания и финансов, и для всех этих ведомств он требует самостоятельности и централизации на основании общего избирательного права¹⁵⁸.

Чтобы народ мог обнаружить единство, он должен централизовать религию, правосудие, войска, земледелие, промышленность, торговлю и финансы, одним словом, все силы и все деятельности. Эта централизация должна произойти снизу вверх, с периферии к центру, и всякий род деятельности должен быть независим и иметь самостоятельное управление.

«Следует только объединить все эти ведомства в их представительствах; таким образом создается совет министров и этим самым исполнительная власть, помимо которой не нужен уже более никакой государственный совет.

«Над всем этим учреждается высшее судилище, законодательная власть или национальное собрание, которое непосредственно назначается страной и на котором не лежит обязанности назначать министров — это делает сама страна, — а проверять отчеты, издавать законы, определять бюджет и улаживать споры различных ведомств; все это оно делает, выслушав предварительно государственное министерство или министра внутренних дел, под ведомством которого находится в таком случае все управление. Таким образом, получается централизация, которая тем сильнее, чем больше у нее пунктов сосредоточия; так устанавливается ответственность, которая получает тем большее значение, чем строже разграничены власти друг от друга, и создается одновременно политический и социальный строй»¹⁵⁹.

5. Собственность

I. Так как Прудон признает единственно ту правовую норму, согласно которой договоры должны быть выполняемы, он может признать только одно правовое отношение, а именно правовое отношение между сторонами, заключающими договор. Поэтому он, подобно государству, должен отвергнуть также и собственность, которая существует благодаря особым правовым нормам, и, будучи несвободным правовым отношением, обязывает также и тех, которые совсем не обязали себя договором.

Он отвергает собственность совершенно, без всякого ограничения пространством или временем; даже более, она кажется ему таким правовым отношением, которое особенно противоречит справедливости.

По его мнению, «собственность есть право пользования и злоупотребления, т.е. безусловное и безответственное господство человека над самим собой и над своим имуществом. Если б собственность перестала быть правом злоупотребления, она перестала бы быть собственностью. Разве собственник не имеет права дарить свое богатство кому угодно, спокойно смотреть на пожар своего соседа, противиться общественному благу, промотать свое состояние, эксплуатировать и грабить рабочих, ставить плохой товар и нечестно его продавать? Разве судья может принудить его с пользой употреблять свое богатство и препятствовать ему злоупотреблять им? Разве не благодаря своему злоупотреблению вообще собственность представляет для законодателя содержание всякой святости? Можно разве представить себе вообще собственность, пользование которой регулировалось бы полицейскими действиями, а злоупотребление ею полицейскими действиями же запрещалось бы? Не ясно ли, как божий день, что введение справедливости в собственность

было бы разрушением собственности, точно так же, как закон, который ввел умеренность в конкубинат, этим самым уничтожил его?»¹⁶⁰

«Воровство производится, во-первых, воров на открытой дороге, во-вторых — в одиночку или шайкой, в-третьих — посредством взлома или проникновения, в-четвертых — посредством захвата, в-пятых — посредством злостного банкротства, в-шестых — посредством подделки частных или общественных бумаг, в-седьмых — посредством подделки монет; воруют, в-восьмых — посредством шулерства, в-девятых — посредством обмана, в-десятых — посредством мошенничества, в-одиннадцатых — во время игры и лотереи; воруют, в-двенадцатых — посредством ростовщичества; воруют, в-тринадцатых, обязывая других платить ренты, проценты, квартирный наем и аренду. В-четырнадцатых, воруют при торговле, когда выгода купца превышает плату за его труд; воруют, в-пятнадцатых, продавая слишком дорого свой товар, принимая синекуру или заставляя выдавать себе очень крупное жалованье»¹⁶¹. «При запрещении законом воровства открыто выступают насилие и хитрость; при допускаемом законом воровстве для того, чтобы обирать свои жертвы, они скрываются за накопленным богатством. Непосредственное применение насилия и хитрости было единогласно отвергнуто уже в старые времена, но ни один народ не дошел еще до того, чтобы освободиться от воровства, связанного с талантом, работой и обладанием»¹⁶². В этом смысле собственность есть «воровство»¹⁶³, «эксплуатация слабых сильными»¹⁶⁴, «противозаконие»¹⁶⁵, «общественное самоубийство»¹⁶⁶.

II. Справедливость требует вместо собственности такого распределения богатства, которое основано на той правовой норме, согласно которой договоры должны быть исполняемы.

Прудон называет собственностью ту частицу богатства, которая достается каждому по договору. В 1840 году он требовал замены собственности индивидуальным владением, чем должно быть на свете уничтожено зло¹⁶⁷. Но уже в 1841 году он объясняет, что под собственностью он понимает единственно лишь злоупотребление ею¹⁶⁸; он тогда же указывает на необходимость создания общественной системы, где найдут свое место право на торговлю и обмен, право наследования родственниками, право первородства, право завещания¹⁶⁹. В 1846 году он говорит: «В один прекрасный день преобразованная собственность станет положительной, совершенной, социальной и истинной идеей; новая собственность заступит место старой и будет одинаково для всех действительна и благодетельна»¹⁷⁰. В 1848 году он объясняет: «Собственность никогда не может исчезнуть, поскольку человеческая личность образует ее основание и содержание. Как постоянное побуждение к работе, как противник, без которого работа ослабела бы и исчезла, собственность должна жить в сердце человека»¹⁷¹. А в 1858 году он говорит: «То, чего я хотел еще в 1840 году, определяя понятие собственности, и чего я хочу еще и теперь, есть не разрушение собственности — мне уже надоело повторять это, да это, кроме того, означало бы, что вместе с Руссо, Платоном, также Луи Бланом и всеми другими противниками собственности я впадаю в коммунизм, от которого я себя охраняю со всею строгостью; то, чего я требую по отношению к собственности — есть равновесие»¹⁷², т.е. «справедливость»¹⁷³.

Во всех этих выражениях собственность означает не что иное, как частицу богатства, доставшуюся каждому человеку на основании договоров, на которых должно быть построено все общество¹⁷⁴. Собственность, которую Прудон признает, не может быть каким-нибудь особым правовым отношением, а только возможным содержанием единственного им допускаемого правового отношения, а именно отношения договора.

Если Прудон требует во имя справедливости известного распределения собственности, то это обозначает не что иное, как то, что договоры, на которых должно быть построено общество, в известной степени должны определять собою распределение богатств известным образом, а именно так, чтобы каждый человек имел полный доход от своей работы.

1. «Мы можем себе представить мир богатств как одну массу, связанную надолго химической силой, к которой беспрестанно примыкают новые элементы, соединенные между собой весьма разнообразно, но согласно известному закону. Ценность — это то отношение (мера), согласно которому каждый из этих элементов образует часть целого»¹⁷⁵. «Таким образом, я предполагаю такую силу, которая связывает между собой элементы мира богатств в определенные отношения и образует из них единое целое»¹⁷⁶. «Эта сила — труд. Труд и только труд производит все элементы мира богатств и законообразно связывает его молекулы включительно до самой последней в переменчивое, но определенное отношение»¹⁷⁷. «Каждый продукт выражает собой затраченную на него работу»¹⁷⁸.

«Каждый продукт может быть обменян только на другой продукт»¹⁷⁹. «Если портной может получить за свой рабочий день десять ткацких рабочих дней, то это все равно, что если бы ткач десять дней своей жизни отдал бы за один день жизни портного. Это такой же случай, как и тогда, когда крестьянин платит нотариусу двенадцать франков за один акт, который он написал в один час. Это неравенство, эта несправедливость в торговле и обмене есть виднейшая причина нищеты. Всякое нарушение справедливости при обмене означает, что рабочий принесен в жертву, что кровь одного человека перелита в тело другого»¹⁸⁰. «Я требую по отношению к собственности равновесия. Недаром дух народов снабдил справедливость этим оружием точности. Справедливость в ее применении к народному хозяйству в действительности не что иное, как вечное равновесие. Или, выражаясь точнее, справедливость при разделении богатств есть не что иное, как обязанность каждого гражданина и каждого общества в своих деловых отношениях всегда соотноситься с законом равновесия, которое обнаруживается повсюду в экономической жизни и из нарушения которого, будь оно случайное или умышленное, вытекает нищета»¹⁸¹.

2. Каждый человек должен пользоваться доходом со своей работы, согласно Прудону, только при установлении взаимности; поэтому Прудон называет свое учение «теорией мутуальности (*mutuum*)»¹⁸². «Взаимность находит свое выражение в следующем предписании: делай ближнему то, чего желаешь себе; народная экономика дала этому правилу свою известную формулу: продукты обмениваются на продукты. Все зло, которое нас губит, происходит оттого, что закон взаимности забыт и нарушен. Целительное средство может дать только провозглашение этого закона. Организация наших взаимных отношений — вот в чем состоит вся тайна социальной науки»¹⁸³.

В своем пламенном заявлении, которое Прудон предпосылает общественному договору о народном банке при его обнародовании, он говорит: «Я утверждаю, что в моей критике собственности или скорее совокупности учреждений, ядро которых составляет собственность, я никогда не имел намерения затрагивать приобретенные права, или оспаривать какое-нибудь право на владение, или требовать произвольного разделения богатств, или противодействовать свободному и правильному приобретению собственности посредством купли и обмена; я также никогда не желал того, чтобы государство запретило или уничтожило ипотеки или процент с капитала. Я держусь того мнения, что эти проявления человеческой деятельности должны быть предоставлены свободному желанию каждого; они вовсе не должны быть изменены, приостановлены или подавлены при помощи таких средств, которые не вытекают бы сами по себе и с необходимостью из общего применения установленного мною синтетического закона взаимности. В этом мое последнее желание; только тот, кто способен лгать пред лицом смерти, может сомневаться в моей искренности»¹⁸⁴.

6. Осуществление

Требуемая справедливостью перемена должна совершиться так, чтобы люди, которые познали истину, убедили бы других в том, что эта перемена необходима ради справедливости и чтобы таким путем само собой преобразовалось право, исчезли государство и собственность и наступил новый строй. Новый строй наступит, «как только эта идея начнет распространяться»¹⁸⁵; для того, чтобы он наступил, мы должны «распространять эту идею»¹⁸⁶.

I. Необходимо только убеждать людей в том, что справедливость требует перемены.

1. Прудон считает всякий другой путь негодным. Его учение находится «в согласии со строем и законами»¹⁸⁷. «Нас призывают сначала к революции, просвещение же придет само собой. Но ведь революция есть не что иное, как просвещение умов!»¹⁸⁸ «Золотокопатели, которые недавно очутились в Калифорнии, находились, быть может, в печальном положении, будучи вынуждены кровопролитием добыть себе права; нас же пусть счастье Франции хранит от этого!»¹⁸⁹ «Несмотря на насилия, свидетелями которых мы бываем, я не верю, чтобы в один прекрасный день свобода для достижения своих прав и ради мести за причиненное оскорбление должна будет употребить насилие. Разум окажет нам лучшие услуги; терпение, равно как и революция, непреодолимы»¹⁹⁰.

2. Как же нам убедить людей, «как сделать распространенной идею, раз буржуазия борется с нами, раз вследствие рабства оглупевший народ со своими предрассудками и злыми намерениями остается равнодушным, когда кафедра, академия и пресса клеветают на нас, суды свирепствуют против нас, правительство связывает нам язык? Мы можем быть спокойны. Подобно тому, как вследствие недостатка в идеях не удаются самые лучшие предприятия, так, с другой стороны, борьба против идей только способствует скорейшему росту революции. Кто не видит того, что состояние опекунов, неравенства, привилегированности, государственной мудрости и вечного блаженства сделалось для господствующих классов, совесть и разум которых оно мучает, еще более несносным, чем

для черни, которая терпит от этого голод?»¹⁹¹

3. Самое лучшее средство для того, чтобы убедить людей, согласно Прудону, заключается в том, чтобы показать народу в государстве, не нарушая его прав, «пример свободной, независимой и всесторонней централизации» и тогда же дать применение основным принципам будущего общественного устройства¹⁹². «Это кладет начало общественной деятельности, без которой народ всегда томится в бедности и бесплодно мучается, и учит его без правительственной помощи создать себе благосостояние и порядок»¹⁹³.

Дать такой пример Прудон думал основанием народного банка¹⁹⁴.

Народный банк должен был организовать производителей одновременно, как начальный и конечный пункт производства, как капиталистов и как потребителей, и этим самым обеспечить для всех труд и благосостояние¹⁹⁵.

«Народный банк должен быть собственностью всех граждан, которые пользовались бы его услугами, которые внесли бы, может быть, в него деньги, — полагая, что он нуждается на некоторое время в основном капитале, — и, во всяком случае, обязались бы преимущественно в этом банке учитывать векселя и брать в уплату его чеки. Таким образом, народный банк должен работать в пользу своих собственных участников и не брать процентов ни за ссуду, ни за дисконтировку векселей. Он должен взимать небольшое возмездие для покрытия расходов и на жалованье служащим. Кредит должен быть беспроцентный; раз этот основной закон был бы осуществлен, отсюда вытекли бы бесчисленные результаты»¹⁹⁶.

«Таким образом, народный банк был бы примером самостоятельного проявления народа; он показал бы, что правление и хозяйство синтетически соединены в руках народа, и стал бы, таким образом, для пролетариата одновременно путеводной звездой и орудием освобождения. Он создал бы политическую и экономическую свободу. И так как всякая философия и всякая религия есть метафизическое или символическое выражение народного хозяйства, то и народный банк произвел бы посредством изменения материального фундамента общества философскую и религиозную революцию: так по крайней мере представляли его себе его основатели»¹⁹⁷.

Все это делается ясным при изложении некоторых статуты из общественного договора о народном банке.

«Статья 1. Основывается торговое общество под именем Общества народного банка. Членами состоят: присутствующий гражданин Прудон и те лица, которые приобретением акций подчиняются следующим положениям.

Статья 3... Это — коммандитное общество; ответственный член — гражданин Прудон; другие соучастники — только акционеры, и их ответственность ни в коем случае не превышает стоимости их акций.

Статья 5... Фирма называется: Пьер-Жозеф Прудон и Компания.

Статья 6. Кроме членов самого торгового общества, каждый гражданин может вступить в народный банк в качестве сотрудника. Для этой цели он должен подчиниться законам банка и признать его чеки.

Статья 7. Так как народный банк способен к неограниченному распространению, то и его возможная продолжительность также неограниченна. Принимая, однако, во внимание законные постановления, продолжительность этого банка определяется на девяносто девять лет со дня его окончательного учреждения.

Статья 9. Народный банк имеет своим необходимым основанием беспроцентный кредит и беспроцентный обмен, предметом своей деятельности не производство, а обмен ценностей, средством же — единогласие производителей и потребителей. Он может и должен поэтому работать без капитала.

Эта цель будет достигнута, как только все производители и потребители подчинятся уставу общества.

Пока же народный банк должен, принимая во внимание обычаи торговых приемов и законные предписания и с целью наиболее легкого приобретения участников, образовать капитал.

Статья 10. Капитал банка состоит из пяти миллионов франков и распределен на один миллион акций по пяти франков каждая.

...Общество окончательно образовано и вступает в действие, как только будут подписаны десять тысяч акций.

Статья 12. Выдача акций совершается *al pari*; акции не приносят процентов.

Статья 15. Главнейшие дела народного банка: 1) увеличение капиталов кассы посредством выдачи чеков; 2) учет коммерческих бумаг за двумя подписями; 3) учет комиссий и фактур; 4) выдача под залог; 5) бланковой кредит под поручительство; 6) заем под ренты и ипотеки; 7) платежи и покрытия; 8) коммандитное участие. К этому прибавляются: 9) сберегательный, вспомогательный и пенсионные кассы; 10) страхования; 11) сохранение вкладов; 12) составление баланса.

Статья 18. В то время, как обыкновенные банковские бумаги оплачиваются деньгами, бумаги народного банка являются долгосрочными переводными расписками на общество; всякий член общества или сотрудник должен платить за них по предъявлении продуктами своего производства или ремесла.

Статья 21. Каждый сотрудник обязан всякую свою потребность удовлетворять преимущественно, поскольку она может быть удовлетворена обществом при помощи других сотрудников, и делать поручения тоже исключительно членам и сотрудникам общества.

Наоборот, свой товар он обязан уступать каждому производителю или торговцу, принимающему участие в обществе и другим сотрудникам за умеренную цену

Статья 62.

Народный банк свою главную контору имеет в Париже.

Он стремится постепенно установить в каждой префектуре другую контору, а в каждой общине иметь своего представителя.

Статья 63. Как только все это будет выполнено, произойдет превращение общества в акционерное общество, причем эта форма делает возможным осуществление в духе основателей, во-первых, выбора должностных лиц, во-вторых, разделения и независимости должностей и в-третьих, личной ответственности каждого из участников»¹⁹⁸.

II. Раз только люди убедились, что справедливость требует переворота, «деспотизм падет сам собой вследствие своей бессодержательности»¹⁹⁹. Государство и собственность уничтожаются, право преобразовывается, и наступает новый строй.

«Революция не поступает согласно старым аристократическим и династическим основоположениям. Она есть право, баланс сил, равенство. Не ее это дело приобретать страны, поработать народы, защищать границы, строить крепости, содержать войска, пожинать лавры, принимать участие в европейском концерте. Сила ее экономических учреждений, безвозмездность ее кредита, великолепие ее идеи достаточны для того, чтобы мир направить на истинный путь»²⁰⁰. «Революция имеет своими союзниками всех угнетенных и эксплуатируемых; она должна только явиться, а вселенная раскроет ей свои объятия»²⁰¹.

«Я хочу мирной революции. Осуществление моих требований должно предоставить в ваше распоряжение те учреждения, отмены которых я требую, а также и те правовые основоположения, восстановление которых лежит на ваших плечах. Поэтому новое общество должно быть свободным, естественным и необходимым развитием старого, и революция означает не только уничтожение прежнего порядка, но и его усовершенствование»²⁰². «Если народ познал свое собственное благо и решил произвести не только реформу правления, но и революцию в обществе²⁰³, то «крушение правления в экономическом организме»²⁰⁴ произойдет в такой форме и таким образом, о которых в настоящее время можно высказывать только догадки²⁰⁵.

Глава V. Учение Штирнера

1. Общие замечания

1. Иоанн Каспар Шмидт родился в 1806 году в городе Байрейте, в Баварии. С 1826 по 1828 год он учился в Берлине, с 1828 по 1829 год он изучал филологию и теологию в Эрлангене. В 1829 году он прервал свое учение, совершил сначала длинную поездку по Германии и жил после этого попеременно до 1832 года в Кенигсберге и в Кульме. С 1832 до 1834 года он учился опять в Берлине, а в 1835 году он там же сдал экзамен на гимназического учителя; но государственной должности он не получил, а сделался в 1839 году учителем частной женской школы в Берлине. В 1844 году он оставил эту должность, но остался жить в Берлине, где и умер в 1856 году.

Частью под именем Макса Штирнера, частью без подписи Шмидт выпустил небольшое число сочинений, по большей части философского содержания.

2. Учение Штирнера о праве, государстве и собственности изложено в его книге «Der Einzige und sein Eigentum» (1845).

Но тут поднимается вопрос, может ли вообще быть речь об учении Штирнера?

Штирнер не признает никакого долга. «Люди таковы, каковыми они должны и могут быть. Чем они должны быть? Конечно, не больше того, чем они могут быть! Чем же они могут быть? Опять-таки не выше того, чем могут быть, т.е. чем это им позволяют их силы»²⁰⁶. «Человек ни к чему не «призван», не имеет никаких «задач», никакого «определения» так же, как растение или животное. Он не имеет призвания, но он имеет силы, которые обнаруживаются там, где они существуют, так как их существование заключается единственно в их обнаружении, и также мало могут остаться бездейственными, как сама жизнь, которая, если бы «остановилась» хоть на одну секунду, перестала бы быть жизнью. В таком случае можно было бы сказать человеку: употребляй свою силу. И в этом императиве заключался бы тот смысл, что задача человека состоит в употреблении его силы. Но этого нет на самом деле. Наоборот, в действительности каждый употребляет свою силу, не считая ее своим призванием; каждый употребляет в каждый данный момент столько силы, сколько он ее имеет»²⁰⁷.

Штирнер вообще не признает никакой истины: «Истины — это фразы, пустые выражения, слова (λογος); будучи поставлены в связь или приведены в порядок, они образуют логику, науку, философию»²⁰⁸. Поэтому нет ни истины, ни права, ни свободы, ни человечности и т.д., которые могли бы устоять предо мной и которым бы я подчинился»²⁰⁹. «Если существует хоть одна истина, которой человек должен посвящать свою жизнь и силы, потому что он человек, он подчинен правилу, господству, закону и т.д., — он раб»²¹⁰. «До тех пор, пока Ты веришь в истину, Ты не веришь в себя и Ты раб, — Ты религиозный человек.

Ты один только истина, или еще более, Ты больше истины, которая ничто по сравнению с Тобой»²¹¹.

Если сделать отсюда поверхностное заключение, то следовало бы сказать, что книга Штирнера представляет собой личное признание, изложение мыслей без всякой претензии на всеобщее значение; Штирнер не говорит нам о том, что он считает истинным или что мы, по его мнению, должны делать, но он дает нам возможность наблюдать за игрой его представлений. Но сам Штирнер не делает такого заключения²¹², и из-за формы изложения его книги, которая большею частью говорит о штирнеровском «Я», этого не следует предполагать. Он называет того «ослепленным, который хочет быть только «человеком»²¹³. Он выступает против «ошибочного сознания, будто я не имею права настолько, сколько мне необходимо»²¹⁴. Он смеется над верой наших бабушек в привидения²¹⁵. Он говорит: «наказание должно уступить место удовлетворению»²¹⁶; человек «должен защищаться против человека»²¹⁷. И он прибавляет к этому: «над вратами нашего времени стоит не аполлоновское «Познай самого себя», но изречение: «увеличивай свое значение»²¹⁸. Таким образом, Штирнер хочет познакомить нас не только со своим внутренним состоянием во время издания этой книги, но он хочет нам сказать, что он считает истинным и что мы должны делать; его книга не только личная исповедь, но научная теория.

3. Свое учение о праве, государстве и собственности Штирнер не называет анархизмом. Название анархизма он применяет, наоборот, к политическому либерализму, против которого он борется²¹⁹.

2. Основные принципы

Согласно Штирнеру, для каждого из нас самый высший закон — это наше собственное благо.

Что же это такое — собственное благо? «Мы ищем наслаждения жизни!»²²⁰ «С этого момента вопрос не в том, как приобрести жизнь, а в том, как ее употребить, как наслаждаться ею; не в том, как установить в себе свое настоящее «Я», но в том, как развернуться и оживить свой дух»²²¹. «Для того чтобы наслаждение жизнью взяло верх над жадной или чаяниями жизни, оно должно преодолеть их в двояком отношении, которое Шиллер выводит в «Ideal und Leben»; оно должно уничтожить духовную и материальную бедность, уничтожить идеал и нужду в повседневном хлебе.

Кому приходится тратить свою жизнь для того, чтобы жить, тот не может наслаждаться жизнью; кому сначала надо искать свою жизнь, тот не имеет ее и не может наслаждаться ею: оба бедны»²²².

Собственное благо наш высший закон. Штирнер не признает никаких обязанностей²²³. «Какое мне дело до того, по-христиански ли то, о чем я думаю и что я делаю? Человечно ли это, либерально, гуманно или бесчеловечно, нелиберально, негуманно, — разве это меня касается? Если это только дает мне то, чего я хочу, если я этим удовлетворяю себя, тогда

можете давать этому какие угодно определения, мне это безразлично»²²⁴. «Таким образом, мое отношение к миру такое: «я не делаю ничего «для Бога», не делаю ничего «ради человека», но все, что я делаю, это «ради Себя»²²⁵. «Там, где мир становится мне поперек дороги — а это он делает повсюду, — я уничтожаю его для того, чтобы утолить голод своего эгоизма. Ты для меня не что иное, как пища, подобно тому как и Ты поедаетшь и потребляешь меня. Мы стоим друг к другу только в одном отношении — отношении пригодности, полезности, прибыли»²²⁶. «Я тоже люблю людей, не только отдельных, но каждого. Но я люблю их с сознанием эгоизма; я люблю их потому, что любовь делает меня счастливым; я люблю потому, что любить естественно для меня, потому что мне это нравится. Я не знаю никакой «заповеди любви»²²⁷.

3. Право

I. С точки зрения личного блага каждого Штирнер отвергает право без всяких ограничений, пространственных или временных.

Право основывается не на том, что каждый признает, что оно способствует его благу, но на том, что каждый признает его святым. «Кто же может говорить о «праве», если он только не стоит на религиозной точке зрения? Разве право не является религиозным понятием, т.е. чем-то святым?»²²⁸ «Когда революция возвела равенство в правовую норму, она проникла в религиозную область, в царство святости, идеала»²²⁹. «Я должен почитать султанское право в султанстве, народное право в республике, каноническое право в католической общине и т.д. Этим правам я должен подчиниться, должен считать их святыми»²³⁰. «Закон свят, и кто его нарушает, тот преступник»²³¹. «Только по отношению к святому бывают преступники»²³²; «преступление исчезает, когда исчезнет святое»²³³. «Наказание имеет значение только по отношению к святому»²³⁴. «Что делает священник, увещающий преступника? Он ему рисует его великую несправедливость, как он осквернил своим поступком святыню государства, его собственность (сюда должна быть причислена и жизнь граждан)»²³⁵.

Но право также мало священо, как мало оно способствует благу каждого. «Право — призрачное построение»²³⁶. «Люди не стали господами идеи «права», которую они сами создали: их творение ускользает от их власти»²³⁷. «Пусть человек заявляет в два раза более претензий на свои права: какое мне дело до его прав и претензий»²³⁸. Я их не уважаю. «Ты имеешь право на то, что можешь сделать. Все права и все полномочия я произвожу от самого себя. Я имею право на все то, что я могу осилить. Я имею право низвергнуть Зевса, Иегову, Бога и т.д., если только я могу это сделать; если же я этого не могу, то эти боги навсегда останутся правыми и сильными против моего желания»²³⁹. «Право превращается в ничто, если оно поглощается насилием»²⁴⁰. «Но вместе с понятием свой смысл теряет также и слово»²⁴¹. «Народ может быть против богохульников; и тогда издается закон против богохульства. Должен ли я поэтому не богохульствовать? Разве этот закон должен для меня представлять нечто большее, чем приказание?»²⁴² «Кто имеет силу, тот «стоит над законом»²⁴³. «Земля принадлежит тому, кто может взять ее, или тому, кто не позволяет отнять ее у себя. Если он присвоит ее себе, то ему принадлежат не только земля, но и права на нее. Это — эгоистическое право, т.е.: для меня так правильно, поэтому

это право»²⁴⁴.

II. Личное благо требует того, чтобы в будущем вместо права оно само было для всех людей законом.

Каждый из нас представляет собою «единицу»²⁴⁵, мировую историю для самого себя²⁴⁶, и если он признает себя «единицей»²⁴⁷, то он индивидуален»²⁴⁸. «Бог и человечество основали все только на себе самих. И я строю все на своем Я, так как Я точно так же, как Бог, есть отрицание всего остального, Я — это мое все, Я — единица»²⁴⁹. «Прочь поэтому всякую вещь, которая не всецело принадлежит мне! Вам думается, что мои вещи должны быть по крайней мере хорошими вещами? Но что же хорошо? Что плохо? Я сам своя вещь, и Я ни хорош и ни плох. И то и другое не имеет для меня смысла. Божественное — это дело Бога, человеческое — дело «человека». Мои вещи ни божеские, ни человеческие, они ни истинны, ни хороши, ни правильны, ни свободны и т.д., они только мои вещи, они не всеобщы, но индивидуальны, как и я индивидуален. Нет ничего выше меня!»²⁵⁰

«Какая разница между свободой и индивидуальностью? Я свободен от того, от чего освобожден; собственник того, что я имею в своей власти или над чем я волен»²⁵¹. Моя свобода тогда только совершенна, когда она обращается в мою силу; благодаря этой последней я перестану быть только свободным человеком и становлюсь собственником»²⁵². «Каждый должен себе сказать: Я для самого себя — все, и делаю все ради самого себя. Когда вам станет ясно, что Бог, заповеди и т.д. вам только вредят, что они вас умаляют и губят, вы наверно отбросите их от себя так же, как некогда христиане проклинали Аполлона, Минерву или языческую мораль»²⁵³. «В образе «Бога» христиане изобразили то, как можно поступать только по своей собственной воле, не спрашивая никого и ни о чем. Он поступает так, «как ему угодно»²⁵⁴.

«Власть — это красивая и полезная вещь для многих дел, так как «с одной горстью власти можно сделать больше, чем с полным мешком права». Вы жаждете свободы? Глупцы! Приобретите власть, тогда свобода придет сама по себе. Посмотрите: кто имеет власть, тот «стоит выше законов». По вкусу ли вам этот взгляд, о законопочитатели? Но ведь вы не имеете никакого вкуса!»²⁵⁵.

4. Государство

I. Одновременно с правом Штирнер должен необходимо и безусловно отрицать и правовое учреждение, которое называется государством. Без права невозможно государство. «Уважение перед законом»! — Этой уловкой держится все государство²⁵⁶.

Таким образом, и государство также основывается не на том, что каждый признает его способствующим его благу, но скорее на том, что каждый считает его святым, что «мы находимся в заблуждении, будто бы оно есть личность и как таковая присваивает себе имя «моральной, мистической или государственной личности». Эту львиную шкуру такой личности Я, которое действительно есть Я, должно содрать с этого гордого червя»²⁵⁷. Для государства справедливо то же самое, что и для семьи. «Для того чтобы семья в ее составе

признавалась и поддерживалась каждым из ее членов, кровная связь должна быть так свята для каждого члена, чувство же к ней должно быть преисполненным такого благоговения, почтения к этой связи, что каждый кровный родственник делается для него святым. Подобным же образом для каждого члена государственной общины должна быть свята эта община, и то понятие, которое для государства считается самым высшим, должно быть высшим и для него»²⁵⁸. «Требовать» этого государство «не только вправе, но и вынуждено»²⁵⁹.

Но государство не свято. «Деятельность государства — это насилие; но свое насилие оно называет «правом», насилие же отдельного человека — «преступлением»²⁶⁰. Если я не делаю того, что хочет государство, «оно выступает против меня со всей силой своей львиной лапы и своих орлиных когтей; ибо оно царь зверей: и лев и орел»²⁶¹. «Если вы и импонируете своему противнику, как сила, то вы не являетесь для него все же благодаря этому священным авторитетом; он должен стать разбойником. Но он не обязан иметь к вам почтения и уважения, хотя бы он и принимал во внимание вашу силу»²⁶².

Государство не способствует и благу каждого. «Я смертельный враг государства»²⁶³. «Общее благо, как таковое, не есть мое благо, но, наоборот, самое крайнее проявление самоотречения. Всеобщее благо может громко торжествовать, в то время как я должен «пресмыкаться»; государство может блистать, в то время как я терплю голод»²⁶⁴. «Каждое государство есть деспот, независимо от того, один ли или много деспотов или, как это полагают часто о республике, все господа, т.е. один властвует над другим»²⁶⁵. «Государство, правда, позволяет личностям свободно забавляться, но только они ничего не должны предпринимать серьезно, никогда не должны забывать его. Государство имеет своей целью только ограничение свободы каждого, обуздание его, подчинение чему-нибудь общему; оно держится до тех пор, пока каждый человек еще не стал всем во всех отношениях, и государство поэтому не что иное, как ясно выраженное мое личное ограничение, мое рабство»²⁶⁶.

«Государство никогда не стремится к тому, чтобы сделать возможной свободную деятельность каждого, а всегда способствует только такой деятельности, которая связана с целями государства»²⁶⁷. «Государство старается парализовать каждую свободную деятельность посредством своей цензуры, своего контроля, своей полиции и считает это своей обязанностью, ибо этого в действительности требует самосохранение»²⁶⁸. «Я не имею права делать все то, что в состоянии сделать, но лишь ту только часть этого, которая мне дозволена государством; я не должен реализовать моих мыслей, извлекать пользу из моей работы, вообще я не должен делать ничего своего»²⁶⁹. Пауперизм — это продукт моей бездонности, проявление того, что я не могу себя использовать. Поэтому государство и пауперизм одно и то же. Государство не позволяет мне извлечь из себя мою ценность и существует только при моей бесценности. Оно всегда старается извлечь из меня для себя пользу, т.е. эксплуатировать меня, воспользоваться мною, хотя бы даже эта эксплуатация заключалась только в том, что я должен заботиться о пролетариате; оно хочет, чтобы я был каким-то орудием и для него»²⁷⁰.

«Государство не может терпеть того, чтобы человек стоял к другому человеку в непосредственном отношении: оно должно быть между ними посредником, разъединять их

собой. Оно отрывает человека от человека для того, чтобы стать в качестве призрака между ними. Те рабочие, которые требуют повышенной платы, признаются преступниками, как только они хотят добиться этого повышения силой. Что же они должны делать? Без принуждения они не добьются его, но в принуждении государство видит самоуправство, исходящее из Я, самоопределение, действительную, свободную реализацию своей собственности, которых оно не может допустить»²⁷¹.

II. Личное благо каждого требует, чтобы общественное сожителство людей, на основании только их собственных предписаний, заменило бы собой государство. Этой форме человеческого общежития Штирнер дает название «ферейна эгоистов»²⁷².

1. Люди должны и после уничтожения государства жить обществом. «Личности будут бороться за достигаемое ими самими единство, за союз»²⁷³. Но что же должно связывать людей в общество?

Во всяком случае не обещания. «Если бы вчерашним своим желанием я был связан сегодня и завтра», то «моя воля окаменела бы. Мое создание, т.е. известное волевое проявление, сделалось бы моим повелителем. На том основании, что я вчера был дураком, я на всю жизнь должен был бы им остаться»²⁷⁴. «Союз — это мое собственное создание, мое творение, он не свят и не является какой-либо духовной силой над моим духом, подобно всякой ассоциации, какого бы рода она ни была. Точно так же, как я не могу быть рабом своих правил, но открыто без всякой гарантии подвергаю их своей постоянной критике и не допускаю никакого ручательства за их постоянство, даже еще более, я не обязываюсь и союзу за свою будущность и не продаю ему души, как это говорят о черте и как это действительно бывает в государстве и при всех духовных авторитетах; но я есмь и значу для себя более, чем государство, церковь, бог и т.п., следовательно, и бесконечно более, чем союз»²⁷⁵.

Связывать людей в союз должна та польза, какую всякий извлекает в каждый момент из этого союза. Если я могу воспользоваться своим ближним, «то я сговариваюсь с ним и сближаюсь для того, чтобы благодаря этому соглашению усилить свою власть и соединенной силой достигнуть большего, чем мог бы достигнуть отдельный человек. В этом объединении я совсем не вижу ничего другого, кроме увеличения моей силы, и только до тех пор, пока оно умножает мою силу, я сохраняю его»²⁷⁶.

Поэтому союз этот есть нечто совершенно другое, чем «то общество, которое хочет основать коммунизм»²⁷⁷. «В союз ты вносишь всю твою силу, твоё умение и добиваешься себе значения, общество же поглощает тебя вместе с твоей рабочей силой; в первом ты живешь эгоистически, во втором человечно, т.е. религиозно, как «член тела этого господина»; обществу ты должен все, что имеешь, ты обязан ему, ты окружен «социальными обязанностями»; союзом же ты пользуешься и уничтожаешь его, не будучи ничем обязан и ни в чем не верен ему, если ты не извлекаешь из него пользы. Если общество больше тебя, то оно и выше тебя; союз же только твоё орудие или меч, которым ты заостряешь и увеличиваешь свою естественную силу; союз существует для тебя и через тебя, общество же, наоборот, имеет на тебя претензии в свою пользу и существует также и без тебя; коротко говоря, общество свято, союз же принадлежит тебе; общество пользуется

тобою, а союзом пользуешься ты»²⁷⁸.

2. Но каковы же должны быть детали такого общежития? В ответ своему рецензенту, Моисею Гессу, Штирнер приводит несколько примеров теперь уже существующих союзов.

«Может быть, в этот момент перед его окном бегают дети, занятые общей игрою, пусть он присмотрится к ним, и он увидит веселые эгоистические союзы; быть может, Моисей Гесс имеет друга, возлюбленную, — тогда он может понять, как одно сердце льнет к другому, как два сердца эгоистически объединяются для того, чтобы пользоваться друг другом, и при этом ни одно из них не «остаётся в проигрыше»; может быть, он встретит на улице пару хороших знакомых, которые попросят его сопровождать их в какой-нибудь винный погреб; пойдёт он с ними, желая оказать им любезность, или он «поддержит с ними компанию ради собственного удовольствия?» Разве они должны его поблагодарить за принесенную жертву? Разве они не составили на один час «эгоистический союз»?»²⁷⁹ Штирнер задумывается даже о «немецком союзе»²⁸⁰.

5. Собственность

I. Вместе с правом Штирнер необходимо должен отрицать и правовое учреждение — собственность. «Она существует по милости права. Только в праве находит она свою защиту; она недействительна, она фикция, идея. Это — собственность права, правовая собственность, гарантированная собственность; она моя, не благодаря мне, но благодаря праву»²⁸¹.

И собственность в этом смысле основана не на том, что личность признает ее способствующей благу каждого, а на том, что каждый считает ее святой. «Собственность в мещанском смысле слова означает святую собственность, так что я должен иметь уважение перед твоей собственностью. «Уважение перед собственностью!» Поэтому политики хотели, чтобы каждый владел своим кусочком собственности, и вызвали отчасти этим неимоверное деление собственности. Каждый должен иметь свою собственную кость, которую он мог бы грызть»²⁸².

Но собственность не свята. «От Твоей и Вашей собственности я не отступаю пугливо назад, но всегда считаю ее моей собственностью, в которой я ничего не должен «уважать». Делайте же то же самое с тем, что Вы называете моей собственностью!»²⁸³

Собственность не содействует и благу отдельного человека. Собственность, как понимают ее буржуазные либералы, не прочна, так как собственник-мещанин, в сущности, не что иное, как человек, не имеющий собственности, отовсюду выключенный человек. Вместо того чтобы ему принадлежал мир, ему не принадлежит даже той ничтожной точки, на которой он стоит»²⁸⁴.

II. Личное благо каждого человека требует того, чтобы разделение богатств на основании его собственных предписаний заменило бы собой собственность. Если Штирнер называет собственностью полученную каждым на основании этих предписаний частицу богатств, то

это лишь в том переносном смысле, в котором он постоянно употребляет слово «собственность»; в прямом смысле слова собственностью может называться только на основании права полученная частица богатств²⁸⁵.

Согласно требованиям своего личного блага, каждый человек должен иметь все то, чего он в состоянии достигнуть.

1. «То, над чем меня не могут лишить власти, является моей собственностью; так пусть же сила решает над собственностью, и я жду всего от силы! Чужая сила, сила, которую я допускаю у другого, делает меня крепостным; так пусть же моя собственная сила делает меня личностью!»²⁸⁶ «На какую собственность имею я право? На всякую, для достижения которой я имею силы. Я даю себе право на собственность тем, что я создаю себе собственность, или тем, что осуществляю власть собственника, полномочия его полномочия»²⁸⁷. «То, что я могу иметь, — это моя собственность»²⁸⁸. «Вольные, дети, старики имеют всегда некоторые силы, они могут, например, поддерживать свою жизнь, вместо того чтобы лишать себя ее. Если они влияют на Вас так, что Вы желаете их существования, то они имеют власть над Вами»²⁸⁹. Какой силой владеет ребенок, когда он смеется, играет, кричит, словом, во всем своем существовании? В состоянии ли Ты устоять против его требований, не даешь ли Ты ему, как мать, груди своей, как отец, такую часть своего имущества, какая ему нужна? Он принуждает Вас, и поэтому он владеет тем, что Вы называете Вашим»²⁹⁰.

Таким образом, собственность не должна и не может быть уничтожена, но должна быть изъята из рук призраков и сделана моей собственностью; тогда исчезнет ошибочное убеждение, что я не имею права на столько, сколько мне необходимо. «Но чего только человеку не нужно!» Кому нужно много и кто понимает, как можно этого добиться, тот во всякое время добивался этого, как, например, Наполеон добился континента, а французы — Алжира. Все сводится поэтому только к тому, чтобы преисполненная уважением «чернь» научилась наконец брать то, что ей нужно.

Если она заденет Вас слишком, то защищайтесь»²⁹¹. «То, что нужно «человеку», ни в коем случае не может быть масштабом ни для меня, ни для моих потребностей, так как я могу нуждаться и в меньшем, и в большем. Я должен иметь, скорее, столько, сколько я в состоянии взять себе»²⁹².

2. «Союзы умножат средства каждого и обеспечат оспариваемую собственность также и в следующих вещах»²⁹³.

«Если мы хотим присвоить себе землю землевладельцев, не желая ее дальнейшего существования в этой форме, то объединимся для этой цели, образуем союз, *société*, который и сделается собственником; если нам посчастливится, то землевладельцы перестанут быть владельцами земли. И подобно тому как мы отняли у них землю, мы можем взять многое другое из их собственности, делая все это своей собственностью, т.е. собственностью победителей. Последние образуют союз, который, как можно предполагать, постепенно может охватить все человечество. Но и так называемое человечество, как таковое, есть не что иное, как идея (Призрак), в действительности существуют только

отдельные люди. И эти отдельные люди в виде объединенной массы будут не менее произвольно обращаться с землей, чем индивидуализированная личность»²⁹⁴.

«То, в чем все хотят принять участие, будет отнято у того отдельного человека, который хочет иметь это исключительно для себя, и сделается общим достоянием. В общественном богатстве каждый имеет свою долю, и эта доля считается его собственностью; так и при старых условиях нашей жизни дом, который принадлежит пяти наследникам, представляет их общее богатство, пятая же часть дохода есть собственность каждого. Не принадлежащая еще нам собственность станет более доходной, когда будет находиться в наших руках. Объединимся же поэтому с целью такого расхищения»²⁹⁵.

6. Осуществление

Согласно Штирнеру, перемена, которой требует благо каждого человека, произойдет так, что сперва совершится среди достаточного количества людей внутренний переворот и собственное благо будет признано высшим законом, а затем люди эти при помощи силы совершат внешний переворот, т.е. уничтожат право, государство и собственность, и осуществят новый строй.

I. Самое первое и важное — это внутреннее изменение людей.

«Революция и возмущение не должны быть рассматриваемы, как вещи, имеющие равное значение. Революция — это переворот в условиях, в существующем состоянии или *status'e* государства или общества, это, следовательно, политическое или социальное действие; возмущение же, хотя и имеет своим неизбежным следствием изменение порядка, но исходит не из необходимости этого изменения, а из недовольства людей собой; это не бунт, а восстание каждого в отдельности, возмущение, не считающееся с теми учреждениями, которые получают в нем свое происхождение. Революция стремится к новым учреждениям, возмущение же ведет к тому, чтобы не допускать чужого установления учреждений для нас самих, но самим начать создавать их, и не возлагает на «учреждения» никаких блестящих надежд. Оно не представляет собой борьбы против существующего, ибо, если оно распространяется, это существующее рушится само собой. Оно есть всего лишь освобождение меня самого из существующего. Если я оставляю без внимания существующее, оно умирает и начинает гнить. Так как моя цель заключается не в низвержении существующего, а в моей победе над ним, то моя цель и моя деятельность не носят политического или социального характера, но, как направленные исключительно на меня самого и на мою индивидуальность, — характер эгоистический»²⁹⁶.

«Почему основатель христианства не был ни революционером, ни демагогом, за какового его очень хотели счесть евреи, почему он не был либералом? Потому, что он не видел спасения в изменении существующего строя и был поэтому к нему равнодушен. Он вовсе не был революционером, как, например, Цезарь. Он был бунтовщиком; он не был проповедником государственного переворота, он только восстал; он не вел никакой либеральной или политической борьбы против существующей власти, но он хотел идти своей дорогой, не заботясь и не считаясь с этой властью»²⁹⁷.

«Все святое есть обуза, цепи. Все святое будет и должно быть уничтожено при уничтожении права; потому в наше время во всех областях замечается множество случаев такого уничтожения. Они подготавливают крушение права, его исчезновение»²⁹⁸. Считай себя более сильным, чем признают тебя другие, и ты будешь обладать большей силой; считай себя больше, и ты будешь больше»²⁹⁹. «Бедные только тогда будут свободными и собственниками, когда они возмутятся, обогатятся и возвысятся»³⁰⁰. «Только в эгоизме может найти чернь помощь; эту помощь она должна оказать себе сама, и она себе окажет ее. Если она не позволит устрашиться, она станет силой»³⁰¹.

II. Чтобы «совершить переворот»³⁰² и на место права, государства и собственности водворить новый порядок, необходимо далее насильственное восстание против существующего строя.

1. «Государство может быть побеждено только дерзким произволом»³⁰³. «Преступление есть насилие отдельного человека, и только посредством преступления отдельный человек уничтожает насилие государства, когда он полагает, что не государство должно быть выше его, а они — выше государства»³⁰⁴. «Результат и здесь получается тот, что люди, мыслящие в своей борьбе против правительства, не правы, т.е. бессильны, пока борьба эта не знает иных средств против личной силы, кроме мыслей (эгоистическая сила затыкает мыслящим людям рот). Теоретическая борьба не может дать места полной победе, и святая сила мысли подчиняется насилию эгоизма. Только эгоистическая борьба, борьба эгоистов с обеих сторон, делает все ясным»³⁰⁵.

«Вопрос о собственности нельзя решить так мирно, как об этом мечтают социалисты и даже коммунисты. Он может быть решен только войной всех против всех»³⁰⁶. «Ведь я беру обратно ту силу, которую, по незнанию своих собственных сил, я предоставил другим! Я говорю себе: все, на что распространяется моя сила, это моя собственность, и я присваиваю себе все то, как свою собственность, для достижения чего я чувствую в себе достаточно сил; я позволяю себе увеличивать мою действительную собственность до тех пор, пока я уполномочиваю себя брать, т.е. — пока я в силах»³⁰⁷. «Чтобы уничтожить неимущую чернь, эгоизм не говорит: подожди, пока блюстители справедливости подарят тебе что-нибудь во имя всего общества, но говорит: хватай и бери все, что тебе нужно»³⁰⁸.

В этой борьбе Штирнер оправдывает всякое средство. «Ни перед каким делом я не останавлиюсь только потому, что в нем будто бы живет дух безбожия, безнравственности, несправедливости, точно так же, как святой Бонифаций не отказался из-за религиозных соображений от срубления языческого дуба»³⁰⁹. «Власть над жизнью и смертью, которую церковь и государство удерживают за собой, я называю также и своей властью»³¹⁰. «Жизнь отдельного человека имеет для меня значение лишь постольку, насколько она ценна для меня. Его богатства, материальные и духовные, принадлежат мне, и я управляю ими по мере своей силы»³¹¹.

2. Штирнер рисует нам картину одного отдельного явления в этом насильственном перевороте строя. Он предполагает, что некоторые люди уже видят, что они в государстве по сравнению с другими привилегированными лицами слишком обделены.

«Обделенные задают себе вопрос: чем же застрахована ваша собственность, ваша — господа привилегированные? — и отвечают себе: тем, что мы воздерживаемся от покушения на нее. Стало быть, нашей защитой! И что же вы даете нам за это? Пинком ноги и презрением дарите вы «простой народ»; полицейским надзором и катехизисом со следующим главным правилом: уважай то, что не принадлежит тебе, но что принадлежит другому! Уважай других и особенно начальство! Мы же отвечаем вам: если хотите нашего уважения, так купите его за выгодную для нас цену. Мы оставим за вами вашу собственность, если вы дадите нам за это должное возмездие. Что дает генерал в мирное время взамен своего многотысячного годового жалованья, а другие за свой ежегодный доход в сотни тысяч или миллионы? Чем вы платите за то, что мы жуем картофель и спокойно смотрим, как вы глотаете устрицы? Платите нам за устрицы такую же цену, какую мы должны платить вам за картофель, и мы позволим вам есть их и впредь. Или вы думаете, что устрицы нам не принадлежат так же, как и вам? Вы будете кричать о насилии, если мы возьмем и станем их есть, и вы будете правы. Без насилия мы их не получим, точно так же, как и вы имеете их только потому, что употребляете над нами насилие.

Берите же себе устрицы и дайте нам дорогу к более близкой сердцу нашему собственности (ибо она-то только и есть собственность), к работе. Мы мучаемся двенадцать часов в поте лица нашего, а вы предлагаете нам за это несколько грошей. Берите же и вы за свою работу столько же. Мы уж доведем дело до конца, раз мы все сошлись на том, что никто ничего не должен дарить другому. Уже сотни лет, как мы по добродушной глупости своей подаем вам милостыню, раздаем лепту бедняков и даем господам то, что не принадлежит им; откройте же ваши кошельки — ибо с сегодняшнего дня наш товар чрезмерно повысился в цене. Мы ничего не хотим отнять у вас, только платите лучше за то, что хотите иметь. Что ты имеешь? «Я имею имение в тысячу десятин». А я пахарь и готов тебе пахать твою землю только за талер в день. «В таком случае я беру другого». Ты не найдешь никого, так как мы, пахари, дешевле не хотим; если же явится хоть один такой, который возьмет дешевле, то пусть он остерегается нас»³¹².

Глава VI. Учение Бакунина

1. Общие замечания

1. Михаил Александрович Бакунин родился в 1814 году, в селе Прямухине Новоторжского уезда Тверской губернии.

В 1834 году он поступил в петербургскую артиллерийскую школу; в 1835 году вышел из нее офицером; в этом же году оставил Петербург, после чего жил попеременно то в Прямухине, то в Москве.

В 1840 году Бакунин покинул Россию. Следующие годы он разъезжал по своим революционным делам по всей Европе. В Париже он часто встречался с Прудоном. В 1849 году он был в Саксонии присужден к смерти, но помилован: в 1850 году его выслали в Австрию, где он опять был присужден к смертной казни; в 1851 году он был выдан России, заключен в Шлиссельбургскую крепость, а в 1857 году сослан в Сибирь.

В 1865 году он бежал из Сибири через Японию и Калифорнию в Лондон. По возвращении он сейчас же взялся опять за свою революционную деятельность и жил попеременно в различных частях Европы. В 1868 году он сделался членом Интернациональной Ассоциации рабочих, а вскоре затем основал Интернациональный Союз Социалистической Демократии. В 1869 году он сблизился с фанатиком Нечаевым, но разошелся с ним в ближайшем же году. В 1872 году за свои сепаратистские стремления он был исключен из Интернациональной Ассоциации Рабочих. Умер Бакунин в 1876 году в Берне.

Бакунин написал целый ряд сочинений философского и политического содержания.

2. Учение Бакунина о праве, государстве и собственности изложено им в «*Proposition motivée au comité central de la Ligue de la paix et de la libereé*» (1868)^{313a}, в написанных им статутах «*Alliance internationale de la démocratie socialiste*» (1868)^{313b} и в его сочинении: «*Dieu et l'État*» (1871)^{313c}.

Здесь во внимание не приняты книги, про которые нельзя с уверенностью сказать, что они написаны Бакуниным. Сюда относятся «*Принципы революции*»^{313d} и «*Катехизис революции*»^{313e}, в которых защищаются взгляды Нечаева. Они приписываются некоторыми Бакунину³¹⁴, хотя их содержание и противоречит другим его сочинениям, а также и деятельности; ведь он неоднократно настойчиво выступал против нечаевского «*макиавеллизма и иезуитства*»³¹⁵. Если бы мы даже предположили, что они принадлежат Бакунину, то они характеризуют собой все же не представлявшей значения период его развития.

3. Бакунин называет свое учение о праве, государстве и собственности анархизмом. «Одним словом, мы отрицаем всякое законодательство, всякий авторитет, всякое привилегированное, наделенное патентом, официальное и легальное влияние, если даже оно осуществляется на основании всеобщей подачи голосов, и именно на том основании, что все это постоянно служит господствующему меньшинству эксплуататоров и вредит поработанному громадному большинству. В этом смысле мы поистине анархисты»³¹⁶.

2. Основные принципы

Бакунин считает наивысшим для человека законом закон развития человеческого прогресса от менее совершенного бытия к возможно более совершенному.

Наука имеет своей задачей единственно явственное, по возможности систематическое, теоретическое изложение естественных законов телесной, духовной и нравственной жизни, а также физического и социального мира, которые вместе образуют один естественный мир»³¹⁷.

«Наука, т.е. истинная бескорыстная наука»³¹⁸ учит нас следующему: «Всякое развитие означает отрицание своей исходной точки. Так как основание или исходная точка, по мнению материалистов, материальна, то ее отрицание должно быть необходимо идеальным»³¹⁹. Другими словами, «все, что живет, имеет стремление усовершенствоваться в возможной степени»³²⁰.

Так, «согласно материалистическому пониманию, историческое развитие человека движется по восходящей линии»³²¹. «Это — вполне естественное движение от самого простого к сложному, снизу вверх, от низшего к высшему»³²². «История заключается в прогрессивном отрицании первоначальной животности человека путем развития его человечности»³²³.

«По происхождению своему человек — зверь, двоюродный брат гориллы. Но он уже выбрался из глубокой тьмы животных побуждений, чтобы достигнуть духовного светила. Это самым естественным образом объясняет нам все его прежние заблуждения и служит для нас некоторым утешением по отношению к его настоящим ошибкам. Он отвернулся от животного рабства и идет через царство религиозного рабства, лежащее между его животным и человеческим существованием, все дальше и дальше навстречу свободе. Таким образом, наше животное существование уже позади нас, впереди же — человеческое; свет человечности, который один только в состоянии просветить нас и согреть, освободить, поднять, сделать нас свободными, счастливыми и побратать нас, никогда не лежит в начале, а всегда в конце истории»³²⁴.

Это «историческое отрицание прошлого протекает то медленно, тяжело, вяло, то страстно и могущественно»³²⁵. Но всегда оно совершается с законообразной необходимостью; «мы верим в конечное торжество человечности на земле»³²⁶. «Мы предвидим этот триумф и соединенными силами стараемся ускорить его»³²⁷; «мы никогда не должны обращаться назад, но всегда будем смотреть вперед; впереди нас наше солнце, впереди нас наше счастье»³²⁸.

3. Право

I. С прогрессом человечества от его животного существования к человеческому, по мнению Бакунина, прежде всего должно уничтожиться если не право вообще, то во всяком случае законом установленное право.

Законом установленное право присуще низшей ступени развития. «Политическое законодательство, создано ли оно по воле одного властелина или по согласию народных представителей, которые выбраны всеобщей подачей голосов, никогда не может соответствовать законам природы; оно уже потому вредно и враждебно свободе массы при всех обстоятельствах, что оно навязывает ей систему внешних, следовательно, деспотических законов»³²⁹. Никакое законодательство никогда не имело «иной цели, кроме цели укрепить эксплуатацию рабочего народа господствующими классами и возвести ее в систему»³³⁰. Таким образом, каждое законодательство «имеет своим следствием одновременно и порабощение общества, и испорченность законодателей»³³¹.

Но скоро человечество будет иметь позади себя ту стадию развития, которая характеризуется существованием права. Установленное право неразрывно связано с государством; «государство есть исторически необходимое зло»³³², «переходная форма общества»³³³, «вместе с государством должно неизбежно пасть юридическое право, так называемое законодательное упорядочение жизни народной сверху вниз посредством законодательства»³³⁴. Всякий чувствует, что этот момент уже приближается³³⁵, что переворот уже стоит перед нами³³⁶, что его следует ожидать еще в этом столетии³³⁷.

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно скоро достигнуть, не будет, конечно, законом установленного права, а будет только право вообще. Все, что Бакунин предполагает относительно этой стадии развития, указывает на то, что, согласно его ожиданиям, в будущем будут существовать только такие нормы, «которые будут опираться на волю всех»³³⁸, но повиновение которым все же будет в необходимых случаях принудительное³³⁹; которые, таким образом, будут правовыми нормами.

Из таких правовых норм нашей ближайшей стадии развития Бакунин упоминает ту, в силу которой существует «право на самостоятельность»³⁴⁰. Для меня, как отдельного лица, это значит, «что я, как человек, имею право не слушаться никого другого и действовать по своему усмотрению»³⁴¹. Также и «каждый народ, каждая провинция, каждая община имеют неограниченное право на полную самостоятельность, обуславливая это тем, чтобы их внутреннее устройство не угрожало самостоятельности и свободе соседних областей»³⁴².

Равным образом Бакунин считает правовой нормой ближайшей ступени развития то, что договоры должны быть соблюдены. Понятно, что обязательство по отношению к этим договорам имеет свои границы. «Человеческая справедливость может и не признавать вечных обязательств. Все права и обязанности основаны на свободе. Право свободного объединения и отложения есть самое первое и самое главное из всех политических прав»³⁴³.

Дальнейшей затрагиваемой Бакуниным правовой нормой ближайшей стадии развития является та норма, в силу которой «земля, орудия производства, а также и всякий другой капитал, образуя коллективную собственность всего общества, будут служить исключительно на пользу земледельческих и ремесленных союзов»³⁴⁴.

4. Государство

I. С прогрессом человечества, от его животного существования к человеческому, по мнению Бакунина, вскоре уничтожится и государство. «Государство — это исторически временное учреждение, переходная общественная форма»³⁴⁵.

1. Государство относится к низшей ступени развития.

«Первый шаг от своего животного бытия к человеческому дикий человек делает посредством религии. Но до тех пор, пока он будет религиозен, он ни за что не достигнет своей цели, так как всякая религия осуждает его на бессмысленное существование, выводит его на фальшивый путь и заставляет его искать божественное вместо человеческого»³⁴⁶. «Все религии с их богами, полубогами, пророками, с их мнениями и святыми представляют собой продукт легкомысленной человеческой фантазии тех, которые еще не достигли полного развития и полной власти над своими духовными силами»³⁴⁷. «Это справедливо и по отношению к христианству, которое представляет собой полное извращение человеческого рассудка и разума»³⁴⁸.

Государство есть продукт религии. «Оно рождено во всех странах бракосочетанием силы, разбоя, грабежа, коротко говоря, войны и покорения с богами, которых постепенно создала религиозная фантазия народов»³⁴⁹. «Кто говорит об откровении, тот этим самым говорит о божественных носителях, мессиях, пророках, пастырях и законодателях; но коль скоро они являются представителями Бога на земле, самим Богом избранными учителями человечества, то само собой разумеется, что они получают неограниченную власть. Все люди обязаны им слепо поклоняться, так как по сравнению с божественным разумом человеческий разум не имеет никакого значения, по сравнению с божественной справедливостью земная справедливость лишена всякой ценности. Будучи рабами Бога, люди должны стать также и рабами церкви, а поскольку последняя освящает государство, и рабами государства»³⁵⁰.

«Нет государства без религии и не может быть. Возьмем самые свободные государства земного шара, например, Соединенные Штаты Северной Америки, или Швейцарский Союз, и мы увидим, какую важную роль играет во всех официальных речах божественное Провидение»³⁵¹. «Правительства не без основания считают важным условием своей силы веру в Бога»³⁵². «Существует класс таких людей, которые, если они даже не веруют в Бога, должны делать вид, будто они веруют. В этот класс входят все мучители, угнетатели и эксплуататоры человечества. Пастыри, монархи, государственные мужи, солдаты, финансисты, чиновники всех родов, полицейские, жандармы, тюремщики и палачи, капиталисты, ростовщики, предприниматели, домовладельцы, адвокаты, экономисты, политики всех оттенков, — все эти люди до последнего мелкого торговца хором всегда

повторяют слова Вольтера: если бы не было Бога, нужно было бы изобрести его, «так как, не правда ли, народ должен же иметь свою религию». Она-то именно и есть предохранительный клапан»³⁵³.

2. Свойства, характеризующие государство, соответствуют низшей ступени развития.

Государство поработывает своих подданных. «Государство — это насилие, глупое хвастовство насилием. Оно не хочет любви к себе, не стремится направить на истинный путь; если оно во что-нибудь вмешивается, то делает это неприязненно, так как сущность его состоит не в увещании, но в приказании и принуждении. Сколько бы оно ни старалось, ему никогда не удастся скрыть того, что оно есть законный нарушитель нашей воли, постоянный отрицатель нашей свободы. Если даже оно приказывает делать что-нибудь хорошее, оно и это хорошее своим приказанием лишает ценности, так как каждое приказание есть поругание свободы; раз только добро делается по приказанию, оно становится для истинной, т.е. человеческой, не божественной морали, для человеческого достоинства и свободы злом; свобода, нравственность и человеческое достоинство состоят в том, чтобы делать хорошее не потому, что приказывают, а по собственной воле, собственному желанию, собственному убеждению»³⁵⁴.

Государство портит также и самих правящих. «Свойства привилегированного положения таковы, что они отравляют дух и сердце человека. Кто находится в привилегированном положении в политическом и экономическом отношении, дух и сердце того отравлены. Это — закон социальной жизни, который не допускает никаких исключений и применим как к целым народам, так и к классам и отдельным лицам»³⁵⁵.

«Могущественные государства приобретают верховенство над другими государствами путем преступления, добродетельность мелких существует только благодаря их слабости»³⁵⁶. «Мы презираем монархию от всего сердца, но вместе с тем мы убеждены, что и большая республика с войском, бюрократией и политической централизацией будет заниматься завоеванием за своими пределами, эксплуатацией внутри их и нисколько не будет в состоянии сохранить для своих подчиненных, которых она называет гражданами, счастье и свободу»³⁵⁷.

«Даже в самых чистейших демократиях, как например, в Соединенных Штатах и в Швейцарии, громадной массе поработанного населения противопоставляется привилегированное меньшинство»³⁵⁸.

3. Ту ступень развития, на которой мыслимо государство, человечество скоро оставит позади себя.

«С самой минуты происхождения исторического общества и до сегодняшнего дня существовало угнетение народов государством. Следует ли из этого выводить то заключение, что угнетение неразрывно связано с существованием человеческого общества?»³⁵⁹ Понятно, нет! «Великая, истинная, единственно справедливая цель общества заключается в развитии человечности, освобождении, истинной самостоятельности и количественном умножении всех людей, живущих общественной

жизнью»³⁶⁰. В триумфе человечности заключается цель и главный смысл истории, триумф же этот может быть достигнут только посредством свободы»³⁶¹. «Подобно тому как государство в прошедшем было неизбежным историческим злом, так в будущем оно неизбежно должно, рано или поздно, совсем погибнуть»³⁶². Что момент этот приближается, чувствует уже каждый из нас³⁶³; переворот надвигается³⁶⁴, и мы должны ожидать его еще в этом столетии³⁶⁵.

II. На ближайшей стадии развития, которой человечество должно скоро достигнуть, вместо государства водворится общественное сожительство людей, основанное на правовой норме, состоящей в том, что договоры должны быть выполняемы.

1. И после уничтожения государства люди будут жить общественной жизнью. Цель человеческого развития, «совершенная человечность»³⁶⁶, может быть достигнута только в свободном обществе. «Человек станет человеком, станет сознательным человеком и достигнет осуществления своей человечности только в обществе и путем деятельности, принадлежащей всему обществу. Он освобождается от ига внешней природы только при помощи общей, т.е. общественной работы; только эта последняя и в состоянии сделать поверхность земли удобной для развития человечества; без такого внешнего освобождения невозможно ни духовное, ни нравственное освобождение. Человек станет свободен, далее, от ига собственной природы только благодаря воспитанию и образованию; только они делают для него возможным подчинение побуждений и движений его тела его все более и более развивающемуся духу; но и воспитание, и образование имеют исключительно общественную природу; вне общества человек навсегда остался бы диким животным или святошей, что приблизительно сводится к тому же. Наконец, в отдельности человек не может иметь сознание свободы; свобода обозначает для человека то, что окружающие его люди считают его свободным и относятся к нему соответствующим образом; свобода не представляет собой результата индивидуализации, а обратную сторону ее; не замкнутую в себе вещь, а связь; она является для каждого человека только отражением его человечности, т.е. его человеческого права, в сознании его братьев»³⁶⁷.

Но людей в общество будет связывать уже не высшая власть, а юридически связующая сила договора. Совершенная человечность может быть достигнута только в свободном обществе. «Моя свобода или, что то же, мое человеческое достоинство состоит в том, что я, как человек, имею право никому не повиноваться и поступать только по своему усмотрению»³⁶⁸. «Я сам лишь настолько свободен, насколько признаю свободу и человечность во всех окружающих меня людях. Уважая в них человечность, я уважаю его и в себе. Любое, который обращается со своим пленным, как со зверем, и разрывает его, сам зверь. Рабовладелец не человек, но господин»³⁶⁹. «Чем больше свободных людей меня окружает и чем глубже и шире их свобода, тем глубже, шире и могущественнее становится моя свобода. С другой стороны, всякое порабощение людей одновременно ограничивает и мою свободу, или, что то же самое, отрицает мое человеческое существование благодаря их животному»³⁷⁰. Свободное же общество не может быть установлено авторитетом³⁷¹, а только договором³⁷².

2. Как же будут осуществлены частности будущего общества?

«Единство — вот та цель, к которой неудержимо движется человечество»³⁷³. Люди будут, следовательно, объединяться в самые широкие союзы. «Только на место старых, сверху донизу покоящихся на силе и авторитете организаций встанет новая, которая основывается только на естественных потребностях, склонностях и стремлениях человеческих»³⁷⁴. Таким образом, создастся свободное соединение отдельных людей в общины, общин в провинции, провинций в народы и, наконец, народов в соединенные штаты Европы, а затем и всего мира»³⁷⁵.

«Каждый народ, будь он велик или мал, силен или слаб, каждая провинция и каждая община имеют право на полную самостоятельность, при том условии, что их внутреннее устройство не угрожает самостоятельности и свободе соседних областей»³⁷⁶.

«Все то, что можно счесть за историческое право государств, совершенно устраняется; все вопросы относительно естественных, политических, стратегических и экономических границ должны быть отныне отнесены на счет старой истории и решительно отвергнуты»³⁷⁷.

«То, что одна какая-нибудь область некогда принадлежала государству, будь это даже на почве свободного присоединения, нисколько не обязывает ее быть постоянно соединенной с этим государством. Человеческая справедливость, которая одна только имеет для нас какое-либо значение, не может признавать вечных обязательств. Все права, все обязательства основываются на свободе. Право свободного соединения и разделения — вот первое и важнейшее из всех политических прав. Без этого права союз был бы только замаскированной централизацией»³⁷⁸.

5. Собственность

I. С прогрессом человечества, от животного существования к человеческому, исчезнет, по мнению Бакунина, коротко говоря, не собственность вообще, а современная форма — неограниченная частная собственность.

1. Частная собственность, поскольку она простирается на все вещи без различия, относится к той же низшей ступени развития, как и государство.

«Частная собственность в одно и то же время и следствие и фундамент государства»³⁷⁹. «Всякое правительство, с одной стороны, необходимо основывается на эксплуатации, а с другой — имеет своей целью эксплуатацию и дает ей свою защиту и свой закон»³⁸⁰. Во всяком государстве «существуют отношения двоякого рода: правительства и эксплуатации. Если править на деле значит жертвовать собой для своих подданных, то второе отношение, конечно, находится в противоречии с первым. Будем только правильно понимать свои же собственные слова! С идеальной точки зрения, будь то теологическая или метафизическая, благо народных масс, конечно, не может совпасть с их временным благосостоянием: что значат несколько десятилетий земной жизни по сравнению с вечностью? Поэтому управлять народными массами нужно, руководясь не грубым земным счастьем, а их вечным благом. Внешние страдания и лишения могут быть даже желательны с воспитательной точки

зрения, так как перевес чувственного наслаждения убивает бессмертную душу. Но теперь исчезает и противоречие. Эксплуатировать и править значит одно и то же; одно пополняет другое и служит ему в качестве и средства, и цели»³⁸¹.

2. Низшей ступени развития, на которой господствует над всеми вещами без различия частная собственность, соответствуют свойства частной собственности.

«Привилегированные представители умственного труда, которые только потому, что они сыновья привилегированного класса, а не потому, что они имеют больше рассудка, управляют обществом в настоящее время, пользуются всеми благами, а также и всей испорченностью нашей культуры, богатством, роскошью, мотовством и благосостоянием, приятностями семейной жизни, исключительным наслаждением политической свободы, а следовательно, и возможностью эксплуатировать миллионы рабочих и управлять ими как угодно в своих интересах. Что же остается на долю представителей рабочего труда, этих бесчисленных миллионов пролетариев или же мелких собственников земли? Бездарная бедность, отсутствие всяких семейных радостей — так как семья является для бедных скорее обузой — невежество, воровство, почти животное существование и вместе с тем утешение, что они служат пьедесталами для культуры, свободы и испорченности немногих»³⁸².

Чем больше и свободнее в какой-нибудь стране развиты торговля и промышленность, «тем больше, с одной стороны, безнравственность меньшинства привилегированных, а с другой — несчастье и справедливое возмущение рабочих масс. Англия, Бельгия, Франция, Германия являются, конечно, в Европе государствами, в которых торговля и ремесло пользуются наибольшей свободой и достигли наибольшего развития. Именно в этих государствах и царит самый жестокий пауперизм; пропасть между капиталистами и помещиками с одной стороны и рабочим классом — с другой здесь больше, чем в какой-либо из других стран. В России, в Скандинавских странах, в Италии, в Испании, где торговля и ремесло еще не развиты, от голода умирают только в редких случаях, оставляя в стороне необыкновенные события. В Англии же голодная смерть — дело обыкновенное. Здесь умирают не единицы, а тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч»³⁸³.

3. Но человечество скоро перешагнет через ту низшую ступень развития, к которой относится частная собственность.

Подобно тому как во всякое время существовало угнетение народа государством, так «существовала всегда и эксплуатация поработанных крепостных, вольнонаемных масс небольшим господствующим меньшинством»³⁸⁴. Но подобно всякому угнетению «и эта эксплуатация связана с существованием человеческого общества неразрывно»³⁸⁵. Неограниченная частная собственность исчезнет «в силу самых обстоятельств»³⁸⁶. Всякий уже чувствует, что этот момент близок³⁸⁷; переворот уже навис над нами³⁸⁸; он может наступить еще в этом столетии³⁸⁹.

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно скоро достигнуть, собственность будет иметь такую форму, что средства потребления будут представлять собой частную собственность, земля же, орудия труда и весь остальной капитал — только

общественную собственность. Будущее общество будет коллективистическим.

Таким образом, всякому рабочему будут гарантированы плоды его труда.

1. «Справедливость должна лечь в основание нового мира; без нее невозможны ни свобода, ни общежитие, ни развитие, ни мир»³⁹⁰.

«Справедливость, не справедливость юристов, теологов или метафизиков, а простая человеческая справедливость, повелевает»³⁹¹, чтобы «в будущем пользование каждого человека соответствовало бы произведенной им части богатства»³⁹². Необходимо, таким образом, найти средство, «которое сделало бы невозможной эксплуатацию чужого труда для каждого, кто этим занимался, и которое каждого человека лишь постольку допускало бы к пользованию общественным богатством, которое является результатом единственно труда, поскольку он сам непосредственно своим трудом содействовал созданию этого богатства»³⁹³.

Средство это состоит в том, «что земля, орудия производства и весь остальной» капитал должны служить на пользу трудящихся, представляя коллективную собственность всего общества³⁹⁴. «Я не коммунист, а коллективист»³⁹⁵.

2. Коллективизм будущего общества «не требует учреждения какой-нибудь высшей власти. Во имя свободы, на которую может опираться экономическая, а также и политическая организация, мы постоянно будем протестовать против всего того, что хоть несколько напоминает коммунизм или государственной социализм»³⁹⁶. Я стремлюсь к организации общества и коллективной или общественной собственности снизу вверх, посредством проповеди свободного соединения, а не сверху вниз, посредством какой-нибудь власти»³⁹⁷.

6. Осуществление

Ожидаемый с прогрессом человечества от животного существования к человеческому переворот, т.е. уничтожение государства, преобразование права и собственности и наступление нового строя совершится, по мнению Бакунина, путем социальной революции, т.е. путем насильственного ниспровержения, который наступит благодаря силе обстоятельств; но ускорение и облегчение его — это задача тех, кто предвидит ход развития.

I. «Для того чтобы избежать своей нищенской участи, народ имеет три средства: два воображаемых, одно реальное. Первые два средства — это кабак и церковь, третье — социальная революция»³⁹⁸. «Спасение возможно только путем социальной революции»³⁹⁹, т.е. посредством «уничтожения всех учреждений неравенства и установления экономического и социального равенства»⁴⁰⁰. Революция не может быть сделана кем-нибудь. Революции не производятся никогда ни отдельными людьми, ни тайными обществами. Они происходят до некоторой степени сами; их рождает сила самих обстоятельств, ход событий и фактов. «Революции долго подготавливаются в глубине темного сознания народных масс, пока не прорываются внезапно наружу, нередко благодаря

мнимым, пустым причинам»⁴⁰¹. В настоящее время революция стоит уже перед нами⁴⁰²; каждый чувствует ее близость⁴⁰³; она может наступить еще в этом столетии⁴⁰⁴.

1. «Под революцией мы понимаем взрыв страстей, считаемых в настоящее время злыми, и уничтожение всего того, что на современном языке называется «общественным порядком»⁴⁰⁵.

Революция разражается не против людей, а против условий и вещей⁴⁰⁶. «Кровавые революции часто становятся необходимы благодаря человеческой глупости, но они всегда представляют собой зло, страшное зло и великое несчастье, не только из-за жертв, но и вследствие чистоты и совершенства той цели, во имя которой они совершаются»⁴⁰⁷. «Нечего удивляться, когда народ в первый момент своего возмущения убивает многих из угнетателей и эксплуататоров — от этого несчастья, которое имеет такое же значение, как и причиняемые грозой убытки, быть может, нельзя освободиться. Но этот сам по себе естественный факт не только не нравственен, но и не необходим. Политическая резня никогда не уничтожала партий; она всегда оказывалась бессильной по отношению к привилегированным классам: ибо власть покоится долгое время не столько на самих людях, сколько на том положении, которое досталось привилегированным в силу каких-либо учреждений, особенно благодаря государству и частной собственности. Если желают, следовательно, произвести основательную революцию, то необходимо напасть на самое положение вещей и отношения, разрушить государство и собственность; в таком случае нет надобности убивать людей и подвергаться неизбежной неудаче, которая вызывала и будет вызывать всегда и во всяком обществе массовые человеческие избиения. Поэтому люди вправе, без опасности для революции, относиться к людям по-человечески и должны быть неумолимы к положению вещей и отношениям, должны все разрушать и сначала и прежде всего разрушить собственность и ее неизбежное следствие, государство. В этом вся тайна революции»⁴⁰⁸.

«Революция, как это выясняется для нас в настоящее время силой обстоятельств, должна быть не национальной, а интернациональной, т.е. универсальной. Ввиду грозного союза всех привилегированных интересов и всех реакционных сил Европы, ввиду плодотворности тех средств, которые предоставляет им разумная организация, ввиду той глубокой пропасти, которая разверзается ныне повсюду между буржуазией и рабочими, никакая революция не в силах рассчитывать на успех, если она не распространится тотчас же с одного народа на все другие народы. Но революция никак не может перейти границы отдельной страны и стать всеобщей, если она не несет в себе самой основания этой всеобщности, т.е. если она не социалистична, не разрушает во имя равенства и справедливости государства и не строит фундамента для свободы.

Ибо ничто не может лучше объединить, воодушевить и поднять единственную, действительную силу настоящего столетия — рабочих, как полное освобождение труда и уничтожение всех учреждений, предназначенных для защиты наследственной собственности и капитала»⁴⁰⁹. «Политическая и национальная революции не могут, таким образом, достигнуть победы, если политическая революция не станет социальной, а национальная революция, благодаря своему социалистическому и антигосударственному характеру, — универсальной революцией»⁴¹⁰.

2. «Революция, как мы ее понимаем, должна с первого дня уничтожить окончательно государство и все государственные учреждения. Это уничтожение будет иметь следующие естественные и необходимые последствия: а) государственное банкротство; б) прекращение государственного взыскания частных долгов, уплата которых на будущее время предоставляется самим должникам; в) прекращение уплаты податей и отмена прямых и косвенных налогов; г) уничтожение войска, суда, бюрократии, полиции и духовенства; д) прекращение официального судопроизводства, уничтожение всего того, что называется юридическим правом, и отмена его применения; из этого вытекает полнейшее обесценивание и autodafe всех собственнических титулов, только что сделанных постановлений, купчих, дарственных записей, тяжёбных дел, одним словом, всех бумажных дел чисто правового характера, так как повсюду на место права, установленного и защищаемого государством, станут революционные факты; е) превращение капиталов и орудий труда в коллективную собственность рабочих организаций, которые употребляют их для коллективного производства; ж) превращение всей государственной и церковной собственности, а также драгоценных металлов, принадлежащих частным лицам, в собственность коммуны, образованной из союза рабочих обществ. За свое конфискованное имущество частные лица получают от коммуны все безусловно необходимое; частные лица и потом будут в состоянии приобрести больше посредством своего труда»⁴¹¹.

После уничтожения государства последует введение нового строя. Для этого: з) «Организация коммуны путем образования постоянного союза баррикад, а также и ее органа, совета революционной коммуны, в который каждая баррикада, каждая улица, каждый квартал или два квартала посылает двух ответственных, могущих быть отозванными представителями с обязательным поручением. Совет коммун может из своей среды избрать исполнительный комитет для отправления различных обязанностей революционного правительства; и) заявление восставшей, организованной в коммуну столицы о том, что она после действительного уничтожения царствования авторитета и опекунов отказывается от прав или, скорее, притязаний на управление провинциями и руководство ими; к) призыв ко всем провинциям, общинам и союзам, — всем последовать примеру столицы, тотчас же произвести в своих пределах революционную реорганизацию, послать затем в одно определенное место собрания ответственных, могущих быть отозванными представителями с мандатом, образовать таким образом союз восставших штатов, общин и провинций и организовать способную к преодолению реакции революционную власть. Посылка не официальных революционных комиссаров с каким-либо шарфом, а революционных агитаторов во все провинции и общины — особенно к крестьянам, которые могут быть революционизированы не научными данными и не постановлениями какой-нибудь диктатуры, а только самими революционными фактами, т.е. постоянным влиянием уничтожения официальной государственной деятельности во всех общинах. Отмена национального государства также и в том смысле, что все чужие страны, провинции, общины и союзы и даже отдельные личности, восставшие во имя одинаковых принципов, не принимая во внимание современных государственных границ, их политической системы и их национальности, находят здесь свое место, между тем как провинции, общины, союзы и отдельные личности собственной страны, которые станут на сторону реакции, будут исключены. Таким образом, всемирная революция, именно благодаря объединению восставших стран для общей обороны, будет неудержимо двигаться к победе через уничтоженные границы и развалины прежнего государства»⁴¹².

II. «Служение революции, которая везде должна быть созданием народа»⁴¹³, «ее организация и ускорение»⁴¹⁴ — вот единственная задача тех, кто предвидит ход развития. Мы должны стать «повивальной бабкой»⁴¹⁵ нового времени, должны «способствовать рождению революции»⁴¹⁶.

Для этой цели мы должны, «во-первых, распространять среди масс те идеи, которые соответствуют их массовым инстинктам»⁴¹⁷. «Что же препятствует быстрейшему проникновению в рабочие массы тех идей, которые являются спасительными для них? Их невежество и особенно их политические и религиозные предрассудки, которые благодаря усилиям господствующих классов теперь еще затемняют естественное мышление и здоровое чувство рабочего»⁴¹⁸. «Поэтому наша цель заключается в том, чтобы заставить его осознать вполне то, чего он хочет, чтобы вызвать в нем ту идею, которая соответствует его побуждениям. Как только идея эта в рабочих массах стала действующей силой, их воля определена и их мощь несокрушима»⁴¹⁹.

Далее мы должны «образовать не армию революции — армию может образовать только народ, — но нечто в роде революционного генерального штаба. Для этого должны быть преданные, деятельные и талантливые люди, которые прежде всего должны без всякого честолюбия и тщеславия любить народ и обладать способностью согласовать революционную идею с народными инстинктами. Для этого не надо слишком большого числа таких людей. Для интернациональной организации всей Европы достаточно сотни крепко и добросовестно объединенных революционеров. Двести—триста революционеров достаточно для организации самой большой страны»⁴²⁰.

Вот тут-то и открывается поле деятельности для тайных обществ⁴²¹. «Для служения, организации и ускорения общей революции»⁴²² Бакунин основал: Alliance internationale de la démocratie socialiste. «Союз должен был иметь двоякую цель: а) распространение среди народных масс всех стран правильных взглядов на политику, народное хозяйство и философские вопросы всех родов, деятельную пропаганду при помощи газет, брошюр и книг, а также посредством организации общественных союзов; б) привлечение на свою сторону умных, деятельных, конспиративных, добросовестных и искренно преданных идее людей; распространение на всю Европу, а если возможно, и на Америку сети готовых на жертвы и сильных единством революционеров»⁴²³.

Глава VII. Учение Кропоткина

1. Общие замечания

1. Князь Петр Алексеевич Кропоткин родился в 1842 году в Москве. С 1862 до 1867 года он был офицером амурских казаков; за это время он объехал большую часть Сибири и Маньчжурии. С 1867 по 1871 год он изучал в Петербурге математику; в то же время он был секретарем Географического общества, по поручению которого он в 1871 году исследовал глетчеры Финляндии и Швеции.

В 1872 году Кропоткин ездил в Бельгию и Швейцарию, где он присоединился к Интернациональной Ассоциации Рабочих. В том же году он вернулся в Петербург и стал видным членом тайного кружка чайковцев. В 1874 году общество это было открыто; Кропоткин был арестован и посажен в тюрьму. Ему удалось, однако, в 1876 году бежать в Англию.

Из Англии Кропоткин в 1877 году переехал в Швейцарию, откуда был выслен в 1881 году. С того времени он жил попеременно то во Франции, то в Англии. Во Франции он был арестован в 1883 году за принадлежность к тайному обществу и осужден на пять лет тюремного заключения; он отбывал свое наказание до 1886 года, когда был помилован. С того времени Кропоткин живет в Англии.

Кропоткин выпустил описание путешествий и географические сочинения, а также книги из области философии права, политической экономии и политики.

2. Для понимания учения Кропоткина о праве, государстве и собственности наиболее важное значение имеют его мелкие сочинения, журнальные статьи и доклады. Статьи, которые он с 1879 по 1882 год печатал в женеvской газете «Le révolté», вышли в 1885 году отдельным изданием под заглавием «Paroles d'un révolté». Единственным большим сочинением, в котором изложено его учение, является: «La conquête du pain» (1892).

3. Кропоткин называет свое учение анархизмом. «Когда внутри Интернационала образовалась партия, не признававшая авторитета ни внутри этого союза, ни где бы то ни было, она называла себя сначала федералистической, а потом антиавторитетной или антигосударственной. Она не называлась тогда еще анархической. Слово "ан-архия" (так это слово писалось в то время) слишком напоминало Прудона, против реформатских идей которого Интернационал боролся. Но именно из-за этого противники называли их анархистами для того, чтобы вызвать путаницу понятий. Кроме того это название делало

возможным утверждение, что анархисты стремятся создать только беспорядок и хаос, не задумываясь ни над чем более. Анархическая партия, однако, не замедлила принять это название. Сначала она еще настаивала на разделении ан и архия, ссылаясь на то, что слово "ан-архия" греческого происхождения обозначает в этой форме отсутствие правления, а не беспорядок; вскоре, однако, она отказалась от бесполезного труда и поучений из области греческого языка и начала употреблять для себя это название без всяких поправок и разъяснений»⁴²⁴. И в самом деле, «слово "анархия", отрицающее современный так называемый "порядок" и напоминающее самый красивый момент в жизни народов, вполне подходит к партии, стремящейся создать лучшее будущее»⁴²⁵.

2. Основные принципы

По мнению Кропоткина, наивысшим законом для человека является закон развития человеческого прогресса от менее счастливой жизни к возможно более счастливой; из этого закона он выводит требование справедливости и требование активной деятельности.

1. Для людей высшим законом является закон развития человеческого прогресса от менее счастливого существования к существованию более счастливому. Существует «только один научный метод, метод естествознания»⁴²⁶; этот метод мы употребляем также и «в науках, занимающихся человеком»⁴²⁷. а особенно в «науке об обществе»⁴²⁸. Во всех науках совершается теперь могущественный переворот⁴²⁹ благодаря «эволюционной философии»⁴³⁰. «Старая идея, что все в природе постоянно, умерла, разрушена и оставлена. Все в природе изменчиво, ничто не остается, ни утес, который нам кажется неподвижным, ни континент, который мы называем «твердой землей», ни житель с его потребностями, привычками и идеями. Все, что мы видим вокруг себя, есть проходящее явление и должно перемениться, потому что неподвижность равносильна смерти»⁴³¹. У организмов это развитие прогрессивно благодаря «их удивительной способности приспособиться к жизненным условиям. Они развивают такие свойства, посредством которых весь организм все совершеннее и совершеннее приспособляется к своей среде, а каждая часть организма к потребностям свободной взаимной деятельности»⁴³². Это и есть «борьба за существование», которая, таким образом, не должна быть понимаема только в узком смысле «борьбы за средства к существованию»⁴³³.

«Развитие никогда не совершается с такой медленностью и постепенностью, как это полагали. Эволюция и революция попеременно уступают друг другу место, и революции, т.е. периоды ускоренной эволюции, точно так же отвечают единству природы, как и эпохи более медленной эволюции»⁴³⁴. «Порядок — это свободное равновесие всех сил, действующих на одну и ту же точку; если некоторые из этих сил задержаны в своей деятельности человеческой волей, они не перестают из-за этого действовать, но их действия накапливаются для того, чтобы в один прекрасный день прорвать искусственную плотину и совершить переворот»⁴³⁵.

Эти общие положения Кропоткин применяет к общественной жизни людей⁴³⁶. «Общество есть скопление организмов, которые стараются удовлетворять потребности каждого отдельного человека и содействовать сообща благу всего рода»⁴³⁷; общество — это «целое,

служащее тому, чтобы осуществить возможно наибольшее количество счастья при наименьшей потере человеческих сил»⁴³⁸. Человеческие общества развиваются⁴³⁹. и можно попытаться определить это развитие⁴⁴⁰. Человеческие общества развиваются от низших форм организации к высшим⁴⁴¹; но цель этого развития, т.е. тот пункт, к которому оно стремится, состоит «в осуществлении лучших условий для достижения величайшего счастья человеческого»⁴⁴². То, что мы называем прогрессом, есть истинный путь к этой цели⁴⁴³; человечество может временами отклоняться от этого пути, но в конце концов оно постоянно снова попадает на путь прогресса⁴⁴⁴.

Но и здесь эволюция совершается не без революций. То, что имеет значение для взглядов человека, климата страны, для свойств вида, тоже имеет значение и для обществ; «они развиваются медленно, но иногда наступает время самых быстрых переворотов»⁴⁴⁵. Случается, что перед стремлением человеческих обществ к достижению возможно большего количества счастья вырастают препятствия⁴⁴⁶. «Всюду рождаются новые мысли, которые стремятся выйти наружу и найти свое применение в жизни, но они задерживаются инерцией всех тех, которые заинтересованы в сохранении старого порядка; они задыхаются под тяжестью состарившихся предрассудков и традиций»⁴⁴⁷. «Политические, экономические и социальные учреждения превращаются в развалины, а здание, ставшее необитаемым, мешает развитию всего того, что произрастает в его щелях и вокруг него»⁴⁴⁸. «Тогда необходимы крупные события, которые мгновенно порвали бы нити истории, выбросили бы человечество из его старой колеи и дали бы ему новое направление»⁴⁴⁹; «революция становится настоятельной необходимостью»⁴⁵⁰. «Человек узнал свое положение в природе, он узнал, что его учреждения — суть его создания, что один только он может их преобразовать»⁴⁵¹. «На что только не отваживалась техника, и чего только не совершают в настоящее время литература, образовательное искусство, драма, музыка!»⁴⁵² Поэтому и там, где какие-нибудь учреждения задерживают общественный прогресс, мы должны «начать борьбу для того, чтобы создать для всех богатую и обильную жизнь»⁴⁵³.

2. Из закона развития человеческого прогресса от менее счастливой жизни к более счастливой Кропоткин выводит требование справедливости и требование активной деятельности.

В борьбе за существование человеческие общества развиваются по направлению к такому состоянию, в котором осуществляются наилучшие условия для достижения наибольшего счастья человечества⁴⁵⁴. Если мы что-нибудь считаем хорошим, то мы этим говорим, что это хорошее способствует достижению цели, т.е. приносит пользу обществу, в котором мы живем, плохим же мы называем то, что, по нашему мнению, препятствует достижению цели, т.е. вредит обществу, в котором мы живем⁴⁵⁵.

Взгляды на то, что способствует установлению наилучших условий для достижения наибольшего человеческого счастья и что этому препятствует, т.е. взгляды на то, что полезно и что вредно для общества, могут, конечно, меняться⁴⁵⁶. Но при всем различии мнений всегда должно быть признано одно основное требование для достижения цели. Его «можно кратко выразить положением: делай другим то, что ты хочешь, чтобы в подобном случае другие делали по отношению к тебе»⁴⁵⁷. Но это положение есть «не что иное, как

основное положение равенства»⁴⁵⁸; равенство же, в свою очередь, «обозначает то же самое, что солидарность»⁴⁵⁹, «справедливость»⁴⁶⁰.

Однако существует еще другое основное требование для достижения цели. Это «нечто более высокое, красивое и сильное, чем простое равенство»⁴⁶¹. Его можно выразить следующим образом: «Будь силен, будь страстен в мышлении и действии, и тогда твой разум, твоя любовь и сила твоих действий передадутся другим»⁴⁶².

3. Право

I. С прогрессом человечества, от жизни менее счастливой к жизни более счастливой, по мнению Кропоткина, должно исчезнуть не право, а законом установленное право.

1. Законом установленное право представляет собой препятствие для прогресса человечества по направлению к возможно наибольшему счастью.

«Уже тысячи лет твердят правители: уважение перед законом»⁴⁶³; «в современных государствах на новый закон смотрят как на средство против всякого зла»⁴⁶⁴. «Но закон не может претендовать на уважение людей»⁴⁶⁵. «Закон есть искусственное смешение тех обычаев, которые полезны обществу и могут быть уважаемы также и без закона, с теми, которые полезны только для господствующего меньшинства, для масс же вредны и потому поддерживаются только страхом и боязнью»⁴⁶⁶. «Закон, сначала представлявший собой соединение обычаев, поддерживающих общество, теперь является только орудием, которое способствует эксплуатации и господству богатых лентяев над рабочими массами. Закон не имеет в настоящее время никакой культурной задачи. Его единственной задачей является защита эксплуатации»⁴⁶⁷. «На место прогрессивного развития он ставит окаменелую неподвижность»⁴⁶⁸. «он стремится к тому, чтобы увековечить обычаи, полезные для господствующего меньшинства»⁴⁶⁹.

«Рассматривая те миллионы законов, которым повинуются человечество, можно наметить среди них три обширных класса: законы для защиты собственности, законы для защиты правительства и законы для защиты личности. При анализе этих трех классов всегда приходишь к одному и тому же результату: к бессмысленности и вредности закона. Насколько ценна защита собственности, это социалисты знают хорошо. Законы о собственности существуют не для того, чтобы обеспечить отдельным лицам или обществам доход с их труда, а, наоборот, для того, чтобы лишить производителя части его продукта и защитить меньшинство в его пользовании тем, что оно похитило у производителя или всего общества»⁴⁷⁰. Что касается законов для защиты правительства, то «мы знаем прекрасно, что все правительства без исключения имеют своей задачей сохранение при помощи насилия привилегий имущих классов, аристократии, духовенства и буржуазии. Нужно только проанализировать все эти законы, наблюдать их ежедневное действие для того, чтобы убедиться в том, что ни один из них не стоит того, чтобы его сохраняли»⁴⁷¹. Точно так же «излишни и вредны, наконец, и законы, предохраняющие личность, налагающие наказание и препятствующие "преступлениям". Страх наказания не удержал еще ни одного убийцу. Кто желает убить своего ближнего из мести или нужды, тот не задумывается над

последствиями, и до сих пор каждый убийца еще был твердо убежден в том, что он избегнет преследования. Если бы убийство было объявлено безнаказанным, то количество убийств не только не увеличилось бы, но скорее уменьшилось бы, так как теперь многие убийства совершаются рецидивистами, испорченными в тюрьме»⁴⁷².

2. Человечество уже прошло ту ступень развития, которой соответствует установленное законом право.

«Закон сравнительно юное образование. Человечество многие столетия жило без всяких писанных законов. Тогда отношения людей между собою регулировались простыми привычками и обычаями, которые старина сделала священными и которые всякий усваивал себе с малолетства, как, например, охоту, скотоводство или хлебопашество»⁴⁷³. Но когда общество стало все больше и больше распадаться на два враждебных класса, на класс господствующих и класс лишенных власти, временный победитель старался каждый раз упрочить законченный факт и во всех отношениях осветить его с той стороны, которую побежденный считал священной. Тогда-то явился закон, освященный церковью и защищаемый кулаком солдата»⁴⁷⁴.

Однако дни закона уже сочтены. «Везде существуют бунтовщики, не желающие больше повиноваться закону, пока они не узнают, откуда он произошел, в чем его польза, по какому праву он требует повиновения и что за основание для того, чтобы уважать его. Они подвергают своей критике все то, что до сих пор считалось основанием общества, и прежде всего фетиш, закон»⁴⁷⁵. Момент его исчезновения, который мы должны постараться ускорить⁴⁷⁶. близок⁴⁷⁷ и, может быть, наступит еще в конце девятнадцатого столетия⁴⁷⁸.

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно вскоре достигнуть, законное право не будет существовать; будет существовать лишь право вообще. «Законы будут отменены совершенно»⁴⁷⁹; «неписаных обычаев»⁴⁸⁰. «обычного права», как выражаются юристы⁴⁸¹. «будет достаточно для того, чтобы сохранить добрый мир»⁴⁸². Эти нормы ближайшей ступени развития основываются на общей воле⁴⁸³. а их исполнение будет достаточно гарантировано «потребностью каждого человека в содействии, помощи и расположении»⁴⁸⁴. равно как и боязнью исключения из общества⁴⁸⁵. В необходимых же случаях исполнение норм будет вынуждено вмешательством отдельного гражданина⁴⁸⁶ или массы⁴⁸⁷; они будут, следовательно, правовыми нормами.

Из правовых норм ближайшей ступени развития Кропоткин упоминает прежде всего те, в силу которых должны быть выполняемы договоры⁴⁸⁸.

Затем, согласно Кропоткину, на ближайшей ступени развития будет существовать такая правовая норма, в силу которой не только средства производства, но и все вещи вообще будут представлять собой общественную собственность⁴⁸⁹.

Дальнейшей же правовой нормой ближайшей ступени развития будет, по мнению Кропоткина, такая норма, в силу «которой каждый участник производства будет иметь право не только на жизнь, но также и право на покойную жизнь»⁴⁹⁰.

4. Государство

I. С прогрессом, от менее счастливой жизни к жизни более счастливой, государство, по мнению Кропоткина, скоро должно исчезнуть.

1. Государство есть препятствие для развития человечества по направлению к возможно большему счастью.

«Чему же служит эта огромная машина, которую мы называем государством? Служит ли оно тому, чтобы помешать эксплуатации рабочего капиталистом, мужика землевладельцем? или тому, чтобы укрепить за нами работу? чтобы защитить нас от ростовщичества? чтобы дать нам пищу, если мать имеет только воду для своего ребенка? Нет, тысячу раз нет!»⁴⁹¹

«Государство вмешивается во все наши дела и держит нас в своих объятиях от колыбели до гроба. Оно определяет все наши поступки, накапливает горы законов и распоряжений, в которых не в силах разобраться самый ловкий адвокат. Оно создает целую армию чиновников, которые сидят, как пауки в паутине, и видят мир только сквозь грязные стекла своей канцелярии. Громадные, постоянно возрастающие суммы, беспрестанно взимаемые государством с народа, никогда не бывают достаточны; государство живет на счет будущих поколений и все более и более приближается к банкротству. "Государство" обозначает то же самое, что и "война"; одно государство старается ослабить другие и уничтожить их для того, чтобы навязать ему свои законы, свою политику, свои торговые договоры и обогатиться на его счет. Война является теперь в Европе обыкновенным состоянием; поводов к войне имеется в запасе хоть на тридцать лет. Одновременно с внешней войной свирепствует и внутренняя война. Государство, которое в начале должно бы было быть защитой для всех, в особенности для слабых, теперь стало орудием богатых против эксплуатируемых, орудием обладателей против неимущих»⁴⁹².

При этом нет никакой разницы между различными формами государства. «В конце прошлого века французский народ низвергнул монархию и последний неограниченный король поплатился за свои преступления и преступления своих предшественников своей головой на эшафоте⁴⁹³. «Позднее все страны континента прошли то же самое развитие — они низвергнули свои неограниченные монархии и усвоили себе систему парламентаризма»⁴⁹⁴. «Теперь замечают, что парламентаризм, на который возлагались столь большие надежды, стал повсюду орудием интриг и средством для личного обогащения и вредных для народа стремлений»⁴⁹⁵. «Подобно всякому деспоту, каждое народное представительство — называйся оно парламентом, конвентом или чемнибудь другим, будь оно создано префектами Бонапарта или выбрано восставшим городом на основании всевозможных свобод, — всегда будет стремиться к тому, чтоб расширить свое ведомство, увеличить свою власть всякого рода добавлениями и подавить самодеятельность личности или группы путем закона»⁴⁹⁶. «Только сорокалетнее движение, охватившее пламенем страну, заставило английский парламент обеспечить за арендаторами значение завоеванных ими улучшений. Если же события развернулись так, что интересам капиталистов угрожает падение путем ли восстания или только подстрекательства, — о! тогда каждое народное представительство готово на все меры, тогда оно действует беспощаднее и трусливее любого деспота. Безымянное животное с

шестьюстами голов превзошло Людовика Одиннадцатого и Ивана Четвертого»497.
«Парламентаризм внушает отвращение каждому, кто видел его вблизи»498.

«Господство людей, называющих себя «правительством», несовместимо с нравственностью, основанной на солидарности»499. Это доказывается лучше всего «так называемыми гражданскими правами, значение и ценность которых буржуазная пресса восхваляет каждодневно на все лады»500. «Но разве права эти созданы только для тех, которые нуждаются в них? Конечно, нет. Всеобщее избирательное право может иной раз защитить буржуазию от вмешательства центральной силы, оно может установить равновесие двух сил, в то время как раньше для этого обе стороны вынуждены были употребить насилие друг против друга. Но оно лишено ценности, когда речь идет о том, чтобы низвергнуть или хотя бы только ограничить насилие. Для господствующих классов это — прекрасное средство при решении своих споров; но какую же пользу может оно принести поработанным? Так же дело обстоит и со свободой печати. Что говорит в пользу свободы печати, по мнению буржуазии? Ее бессилие. «Посмотрите, — говорит, — на Англию, Швейцарию, Соединенные Штаты. Там пресса свободна, и нигде, однако, господство капитала не достигает такого могущества, как там». То же самое думают и о праве союзов. «Почему нам не дать полной свободы союзов?» — говорит буржуазия. — Она не причинит вреда нашим привилегиям. Мы должны бояться только тайных обществ; открытые фреймассоны наилучшее средство для того, чтобы парализовать их». «Неприкосновенность жилища? — говорит хитрая буржуазия. — Разве мы не должны охранять ее, и неужели полиция должна повсюду совать свой нос? В нужный момент мы не посмотрим на эту неприкосновенность и арестуем людей в постелях». «Тайна писем? Пусть будет провозглашена их неприкосновенность, при ней мы тоже будем иметь возможность сохранять наши маленькие тайны. В случае заговора против наших привилегий мы не будем больше церемониться. А если кто-нибудь будет противоречить, то мы скажем то, что недавно один английский министр кратко высказал, при одобрении всего парламента, в следующих словах: «Да, господа, с тяжелым сердцем и глубоким отвращением вынуждены мы вскрыть письма, но отечество (т.е. аристократия и буржуазия) в опасности!» Вот они, политические права. Свобода печати и союзов, неприкосновенность жилища и все остальное терпимо лишь до тех пор, пока народ ими не пользуется против привилегированных классов. Но в тот день, когда народ начнет пользоваться ими для уничтожения привилегий, все эти «права» будут выброшены за борт»501.

2. Человечество скоро пройдет ту ступень развития, которой соответствует государство. Государство осуждено на смерть502.

Государство «сравнительно юного происхождения»503. «Государство — это историческая формация, ставшая в известное время в жизни всех народов постепенно на место свободных союзов. Церковь, закон, военная сила и богатство, добытое грабежом, стали столетия тому назад общими фактами; камень за камнем, посягательство за посягательством были созданы они и осуществили чудовищный порядок, который проник в конце концов во все уголки общественной жизни и который мы называем государством»504.

Теперь государство находится в состоянии разложения. «Народы, особенно латинской расы, хотят уничтожить его могущество, которое только препятствует их свободному развитию;

они хотят самостоятельности провинций, общин и рабочих групп, они не желают нести на себе такого господства и стремятся образовать между собой свободные союзы»⁵⁰⁵.

«Разложение государства подвигается вперед с ужасающей быстротой. Государства стали слабыми стариками, с морщинистой кожей и трясущимися ногами, разъедаемыми внутренними болезнями и лишенными понимания новых идей. Они расточают свои небольшие силы, которые еще сохранились, живут на счет своих сочтенных уже дней и ускоряют свой конец, набрасываясь друг на друга, как старые бабы»⁵⁰⁶. Момент исчезновения государства, следовательно, близок⁵⁰⁷. По мнению Кропоткина, он наступит через несколько лет⁵⁰⁸. или в конце девятнадцатого века⁵⁰⁹.

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно скоро достигнуть, место государства займет совокупное общежитие людей на почве правовой нормы, состоящей в том, что договоры должны быть выполняемы. Анархизм «неизбежно»⁵¹⁰ является «ближайшей высшей формой общественного развития»⁵¹¹.

1. И после уничтожения государства люди будут жить общественной жизнью, но не правительственное насилие, а правовой договор будет связывать их между собой. «Свободное единение отдельных личностей в группы, групп в союзы, свободное развитие от простого к сложному, смотря по желанию и по симпатии»⁵¹². — вот будущая форма общества.

Мы можем уже в настоящее время заметить рост анархического движения, т.е. движения, «имеющего своей целью ограничение правительственной деятельности. После того как человечество испробовало все формы правления, оно хочет теперь сбросить все правительственные оковы, жить лучше сообща и в полной свободе»⁵¹³. «Свободные союзы начинают завоевывать себе все поле человеческой деятельности»⁵¹⁴. «Громадные организации, основывающиеся единственно на соглашении, становятся все многочисленнее и многочисленнее. Примером служат: сеть железных дорог по Европе, которая основывается на соединении сотен самостоятельных обществ, Голландские общества кораблехозяев уже начали вытеснять немецкое речное судоходство и озерную торговлю на Восточном Озере, многочисленные торговые союзы и синдикаты во Франции. Более благородным целям служит общество для спасения потерпевших кораблекрушение, госпитальное общество и сотни подобных организованных союзов. Особенное внимание обращает на себя общество Красного Креста: задачей государства остается умерщвление людей на поле битвы, но это самое государство показывает себя неспособным помогать своим раненым и передает это дело по большей части частным лицам»⁵¹⁵. «Эти стремления получают свободное развитие, найдут новые области применения, разрастаясь колоссально, и образуют основы будущего общества»⁵¹⁶.

«Соглашение между сотнями обществ, которым принадлежат в Европе железные дороги, установилось непосредственно, без вмешательства какой-нибудь центральной силы, которая предписывала бы различным обществам законы. И это обоюдное согласие поддерживается конгрессами, на которые съезжаются делегаты, чтобы сообща вести переговоры и предложить затем своим доверителям не законы, а планы. Это совершенно новый порядок, чуждый, безусловно, всякого правительства, будь то монархическое или республиканское, абсолютное или конституционное правительство. Это новшество сначала

проникает в Европу медленным шагом, но ему принадлежит зато будущее⁵¹⁷.

2. «Как разовьется в будущем обществе общественная жизнь, над этим было бы бессмысленно сейчас ломать голову. Но относительно основных черт мы уже теперь должны согласиться»⁵¹⁸. «Мы не должны забывать, что мы, может быть, через один или через два года будем призваны решать все вопросы социального устройства»⁵¹⁹.

Будут существовать общины; но «эти общины вовсе не представляют из себя группировки людей в определенной области; они не знают границ и стен; община есть группировка единомыслящих и не является строго отфаниченным целым. Различные группы одной общины будут чувствовать себя связанными с подобными же фуппами других общин; они будут с ними связаны такой же надежной связью, как и со своими согражданами; таким образом, получают осуществление сообщества по одинаковости интересов, члены которых будут рассеяны в тысячах городов и деревень»⁵²⁰.

Люди будут соединяться в такие общины посредством «договоров»⁵²¹. Они «примут на себя обязанности по отношению к обществу»⁵²². которое со своей стороны по отношению к ним будет иметь свои обязательства⁵²³. Не нужно будет принуждать к исполнению этих договоров⁵²⁴. не будет надобности ни в наказаниях, ни в судьях⁵²⁵. Исполнение договоров будет достаточно гарантировано «потребностью каждого в сотрудничестве, помощи и расположении»⁵²⁶; кто не исполнит своих обязанностей, того можно будет исключить⁵²⁷.

В общинах всякий «сам будет делать все нужное, не ожидая приказов правительства»⁵²⁸. «Община уничтожит государство не для того, чтобы его опять восстановить»⁵²⁹. «Люди поймут, что можно пользоваться наибольшей свободой и наибольшим счастьем, если и не иметь никаких депутатов и так же мало надеяться на народных представителей, как на провидение»⁵³⁰. Не будет темниц и никаких других карательных учреждений⁵³¹; «наилучшим средством против немногочисленных антисоциальных поступков, которые должны еще будут происходить, будет хорошее обращение, нравственное влияние и свобода»⁵³².

Общины, в свою очередь, соединяются между собой точно так же, как и члены отдельных общин, при помощи договоров⁵³³. «Община будет признавать для себя интересы только того союза, с которым она свободно заключила договор»⁵³⁴. «Ввиду многочисленности наших потребностей один союз вскоре не будет более достаточен; община почувствует необходимость образовать еще иные связи, присоединиться к тому или другому союзу иного порядка. В целях добывания средств к существованию она сделалась сочленом одной группы. Теперь она должна присоединиться к другой для того, чтобы получить другие предметы, в которых она нуждается, например, металл, а потом и к третьей и четвертой, которые доставят ей материи и произведения искусств. Если взять в руки экономический атлас какой-нибудь страны, то станет ясно, что для этого не существует экономических границ: области производства и обмена различными предметами проникают друг в друга, уничтожают собственные границы и взаимно покрываются. Таким образом, союзы общин, если бы они последовали своему естественному развитию, скоро получили бы такое же, лишенное взаимных границ, распространение и образовали бы бесконечно частую сеть и совсем иное «единство», чем государства, отдельные части которых лежат друг подле

друга единственно, как прутья около топора ликтора»⁵³⁵.

3. Будущее общество будет в состоянии легко выполнить все те задачи, которые теперь выполняет государство.

«Предположим, что необходимо устроить улицу. В таком случае жители соседних общин могут взаимно соединиться, и они сделают это дело лучше, чем министр общественных работ. Или, предположим, необходима железная дорога. И тут также заинтересованные общины соорудят нечто совсем иное, чем предприниматель, который построит небольшое расстояние и заработает на этом миллионы. Или нужны школы. Их можно самим устроить, и по меньшей мере так же хорошо, как это делают господа в Париже. Предположим, что враг напал на страну. В таком случае мы защитим себя сами, вместо того чтобы полагаться на генералов, которые могут изменить нам. Или крестьянин должен добыть себе орудия производства и машины. Тогда он вступает в союз с городскими рабочими, и эти последние будут доставлять ему их в виде натуральной платы за его произведения; в таком случае предприниматель, который теперь обкрадывает и рабочего, и крестьянина, станет лишним»⁵³⁶. «Или положим, что возникли небольшие раздоры или сильный желает поработить слабого. В первом случае народ сам устроит третейский суд, во втором же случае каждый гражданин вменит себе в обязанность самому вмешаться и не ждать полиции; полицейские будут так же не нужны, как и судьи и тюремные сторожа»⁵³⁷.

5. Собственность

I. С прогрессом человечества, от менее счастливой жизни к жизни более счастливой, скоро исчезнет, согласно Кропоткину, не собственность вообще, а ее современная форма, т.е. частная собственность.

1. Частная собственность стала препятствием для развития человечества по направлению к высшему счастью.

Каковы же в настоящее время результаты частной собственности? «Кризис, который раньше обострялся, теперь стал хроническим; кризис в хлопчатобумажном производстве, кризис в горной промышленности, кризис в часовом деле — все эти кризисы свирепствуют теперь одновременно, и им конца не видно. Безработных теперь считают в Европе многими миллионами; десятками тысяч считают тех, которые нищенствуют по городам и собираются массами для того, чтобы с угрозами требовать «работы или хлеба». Большие отрасли промышленности уничтожаются, большие города, как, например, Шеффилд, пустеют. Все затихает там, где царствуют нужда и бедность: дети бледны, женщины за одну зиму стареют на пять лет, болезнь и смерть свирепствуют среди рабочих, — и начинают поговаривать о перепроизводстве!»⁵³⁸ Можно было бы признать, что по крайней мере на крестьянское земельное владение частная собственность оказывает благотворительное влияние⁵³⁹. «Но золотой век миновал для мелкого крестьянства. Оно вряд ли сознает, как оно должно нынче пробиваться. Оно вязнет в долгах, становится жертвой скотопромышленников, кулаков и ростовщиков; вексель и ипотека губят всякую деревню еще более, чем ужасающие государственные и общественные поборы. Положение мелкой

собственности отчаянное, и если мелкий деревенский землевладелец еще по имени остается собственником, то на самом деле он уже не что иное, как оброчник капиталистов и ростовщиков»⁵⁴⁰.

Но частная собственность имеет еще и другие, косвенные результаты. «Пока мы имеем касту лентяев, которые могут питаться от нас под тем предлогом, что они должны руководить нами, до тех пор эти лентяи будут рассадником заразы для общей нравственности. Кто живет лениво и глупо, заботится постоянно только о новых удовольствиях, кто уже по сущности своего существования не может понимать солидарности и образом своей жизни развивает в себе низкий эгоизм, — тот будет всегда предаваться низким и самым грубым наслаждениям и все кругом себя унижать для своего удовольствия. Он будет жить своим кошельком, полным талерами, и своими животными потребностями, будет бесчестить и женщин, и детей, унижать искусство, театр, прессу, продаст свое отечество и его защитников, и так как у него не хватит смелости покончить с собой, он допустит умерщвление выборных своего народа, если только хоть один день будет бояться за целостность своей мощны»⁵⁴¹. «Год за годом растут тысячи детей в телесной и нравственной нечистоте наших больших городов, среди испорченного борьбой за насущный хлеб населения, причем каждый день они видят безнравственность, праздность, расточительность и блеск, которыми полны эти самые города»⁵⁴². «Так порождает постоянно общество такие существа, которые неспособны к честной и трудолюбивой жизни и полны антисоциальных чувств. Оно чтит их, когда они успевают в своих преступлениях, и сажает их в смиренный дом, если они несчастливы»⁵⁴³.

«Частная собственность нарушает справедливость». «Все накопленное богатство создал общественный труд, труд настоящего и прошедших поколений. Дом, в котором мы собираемся, имеет ценность только потому, что он находится в Париже, который занимает господствующее положение и в котором труд накапливался двадцатью поколениями. Если бы его перенести на снежные поля Сибири, он сделался бы почти лишенным ценности. Вот эта машина, тобою изобретенная и для тебя патентованная, заключает в себе труд пяти или шести поколений; она имеет ценность, как часть того огромного целого, которое мы называем индустрией девятнадцатого столетия. Дать твою кружевную машину папуасам из Новой Гвианы — и она потеряет значение»⁵⁴⁴. «Наука и промышленность, теория и практика, изобретение и исполнение, которое ведет опять к новым изобретениям, умственная и физическая работа, — все это связано между собой. Всякое открытие, всякий прогресс, всякое увеличение наших богатств вытекает из общей физической и духовной деятельности прошлого и настоящего. По какому праву кто-либо может присвоить себе хоть малейшую частицу этого целого и сказать: это принадлежит мне, а не вам»⁵⁴⁵. Но это несправедливое присвоение того, что принадлежит обществу, тем не менее происходит. «С течением времени немногие присвоили себе все то, что делает возможным для людей производство товаров и рост их производительной силы. В настоящее время земля, которая своей ценностью обязана потребностям постоянно увеличивающегося населения, принадлежит меньшинству, которое может препятствовать народу в ее обработке и в действительности препятствует ему в этом или по меньшей мере не позволяет обрабатывать ее соответственно потребностям нового времени. Рудники, представляющие собой труд поколений, ценность которых основывается единственно на потребностях индустрии и на плотности населения, тоже принадлежит немногим, и эти немногие

ограничивают добывание угля или запрещают его совершенно, если находят лучшее применение своим деньгам. И машины представляют собой собственность горсточка людей, и даже, если машина до нынешнего своего совершенства доведена, несомненно, тремя поколениями рабочих, она тем не менее принадлежит немногим работодателям. Дороги, которые без густого населения, индустрии, торговли и сношений были бы железным хламом, принадлежат двум-трем акционерам, которые, быть может, совсем не знают тех расстояний, из которых они извлекают княжеские доходы»⁵⁴⁶.

2. Ступень развития, к которой относится частная собственность, будет скоро перейдена человечеством. Частная собственность осуждена на гибель⁵⁴⁷.

Частная собственность — это историческое образование; оно «развилося, как паразит, среди свободных учреждений наших предков»⁵⁴⁸ в самой тесной связи с государством.

«Политическое устройство общества есть постоянное выражение и освящение его экономического строя»⁵⁴⁹. «Происхождение и право на существование государства заключается в том, что оно все делает в пользу имущих и во вред неимущим»⁵⁵⁰.

«Всемогущество государства — это фундамент, на котором зиждется сила буржуазии»⁵⁵¹.

Но частная собственность уже пошла навстречу своему разложению. «Экономический хаос не может долго поддерживаться. Народ утомлен кризисами, которые вызываются алчностью господствующих классов. Он хочет работать и жить, а не мучиться два-три года из-за скудной платы для того, чтобы затем на многие годы стать жертвой нищеты и объектом благотворительности. Рабочий видит праздность господствующих классов, он видит, что они не способны ни понять его стремлений, ни руководить производством и обменом товаров»⁵⁵². «Характерной чертой нашего века является рост социализма и неудержимое распространение социалистических воззрений среди рабочего класса»⁵⁵³. Момент исчезновения частной собственности, следовательно, близок; произойдет ли он через несколько лет⁵⁵⁴ или в конце девятнадцатого столетия⁵⁵⁵ — все равно он скоро наступит⁵⁵⁶.

II. На ближайшей ступени человеческого развития, которая согласно этому скоро должна наступить, собственность будет так преобразована, что превратится в общественную собственность. «Ближайшей, высшей формой общественного развития»⁵⁵⁷ будет, и притом «неизбежно»⁵⁵⁸, не только анархизм, но «анархический коммунизм»⁵⁵⁹. «Стремление к экономической и стремление к политической свободе суть выражения одной и той же потребности в равенстве, на которой основывается всякая историческая борьба»⁵⁶⁰; «наше столетие характеризуется той силой, с которой выступают оба эти стремления»⁵⁶¹.

Таким образом, всякому человеку, участвующему известным образом в производстве, будет гарантирована приятная жизнь.

1. На ближайшей ступени человечества будет известна только общественная собственность.

Во все современные учреждения постоянно проникает коммунистический дух. Налоги на мосты уничтожаются, и проезд по ним становится свободным; шлагбаумы исчезают, и улицы становятся открытыми для проезда. Тот же дух проникает собой тысячи других

учреждений. Музеи, библиотеки, общественные школы, парки и места для игр, вымощенные и освещенные улицы открыты для всех. По отношению к водопроводу все сильнее и сильнее обнаруживается стремление оставлять без внимания количество употребляемой в каждом хозяйстве воды. Железные и конные дороги уже вводят расписания и единые тарифы и пошли бы еще дальше в этом направлении, если бы они не представляли собой частной собственности⁵⁶².

Будущее общество будет, таким образом, коммунистическим. «Первым делом общины девятнадцатого столетия будет то, что она овладеет всем общественным капиталом, накопленным в ее недрах»⁵⁶³. «Это справедливо «по отношению к средствам потребления точно так же, как и к средствам производства»⁵⁶⁴. «Существует стремление различать капитал, который служит обществу для производства, и капитал, который удовлетворяет жизненные потребности, и утверждать, что машины, фабрики и сырой продукт, средства передвижения, а также земля должны стать общественной собственностью, тогда как жилища, обработанный материал, платья и съестные припасы должны, наоборот, оставаться частной собственностью. Это различие ошибочно и неосуществимо. Дом, нас предохраняющий своими стенами, уголь и газ, которые мы зажигаем, пища, согревающая наше тело, одежда, покрывающая нас, и книга, из которой мы поучаемся, равно как и удовольствия, которыми мы наслаждаемся, — все это представляет важность для нашего существования и настолько же необходимо для успешного производства и дальнейшего развития человечества, как и машины, фабрики, сырые продукты и иные факторы производства. При существовании частной собственности на них останутся существовать и неравенство, угнетение и эксплуатация; частичное уничтожение частной собственности было бы с самого начала бесполезно»⁵⁶⁵.

Нечего при этом опасаться одиночества коммунистических общин⁵⁶⁶. «Если бы в настоящий момент какой-нибудь большой город преобразовался в коммунистическое сообщество и была бы осуществлена общность не только орудий труда, но и средств потребления, то вскоре бы на его рынках появились обозы, а из дальних портов прибыли бы сырые продукты, конечно, в том случае, если он не был бы обложен кругом вражескими войсками; но продукты производства, удовлетворив потребности населения, стали бы искать покупателей во всех концах света; чужестранцы устремились бы сюда и изблизи, и издалека толпами, а потом дома рассказывали бы об удивительной жизни свободного города, где все работают, где нет ни бедных, ни угнетенных, где каждый пользуется плодами трудов своих и никто не причиняет благодаря этому ущерба другим людям»⁵⁶⁷.

2. Коммунизм будущего общества не будет «монастырским или казарменным коммунизмом, как его раньше проповедовали, а будет свободным коммунизмом, который предоставит общее производство во всеобщее распоряжение, причем каждый будет иметь свободу пользоваться им по своему усмотрению»⁵⁶⁸. Выяснить себе все детали коммунизма теперь, конечно, еще невозможно: «однако же мы должны держаться одного мнения относительно его основных пунктов»⁵⁶⁹.

Какую форму примет производство богатств?

Прежде всего должно быть произведено то, что «необходимо для удовлетворения первичных потребностей людей»⁵⁷⁰. Для этого достаточно того, «чтобы все взрослые, за исключением тех женщин, на которых лежит обязанность воспитывать детей, обязались бы с двадцати или двадцати пяти лет до сорока пяти или пятидесяти ежедневно посвящать пять часов по собственному выбору одной из тех работ, которая признана необходимой»⁵⁷¹. «Так, например, каждое общество заключит со своим членом такого рода договор: Мы предоставим тебе пользование нашими домами, амбарами, улицами, путями передвижения, школами, музеями и т.д. под условием, что ты с двадцати лет до сорока пяти или пятидесяти ежедневно будешь употреблять пять часов на одну из необходимых работ. Ты всегда можешь выбрать себе ту группу, к которой ты хочешь примкнуть, или же образовать другую под условием, что она готова будет делать необходимые работы. В свободное от обязательных занятий время ты можешь с кем тебе угодно составить общество для научного или эстетического отдыха. Таким образом, мы требуем от тебя не более 1200 или 1500 часов ежегодной работы в одной из групп, которые производят пищу, одежду, жилище, или заботятся о гигиене, о путях сообщения и т.д., и за это мы доставляем тебе все то, что эти группы производят или должны производить»⁵⁷².

Таким образом, остается достаточно времени для того, чтобы выработать и продукты, необходимые для удовлетворения менее настоятельных потребностей. «Если в поле или на фабрике та работа, которая налагается обществом, уже закончена, то другую часть дня, недели или года можно посвятить удовлетворению художественных или научных потребностей»⁵⁷³. «Любитель музыки, который захотел бы иметь рояль, мог бы вступить в союз фортепьянных мастеров; он отдал бы сюда часть своего дня и скоро получил бы желанный рояль. Тот же, кто тяготеет к астрономии, вошел бы в союз исследователей неба с его философами, наблюдателями, счетчиками и оптиками, его учеными и любителями; и он получил бы желаемый телескоп, если бы сделал только какую-нибудь работу общего характера, так как для обсерватории необходима целая масса грубой работы, труд каменщика, столяра, литейщика, механика; последняя отделка измерительных инструментов лежит, конечно, только на артисте своего дела. Одним словом, пяти — семи часов, которые каждый имеет свободными после того, как он предварительно несколько часов посвятит выработке необходимого, вполне достаточно для того, чтобы доставить ему возможность производства роскоши всякого рода»⁵⁷⁴.

«Не будет больше разъединения между земледелием и промышленностью. Фабричные рабочие будут одновременно и земледельцами»⁵⁷⁵. «Будучи главным образом периодическим занятием, которое требует в известное время, особенно во время жатвы, а еще более во время удобрения почвы, увеличения рабочей силы, земледелие создаст единение между деревней и городом»⁵⁷⁶. Равным образом «будет положен конец разделению между духовной и физической работой»⁵⁷⁷. «Поэты и ученые не найдут ни одного бедняка, который за тарелку супа продал бы им свои силы; они должны будут соединиться, чтобы самим отпечатывать свои сочинения. В таком случае писатели, а также и их почитатели и почитательницы скоро освоятся с техникой типографского дела; они научатся понимать то наслаждение, которое доставляется самостоятельной отпечаткой для общества того произведения, которое они ценят»⁵⁷⁸. «Каждая работа будет приятна»⁵⁷⁹. «Если теперь существует неприятная работа, то это потому, что люди науки никогда не задумывались над тем, чтобы сделать ее более приятной; они всегда знали, что существует

достаточно голодающих, которые за пару грошей будут работать и так»⁵⁸⁰. «Фабрики, заводы, рудники, могут быть также гигиенично устроены, как и самые лучшие лаборатории наших университетов; и чем совершеннее они будут устроены, тем больший доход будет от них получаться»⁵⁸¹. Плоды такой работы будут «бесконечно лучше и многочисленнее, чем богатства, которые до сего времени добывались под игом рабства, крепостничества и эксплуатации труда»⁵⁸².

Как же будет распределено богатство?

Каждый, кто вносит свою часть в производство, получит также и свою часть продукта. Но этот надел продукта не будет соответствовать участию в производстве. «Каждому по его силам, каждому по его потребностям»⁵⁸³. «Потребность поставят выше участия каждого в труде; будет признано, что каждый человек, который в некоторой степени участвовал в производстве, имеет право на жизнь, и даже на приятную жизнь»⁵⁸⁴; «каждый независимо от того, слаб он или силен, способен или неспособен, должен иметь право на жизнь» и именно «право на приятную жизнь; далее, ему предоставляется право самому решать, что считать приятной жизнью»⁵⁸⁵.

Запас богатства общества даст полнейшую возможность для этого. «Когда, с одной стороны, видишь ту быстроту, с какой возрастает продуктивная сила культурных народов, с другой же стороны — границы, которые поставлены, косвенно или непосредственно, их производительности существующими условиями, то приходишь к тому заключению, что даже мало-мальски осмысленное экономическое законодательство даст возможность культурным народам в течение немногих лет накопить столько полезных предметов, что придется воскликнуть: «Достаточно! достаточно угля! достаточно хлеба! достаточно платья! Мы хотим отдохнуть, с большею пользою употребить наши силы и наше время»⁵⁸⁶.

Но как же поступить, если потом запас богатств окажется недостаточным для всех потребностей? «Решение гласит: свободное пользование всем тем, что имеется в избытке, разделение того, в чем может оказаться недостаток, причем разделение это будет производиться по потребностям, но будет оказано преимущество детям, старым и вообще слабым. Так происходит теперь уже в деревне. Какая община думает об ограничении свободы и пользования лугами, пока она имеет их достаточно? Какая община препятствует своим членам, пока у нее достаточно хворосту и каштанов, употреблять их столько, сколько ей угодно? И что предпринимает крестьянин, когда топливо на исходе? Разделение по порциям»⁵⁸⁷.

6. Осуществление

Переворот, ожидаемый с прогрессом человечества, от менее счастливой к более счастливой жизни, т.е. исчезновение государства, преобразование права и собственности и наступление нового строя произойдет, согласно Кропоткину, путем социальной революции, т.е. посредством насильственного ниспровержения старого строя, которое хоть и совершится само собой, но подготовка к которому есть обязанность тех, которые предвидят ход развития.

I. Мы знаем, что мы «без сильных потрясений не достигнем будущего строя»⁵⁸⁸. «Чтобы справедливость победила и чтобы новые идеи сделались действительностью, необходима ужаснейшая буря, которая унесла бы с собой всю гниль, оживила бы своим дыханием уставшие души и возвратила бы устаревшему, разложившемуся и падающему обществу способность жертвовать собою, самоотречение и геройский дух»⁵⁸⁹. Необходима, далее, «социальная революция, т.е. конфискация народом всего общественного богатства и уничтожение всякой власти»⁵⁹⁰. «Социальная революция уже стучится в дверь»⁵⁹¹; «мы можем ожидать ее еще в конце этого столетия»⁵⁹². «Она может произойти через несколько лет»⁵⁹³. Она является «нашей исторической задачей»⁵⁹⁴. «Она произойдет независимо от нашей воли, хотим ли мы ее или нет»⁵⁹⁵.

1. «Социальная революция представляет собой не восстание нескольких дней — она может продлиться три, четыре года, пять лет, пока не закончится преобразование общественных и материальных отношений»⁵⁹⁶. «В течение этого времени взойдет все то, что мы теперь сеем, и принесет плоды, а тот, кто пока еще равнодушен к новому учению, сделается его убежденным приверженцем»⁵⁹⁷. Социальная революция не ограничится также какой-нибудь одной местностью. «Незачем, конечно, предполагать, что она начнется одновременно во всех частях Европы»⁵⁹⁸. «В Германии революция ближе, чем это думают»⁵⁹⁹. «Но где бы она ни началась, во Франции ли, Германии, Испании или России, она в конце концов распространится на всю Европу; она разгорится с такой же быстротой, как революция наших предков, героев 1848 года, и охватит огнем всю Европу»⁶⁰⁰.

2. Первым действием социальной революции будет разрушение⁶⁰¹. «Страсть к разрушению, которая так естественна и справедлива, потому что она является одновременно и страстью обновления, получит полное оправдание. Сколько старого хлама надо выбросить! Разве не все нуждается в преобразовании: дома, города, ремесленные и сельские производства и все общественные учреждения»⁶⁰². «Немедленно должно быть разрушено все то, что необходимо уничтожить: остроги, тюрьмы, крепости, в городах вредные для здоровья кварталы, очумленным воздухом которых мы так долго дышали»⁶⁰³.

И тем не менее социальная революция не будет страшным временем. «Понятно, что борьба потребует жертв. Легко понять, что народ в Париже, раньше чем отправился сражаться на границу, перебил в тюрьмах всех дворян, которые вместе с неприятелями рассчитывали подавить революцию. Того, кто будет порицать его за это, следует спросить: страдал ли ты вместе с народом и так, как он? В противном случае стыдись и молчи»⁶⁰⁴. Но народ никогда не станет, подобно королям и царям, возводить страх в систему. «Он имеет жалость к жертвам, он слишком добросердечен для того, чтобы жестокость ему скоро не надоела. Общественный прокурор, катафалк, гильотина возбуждают скоро отвращение. Через некоторое время узнают, что подобное время ужасов подготавливает только диктатуру; и гильотина будет уничтожена»⁶⁰⁵.

Сначала будет ниспровергнуто правительство. «Его силы бояться нечего. Правительства только кажутся страшными; первый напор возмущившегося народа повергает их наземь; некоторые из них могут быть разрушены в два часа»⁶⁰⁶. «Народ поднимается, и государственная машина уже стоит; чиновники в замешательстве не знают, что им делать; войско потеряло доверие к своим предводителям»⁶⁰⁷.

Но с этим еще не все кончено. «В тот день, когда правительство будет ниспровергнуто народом, должна быть уничтожена и частная собственность путем насильственной экспроприации, не дожидаясь никаких распоряжений сверху»⁶⁰⁸. «Крестьяне прогонят крупных землевладельцев, а их имения объявят общественной собственностью; они уничтожат закладные и провозгласят всех свободными от долгов»⁶⁰⁹. В городах «народ овладеет всем накопленным там богатством, отстранит фабрикантов и возьмет производство в свои руки»⁶¹⁰. Уничтожение частной собственности должно быть общим; и только уничтожение ее в широких размерах в состоянии будет начать преобразование общества, экспроприация же в небольших размерах будет походить на обыкновенный грабеж»⁶¹¹. Она распространится не только на средства производства, но и на средства потребления; «первое, что народ сделает после переворота, будет то, что он приобретет себе здоровые квартиры, достаточное количество пищи и платья»⁶¹². Тем не менее экспроприация будет иметь «свои границы»⁶¹³. «Предположим, что бедняк выгнан из-за бедности из того Дома, в котором он жил со своей семьей. Что же, его выбросить на улицу? Конечно, нет! Если дом для него и его семьи достаточно велик, он должен в нем остаться и продолжать разрабатывать сад под своими окнами. Наши парни должны необходимо прийти к нему на помощь. Если же он наймет одну комнату у кого-нибудь другого, то народ должен ему сказать: знаешь ли, брат, ты по возрасту более ничем уж не обязан? Живи в своей комнате даром; перед исполнителями судебных приговоров тебе бояться теперь нечего — ведь мы представляем новое общество!»⁶¹⁴ «Экспроприация распространится только на то, что кому-либо дает возможность эксплуатировать чужой труд»⁶¹⁵.

3. «За разрушением последует создание нового общества»⁶¹⁶.

Большинство представляет себе революцию «с революционным правительством»⁶¹⁷ во главе и в двоякой форме. Одни считают это правительство выборным. «Выставляется требование того, чтобы народ был призван к выборам, как можно быстрее было избрано правительство и ему было доверено то дело, которое должен делать каждый из нас по собственной охоте»⁶¹⁸. «Но каждое правительство, которого достигает восставший народ при помощи выборов, необходимо должно стать свинцовой гирей на его ногах, особенно при таком чудовищном экономическом, политическом и моральном перевороте, как социальная революция»⁶¹⁹. Это понимают другие; «они отказываются благодаря этому от идеи «закономерного» правительства, по крайней мере на время возмущения против закона, и проповедуют «революционную диктатуру». «Партия, низвергнувшая правительство», говорят они, «насильственно должна стать на его место. Она должна присвоить себе власть и действовать революционно. Для каждого, кто ее не признает — гильотина, для каждого, кто отказывает ей в повиновении — тоже гильотина». Так говорят маленькие Робеспьеры. Но мы, анархисты, знаем, что мысль эта есть только больной плод правительственного фанатизма и что всякая диктатура, даже самая лучшая, есть смерть революции»⁶²⁰.

«Мы сами сделаем все нужное, не ожидая приказа правительства»⁶²¹. «Как только государство станет разлагаться, а механизм угнетения портиться, начнут образовываться совершенно самостоятельно свободные союзы. Вспомним только добровольные союзы вооруженной буржуазии во время Великой революции. Вспомним об обществах, добровольно образовавшихся в Испании и сохранявших независимость страны, когда государство было до основания разрушено войсками Наполеона. Как только государство не

принуждает более к сотрудничеству, естественные потребности сами вводят тотчас же добровольное сотрудничество. Раз только государство разрушено, на его обломках должно сейчас же возникнуть свободное общество»⁶²².

«Реформу в производстве богатств нельзя будет сделать в несколько дней»⁶²³. тем более что революция, вероятно, не вспыхнет одновременно по всей Европе⁶²⁴. Народ поэтому должен будет принять предусмотрительные меры для того, чтобы обеспечить себя всем: пищей, платьем и жилищем. Первым делом население восставшего города возьмет в свои руки запасы пищи, имеющиеся у торговцев, хлебные амбары и бойни. Добровольцы составят списки всему отобранному и распространят отпечатанные таблицы в миллионах экземпляров. При этом свободно будут присваивать все то, что существует с избытком, порционно же то, что нужно распределить строго, с предпочтением для больных и слабых. В случае недостачи пополнение сделает подвоз из деревни, который будет достаточен, если только то, в чем нуждается крестьянин, производится и отдается в его распоряжение; кроме того, для этого же послужит обработка жителями города господских парков и лугов в окрестности⁶²⁵. Подобным же образом народ экспроприрует и жилища. И тут добровольцы составят листы отобранных жилищ и распространят их. Люди соберутся по улицам, кварталам, участкам и объединятся относительно раздела жилищ. Недостатки, которые должны сначала существовать, быстро исчезнут; плотники должны будут работать ежедневно только несколько часов, чтобы вскоре существующие слишком обширные жилища были переделаны соответствующим образом и выстроены, кроме того, новые образцовые дома⁶²⁶. То же случится и с одеждой. Народ захватит большие склады одежды, и добровольцы перепишут запасы. То, что существует с избытком, будет экспроприироваться свободно, то же, что имеется лишь в ограниченном количестве — порционно. А то, чего прямо-таки недостает — в скором времени будет выработано на фабриках с их совершенными машинами⁶²⁷.

II. Задачей всех тех, которые предвидят ход развития, должно быть «подготовление умов»⁶²⁸ к предстоящей революции. Это-то и есть «задача тайных обществ и революционных организаций»⁶²⁹. Это задача «анархической партии»⁶³⁰. Анархисты «пока еще в меньшинстве, но число их растет ежедневно, будет расти все больше и больше, и оно станет накануне революции большинством»⁶³¹. «Что печальному взору представляла Франция за несколько лет до Великой революции, и как слабо было меньшинство тех, которые мечтали о низвержении королевской власти и феодального порядка; но какая перемена три или четыре года спустя, меньшинство начало революцию и увлекло за собой массы»⁶³². Однако как же подготовить умы к революции?

1. Раньше всего нужно разъяснить повсюду цель революции. «Необходимо проповедовать цель революции и словом и делом, пока она ко дню восстания не станет вполне популярной. Эта задача больше и виднее, чем это обыкновенно думают, ибо если цель и ясна для немногих, то с массами народа, постоянно обрабатываемыми буржуазной прессой, дело обстоит совсем иначе»⁶³³.

Но это недостаточно. «Следует пробудить дух возмущения, нужно пробудить чувство независимости и дикую смелость, без которых никакая революция не может осуществиться»⁶³⁴. «Между мирным разъяснением недостатков и восстанием,

возмущением лежит бездна, та самая бездна, которая у большинства людей различает убеждение от действия, идею от воли»⁶³⁵.

2. Средством для достижения обоих этих результатов является «деятельность постоянная, непрерывная деятельность меньшинства. Мужество, преданность, самопожертвование так же заразительны, как трусость, подчиненность и боязливость»⁶³⁶.

«Какие формы должна принять пропаганда? Все формы, которые соответствуют положению вещей, способностям и склонности. Она может быть серьезна или шуточна, но всегда она должна быть отважна. Она может вестись многими или одним. Она всегда должна использовать все средства, никогда не должна оставлять без внимания фактов общественной жизни, чтобы поддерживать в душе напряжение, давать пищу и выражение недовольству, раздувать ненависть против эксплуататора, делать правительство смешным и обнаруживать его бессилие. Но прежде всего она должна вести проповедь примером, чтобы будить смелость и дух возмущения»⁶³⁷.

«Люди чувства, которые хотят не только говорить, но и делать; светлые личности, которые предпочитают тюрьму, изгнание и смерть жизни, не соответствующей их принципам; смелые натуры, которые знают, что нужно осмелиться, чтобы достигнуть, — это все те погибшие авангарды, которые открывают сражение задолго перед тем, как народ созрел для того, чтобы поднять знамя открытого восстания, и для борьбы за право с оружием в руках. Посреди жалоб, болтовни и рассуждений появляется вдруг революционный поступок одного или многих, который воплощает страсть всех»⁶³⁸.

«Быть может, массы останутся сначала индифферентными и поверят «разумным», которые находят действия «безумными», но скоро они тайно начнут восхищаться безумцами и станут действовать с ними заодно. В то время как одни наполняют смиренные дома, другие продолжают уже их дело. Объявление войны современному обществу, попытки восстания, акты мести учащаются. Общее внимание возбуждено, новая мысль проникает в головы и достигает сердца. Отдельный поступок в несколько дней приносит пропаганде больше пользы, чем тысяча брошюр. Правительство защищается; оно свирепствует; но этим оно вызывает только то, что одним или многими совершаются следующие акты, а в мятежниках растет геройский дух. Один акт рождает другие; противники присоединяются к восстанию; правительство не соглашается, жестокость обостряет борьбу; уступки приходят слишком поздно; революция вспыхивает»⁶³⁹.

3. Для того чтобы сделать еще более ясным то средство, при помощи которого, с одной стороны, цель революции стала бы общеизвестной, с другой же — должен был бы быть пробужден дух возмущения, Кропоткин передает несколько рассказов из истории, предшествовавшей революции 1789 года. Он обращает внимание на то, что тогда тысячи пасквилей знакомили народ с порочностью двора, множество эпиграмм бичевали коронованных особ и возбуждали ненависть против знати и духовенства. Он напоминает нам о том, как королю, королеве, откупщикам-генералам грозили в плакатах, бесчестили их и осмеивали, как вешали врагов народа *in effigie* [лат. образно, символически], жгли их или четвертовали. Он рисует нам картины того, как мятежники приучали народ к улице и учили его сопротивляться полиции, войскам, кавалерии. Знакомит нас с тем, как по деревням

тайные сообщества, жакерии жгли у господ амбары, уничтожали их жатвы и леса, убивали их самих, за увеличение или принуждение уплаты главных налогов угрожали смертью. Он показывает нам, как в один прекрасный день амбары разламывались, обозы задерживались, как сжигались пограничные таможни, умерщвлялись чиновники, как погибали в пламени оброчные листы, счетные книги, городские архивы и как революция распространялась повсюду⁶⁴⁰.

«Что касается до выводов из этого»⁶⁴¹, то Кропоткин не считает нужным их делать. Он удовлетворяется тем, что называет сообщенные им факты «ценным для нас поучением»⁶⁴².

Глава VIII. Учение Толстого

1. Общие замечания

1. Лев Николаевич Толстой родился в 1828 году, в Ясной Поляне Крапивенского уезда Тульской губернии. С 1843 до 1846 года он изучал в Казани сначала восточные языки, потом право, которым он продолжал заниматься с 1847 по 1848 год в Петербурге. После довольно продолжительного пребывания в Ясной Поляне Толстой поступил в 1851 году на военную службу в один артиллерийский полк на Кавказе. Там он был произведен в офицеры и оставался до 1853 года; участвовал затем в Крымской кампании и вышел в 1855 году в отставку.

После этого Толстой жил в Петербурге. В 1857 году он совершил длинное путешествие по Германии, Франции, Италии и Швейцарии. По возвращении на родину до 1860 года он жил преимущественно в Москве. С 1860 по 1861 год путешествовал по Германии, Франции, Италии, Англии и Бельгии. В Брюсселе он познакомился с Прудоном.

С 1861 года Толстой почти безвыездно жил в Ясной Поляне, занимаясь одновременно сельским хозяйством и литературным трудом.

Перу Толстого принадлежат очень многие сочинения. До 1878 года он писал преимущественно рассказы; из сочинений этого периода особенно выдаются романы «Война и мир» и «Анна Каренина»; позднейшие его сочинения преимущественно философского содержания.

2. Для ознакомления с учением Толстого о праве, государстве и собственности особенно важны следующие сочинения: «Исповедь» (1879), «Краткое изложение Евангелия» (1880), «В чем моя вера?» (1884), «Что же нам делать» (1885), «О жизни» (1887) и «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1893).

3. Толстой не называет свое учение о праве, государстве и собственности анархизмом. Этим именем он называет учение, ставящее целью жизнь без правительства и стремящееся достигнуть этой цели путем насилия⁶⁴³.

2. Основные принципы

По мнению Толстого, высшим законом для нас является любовь; отсюда он выводит заповедь непротивления злу насилием.

1. Толстой говорит, что в основе его учения лежит «христианство»⁶⁴⁴; но под христианством он понимает не учение одной из христианских церквей — православной, католической или одной из протестантских⁶⁴⁵. а чистое учение Христа⁶⁴⁶.

«Как ни странно это кажется, но церкви всегда были и не могут не быть не только чужды, но прямо-таки враждебны учению Христа... Церкви как церкви не есть учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившееся от прямого пути, как это думают многие; церкви как церкви — как собрания, утверждающие свою непогрешимость, — суть учреждения противохристианские. Между церквами и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь»⁶⁴⁷. Церковь «в угоду миру перетолковала учение Христа так, что из него не вытекало никаких требований для жизни, так что люди могли и дальше жить так, как они жили. Церковь тут уступила миру, а раз уступив миру, она за ним последовала. Мир делал все, что хотел, предоставляя церкви, как она умеет, поспевать за ним в своих объяснениях смысла жизни. Мир вел свою, во всем противную учению Христа, жизнь, а церковь придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним. И кончилось тем, что мир стал жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, а церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но и утверждать, что в этом-то и состоит учение Христа»⁶⁴⁸.

Особенно отличается от учения Христа церковное «вероучение»⁶⁴⁹. т.е. совокупность совершенно непонятных и потому бесполезных «догматов»⁶⁵⁰. «Бога, внешнего Творца, начала всех начал, мы не знаем»⁶⁵¹. «Бог есть дух в человеке»⁶⁵². «его совесть»⁶⁵³. «познание жизни»⁶⁵⁴; «каждый человек сознает в себе дух свободный, разумный и независимый от плоти. Этот-то дух... есть... то, что мы называем Богом»⁶⁵⁵. Христос был человеком⁶⁵⁶. «сыном неизвестного отца; не зная отца своего, он в детстве называл отцом своим Бога»⁶⁵⁷; и он был сыном Бога по духу, как и всякий человек есть сын Бога⁶⁵⁸; он был воплощением «человека, признавшего свою сыновность Богу»⁶⁵⁹. Те, которые «проповедуют, что Христос искупил своею кровью род человеческий, павший из-за Адама, что Бог — Троица, что Св. Дух сошел на апостолов и перешел чрез рукоположение на священство, что для спасения нужны семь таинств и т.д.»⁶⁶⁰ «проповедуют учения, совершенно чуждые Христу»⁶⁶¹. «Никогда Христос... ни одним словом не утверждал личное воскресение и бессмертие личности за гробом»⁶⁶²; притом — это «очень низкое и грубое представление»⁶⁶³. Вознесение и воскресение из мертвых принадлежат «к самым соблазнительным чудесами»⁶⁶⁴.

Учение Христа признается Толстым за истину не на основании веры в откровение, а просто вследствие разумности этого учения. Вера в откровение была «сначала главной причиной непонимания учения, а потом и полного извращения его»⁶⁶⁵. Вера в Христа «не есть доверие к чему-либо, касающемуся Иисуса, но познание истины»⁶⁶⁶.

«Существует закон эволюции, и потому... надо жить для одной своей личной жизни, предоставляя остальное делать закону эволюции. Это — последнее слово утонченного образования нашего времени и вместе с тем того затемнения сознания, которым заняты

образованные классы»667. «Но жизнь человеческая есть непрерывный ряд поступков; каждый день человек должен не переставая выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он хочет сделать; без руководства в выборе своих поступков человек, следовательно, не может жить»668. Руководителем же для него может быть только разум. «Разум есть тот признанный людьми закон, согласно которому должна протекать его жизнь»669.

«Если нет высшего разума — а его нет, и ничто не может доказать его существование, — то мой разум есть высший судья моей жизни»670. «Все большее и большее подчинение»671 «животной личности разумному сознанию»672 есть «жизнь истинная»673, оно есть «жизнь» в противоположность простому «существованию»674.

«Прежде говорили: не рассуждай, а верь тому, что мы тебе предписываем. Разум обманет тебя. Только вера откроет тебе истинное счастье жизни. И человек старался верить и верил; но сношения с людьми показали ему, что другие люди зачастую верят в совершенно другое и утверждают, что это другое дает большее счастье человеку. Стало неизбежно решить вопрос о том, какая из многих вер — истинная вера; решить же это может только разум»675. «Если буддист, познавши магометанство, останется буддистом, он останется буддистом уже не по вере, а по разуму. Как скоро перед ним появилась другая вера и встал вопрос о том, отказаться ли от своей веры или от предлагаемой, — дать ответ на это может только разум. И если он, ознакомившись с исламом, остался буддистом, то на место прежней слепой веры в Будду встало разумное убеждение»676. «Человек познает истину только разумом, а не верою»677.

«Закон разума открывается людям постепенно»678. «Тысяча восемьсот лет тому назад среди языческого римского мира явилось удивительное, не похожее ни на какое из прежних учений, новое учение, приписывавшееся человеку, Христу»679. Это учение содержит «самое строгое, чистое и полное»680 выражение закона разума, «выше которого не поднимался до сих пор разум человеческий»681. Учение Христа есть сам разум682; оно должно быть принято людьми, «потому что только оно одно устанавливает те правила жизни, без которых никогда не жил и не может жить ни один человек, если только он хочет жить как человек, т.е. разумной жизнью»683. Человек, «основываясь на разум, не имеет права от него отрекаться»684.

2. В качестве высшего закона учение Христа выдвигает любовь.

Что такое любовь? «То, что люди, не понимающие жизни, называют любовью, есть только предпочтение одних условий из личного блага перед какими-либо другими, Когда человек, не понимающий жизни, говорит, что он любит свою жену, или своего ребенка, или своего друга, он говорит этим только то, что присутствие в его жизни его жены, ребенка или друга увеличивает в его жизни его личное благо»685.

«Истинная любовь всегда имеет в основе своей отречение от личного блага»686 в пользу блага ближнего. Истинная любовь «есть состояние благожелательства ко всем людям, того благожелательства, которое присуще обыкновенно детям, но которое во взрослом человеке возникает только при самоотречении»687. «Кто из живых людей не знает того блаженного

чувства умиления, хоть раз испытанного им и скорее всего в самом раннем детстве, того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется только одного, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы все были счастливы, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всем было хорошо и радостно. Это, и только это, есть та любовь, в которой заключается жизнь человеческая»⁶⁸⁸.

Истинная любовь есть «идеал полного, бесконечного, божественного совершенства»⁶⁸⁹. «Божественное совершенство есть асимптота жизни человеческой, к которой она всегда стремится, к которой она все более и более приближается и которая тем не менее может быть достигнута только в бесконечности»⁶⁹⁰. «Истинная жизнь, согласно прежним учениям, состоит в исполнении приказаний закона; по учению же Христа, она состоит в наибольшем приближении к указанному и сознаваемому каждым человеком в себе божественному совершенству»⁶⁹¹.

Любовь, по учению Христа, есть наш высший закон. «Заповедь любви есть выражение самой сущности учения»⁶⁹². Существуют «три и только три жизнепонимания: во-первых — личное или животное, во-вторых — общественное или языческое»⁶⁹³ и «в-третьих — христианское или божественное»⁶⁹⁴. Человек животного жизнепонимания, «дикарь, признает жизнь только в себе... двигателем его жизни является личное наслаждение... Человек языческий, общественный человек признает жизнь уже не только в самом себе, но в совокупности личностей, — в племени, семье, роде, государстве. Двигателем его жизни является слава... Человек божественного жизнепонимания признает жизнь уже не в своей личности и не в совокупности личностей, а — в первоисточнике вечной, не умирающей жизни — в Боге... Двигатель его жизни есть любовь»⁶⁹⁵.

То, что любовь, согласно учению Христа, есть наш высший закон, означает не что иное, как то, что таково требование разума. Уже в 1862 году Толстой высказывает мысль, «что любовь и добро суть истины, и единственной истины на земле»⁶⁹⁶; а гораздо позже, в 1887 году, он называет любовь «единственной разумной деятельностью человека»⁶⁹⁷. тем, что «разрешает все противоречия жизни человеческой»⁶⁹⁸. Любовь прекращает бессмысленную деятельность, направленную на наполнение бездонной бочки животной личности⁶⁹⁹. она устраняет неразумную борьбу существ, стремящихся к личному счастью⁷⁰⁰. она дает жизни, которая без нее протекала бы бессмысленно в ожидании смерти, смысл, независимый от времени и пространства⁷⁰¹.

3. Из закона любви учение Христа выводит заповедь непротивления злу насилием. «Не противься злу, что значит не противься никогда злему человеку, т.е. никогда не делай насилия над другим, т.е. не делай такого поступка, который всегда противодействует любви»⁷⁰².

Христос явственно выводит эту заповедь из закона любви. Он дал много заповедей и особенно пять заповедей в Нагорной проповеди; «заповеди эти не составляют учения... но составляют только одну из бесчисленных ступеней в приближении к совершенству»⁷⁰³; они «все отрицательного характера и показывают только то»⁷⁰⁴. чего мы можем «при

настоящем развитии человечества»⁷⁰⁵ уже не делать «на пути к совершенству, которого мы стоим»⁷⁰⁶. Первая из пяти заповедей Нагорной проповеди гласит: «Будь в мире со всеми, и если мир нарушен, то все силы употреби на то, чтобы восстановить его»⁷⁰⁷. Вторая заповедь говорит: «бери муж только одну жену и жена только одного мужа и не покидайте друг друга ни под каким предлогом»⁷⁰⁸; третья заповедь: «не давай никаких обетов»⁷⁰⁹; четвертая: «неси обиды, а не делай зла за зло»⁷¹⁰; пятая заповедь: «не нарушай мира ни с кем во имя твоего народа»⁷¹¹.

Из этих заповедей четвертая самая важная; она дана в пятой главе от Мф., ст. 38—39: «Вам сказано: око за око, зуб за зуб. — А я вам говорю: Не противьтесь злу»⁷¹². Толстой рассказывает, как место это сделалось для него «ключом всего»⁷¹³. «Стоило только мне понять эти слова просто и прямо — так, как они сказаны, и тотчас же во всем учении Христа, не только в Нагорной проповеди, но во всех Евангелиях, все, что казалось запутанным, стало понятно, что было противоречивым, стало согласно, и, главное, что казалось излишне, сделалось необходимым. Все слилось в одно целое и несомненно дополняло одно другое, как куски разбитой статуи, составленные правильным образом»⁷¹⁴. Принцип непротивления «есть положение, связывающее все учение в одно целое, но только в том случае, когда он не изречение, а обязательное правило, закон»⁷¹⁵. «Он действительно представляет собою ключ, отпирающий все, но только тогда, когда ключ этот просунут во внутренность замка»⁷¹⁶.

Заповедь непротивления злу насилем с необходимостью вытекает из закона любви, так как закон этот требует или того, чтобы был найден верный, неоспоримый критерий зла, или того, чтобы мы совершенно отказались от сопротивления злу насилем⁷¹⁷. «Решающее определение относительно того, что должно было считаться злом и чему нужно противиться насилем, давал то папа, то император, то король, то собрание выборных, то весь народ. Но как внутри, так и вне государства всегда существовали люди, не признававшие для себя обязательными ни постановлений, выдаваемых за божественные веления, ни постановлений людей, облеченных святостью, ни учреждений, долженствовавших представлять волю народа, люди, которые считали добром то, что существующие власти считали злом, и боролись против власти тоже насилем... Люди, облеченные святостью, считали злом то, что люди и учреждения, облеченные светской властью, считали добром, и борьба становилась все обостреннее и обостреннее. Так дело дошло до того состояния, в каком они находится теперь, — до совершенной очевидности того, что внешнего, обязательного для всех определения понятия зла нет и не может быть»⁷¹⁸. Отсюда необходимость принять решение вопроса, данное Христом⁷¹⁹.

По мнению Толстого, заповедь о непротивлении не следует понимать так, «как будто она запрещает всякую борьбу со злом»⁷²⁰. Она запрещает лишь насилие в борьбе со злом⁷²¹. но запрещает его безусловно. Это запрещение относится, таким образом, не только ко злу, причиняемому нам самим, но и ко злу, причиняемому нашим ближним⁷²²; когда Петр отсек слуге первосвященника ухо, он защищал «не себя, но своего любимого, божественного учителя. Но Христос прямо запретил ему это, сказав, что поднявший меч от меча да погибнет»⁷²³. Заповедь о непротивлении злу не означает также и того, что только одна часть людей обязана «без борьбы покоряться тому, что предписывается им известными авторитетами»⁷²⁴; заповедь эта распространяется «на каждого, следовательно, и на тех (и

преимущественно на тех), которые властвуют, и запрещает употреблять насилие против кого бы то ни было и в каком бы то ни было случае»⁷²⁵.

3. Право

I. Во имя любви, именно на основании заповеди непротивления злу насилием, Толстой отрицает право, конечно не безусловно, но по крайней мере для современных народов, стоящих на более высокой ступени развития. Он, правда, говорит только о законе, но имеет в виду всякое право, так как он отрицает принципиально всякие нормы, покоящиеся на человеческой воле⁷²⁶. поддерживаемые насилием⁷²⁷ и в частности судом⁷²⁸. допускающие отклонение от нравственного закона⁷²⁹. неодинаковость в разных странах⁷³⁰ и произвольные перемены во всякое время⁷³¹.

Быть может, прежде когда-нибудь существование права было лучше его несуществования. Право «должно быть поддерживаемо насилием»⁷³²; с другой стороны, оно не допускает насилия, совершаемого отдельными личностями друг над другом⁷³³; может быть, и «было время, когда насилие государства было меньше насилия личностей друг над другом⁷³⁴. Теперь же это время во всяком случае миновало для нас; нравы стали мягче, люди нашего времени, «исповедуя заповеди человеколюбия и сострадания к ближним, желают только возможности спокойной и мирной жизни»⁷³⁵.

Право нарушает заповедь о непротивлении злу насилием⁷³⁶. Это было сказано и Христом. Слова: «не судите, да не судимы будете» (Мф. VII, 1), «не осуждайте, да не будете осуждены» (Лк. VI, 37), значат: «не только не судите ваших ближних на словах, но и не судите их на деле — не судите согласно своим человеческим законам в ваших судах»⁷³⁷. Здесь Христос говорит не только о «личном отношении каждого отдельного человека к судам»⁷³⁸. но отрицает «самое правосудие»⁷³⁹. «Он говорит: вы думаете, что ваши законы исправляют зло, — они только увеличивают его. Есть только один путь пресечения зла — делайте добро за зло всем без всякого различия»⁷⁴⁰. И то же самое, что говорит Христос, говорят мне «мое сердце и мой разум»⁷⁴¹.

Но это еще не все, что может быть сказано в доказательство несостоятельности права. «Насилие отрицает и осуждает в неподвижной форме закона только то, что большей частью уже задолго до этого отрицалось и осуждалось общественным мнением, но с той разницей, что общественное мнение отрицает и осуждает все поступки, противные нравственному закону, закон же, поддерживаемый насилием, осуждает и преследует только известный, очень узкий круг поступков, этим самым как бы оправдывая все поступки того же порядка, не вошедшие в этот узкий круг. Общественное мнение уже со времен Моисея считает корыстолюбие, распутство и жестокость злом и осуждает их; оно отрицает и осуждает всякого рода проявления корыстолюбия, — не только приобретение чужой собственности насилием, обманом или хитростью, но и всякое пользование ею; осуждает всякого рода распутство, будь то блуд с наложницей, невольницей, разведенной женой или даже своей собственной; осуждает всякую жестокость, выражающуюся в побоях, в дурном содержании, в убийстве не только людей, но и животных. Закон же преследует только известные виды корыстолюбия, как то: воровство, мошенничество и известные виды распутства и

жестокости, как то: нарушение супружеской верности, убийство, увечья, вследствие этого как бы разрешая все те проявления корыстолюбия, распутства и жестокости, которые не подходят под его узкое, подверженное лжетолкованиям определение этого понятия»⁷⁴².

«Еврею было нетрудно подчиняться своим законам, когда он не сомневался в том, что их писал Бог; или римлянину, так как он думал, что их писала нимфа Егерия; и даже — человеку вообще, пока он полагал, что цари, дающие законы, — помазанники Божий, или верил тому, что законодательные собрания имеют и желание и возможность издать наилучшие законы»⁷⁴³. Но «уже во времена появления христианства люди начали понимать, что законы человеческие писаны людьми, что люди не могут быть непогрешимы, каким бы внешним величием они ни были облечены, и что ошибающиеся люди не сделаются непогрешимыми оттого, что они соберутся вместе и назовут себя сенатом или каким-либо другим именем»⁷⁴⁴. «Ведь мы знаем, как создаются законы, мы все были за кулисами, все знаем, что законы суть произведения корысти, обмана, борьбы партий, — что в них нет и не может быть истинной справедливости»⁷⁴⁵. Поэтому «признание каких бы то ни было особенных законов есть признак самого дикого невежества»⁷⁴⁶.

II. Любовь повелевает, чтобы вместо права она сама стала для людей законом. Из этого следует, что мы должны руководствоваться не правом, а, наоборот, заповедями Христа⁷⁴⁷. Это-то и есть «царство Божие на земле»⁷⁴⁸.

«Что же касается дня и часа, когда наступит Царство Божие, то наступление этого часа зависит только от самых людей»⁷⁴⁹. «Стоит только каждому начать делать то, что мы должны делать, и перестать делать то, чего мы не должны делать, чтобы сейчас же обещанное Царство Божие наступило в ближайшем будущем»⁷⁵⁰. «Пусть только каждый человек сейчас же, по мере сил своих исповедует ту правду, которую он знает, или хотя бы по крайней мере пусть не защищает ту неправду, в которой он живет, выдавая ее за правду, и тотчас же еще в нынешнем, 1893-м году произойдут такие перемены в пользу освобождения людей и установления правды на земле, о которых мы не смеем мечтать и через столетия»⁷⁵¹. «Еще одно небольшое усилие, и Галилеянин победил»⁷⁵².

Царство Божие «не во внешнем мире, а в душе людей»⁷⁵³. «Царствие Божие не проявится приметным образом, вам не скажут: вот оно здесь или вон оно там. Ибо знайте: Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. XVII, 20)⁷⁵⁴. Царство Божие есть не что иное, как исполнение заповедей Христа, в особенности же пяти заповедей Нагорной проповеди⁷⁵⁵. говорящих нам, каково должно быть наше поведение на настоящей ступени нашего развития для того, чтобы как можно более соответствовать идеалу любви⁷⁵⁶. и повелевающих нам жить в мире со всеми и, если мир нарушен всеми силами содействовать восстановлению его, соблюдать верность друг другу в брачной жизни, не давать никаких обетов, прощать обиды, не платить злом за зло и, наконец, не нарушать мира ни с кем ради нашего народа⁷⁵⁷.

Как же сложится внешняя жизнь, когда осуществится Царство Божие? «Ученик Христа будет беден; это значит, что он будет не в городе, а в деревне, не будет сидеть дома, а будет работать в лесу и в поле, будет видеть свет солнца, землю, небо, животных; он не будет ломать головы над тем, что ему съесть, чтобы возбудить аппетит, и что сделать, чтобы помочь своему пищеварению, а будет голоден три раза в день; он не будет

ворочаться на мягких подушках и придумывать, чем спастись от бессонницы, а будет спать. Болеть, страдать, умирать он будет так же, как и все — бедные болеют и умирают, по-видимому, лучше, чем богатые»⁷⁵⁸; он будет жить «в свободном общении со всеми людьми»⁷⁵⁹. «Царство Божие на земле есть мир между всеми людьми. Так представлялось Царство Божие пророкам, так оно представляется всякому сердцу человеческого»⁷⁶⁰.

4. Государство

I. Вместе с правом Толстой должен для современных народов, достигших более высокой ступени развития, неизбежно отрицать также и государство в качестве правового учреждения.

«Если и было когда-нибудь такое время, когда при низком уровне нравственности и при всеобщей склонности людей к насилию друг над другом существование власти, ограничивающей эти насилия, было выгодно, т.е. когда насилие государственное было меньше насилия отдельных лиц, то нельзя не видеть того, что такое преимущество государственности над отсутствием ее не могло длиться постоянно. Чем более уменьшалось стремление к насилию отдельных личностей, чем более смягчались нравы и чем более развращалась власть вследствие своей безграничности, тем преимущество это становилось все менее и менее ценным. В этом-то изменении, т.е., с одной стороны, в нравственном развитии масс, с другой же — в развращении правительств и заключается вся история последних двух тысячелетий»⁷⁶¹. «Я не могу доказать ни необходимости, ни вреда государства вообще»⁷⁶²; «знаю только то, что, с одной стороны, мне не нужно более государства, и что с другой — я не могу более совершать те дела, которые необходимы для существования государства»⁷⁶³.

«Христианство, взятое в его истинном значении, отрицает государство»⁷⁶⁴. оно отрицает всякое правительство⁷⁶⁵. Государство находится в противоречии с любовью, а именно с заповедью непротивления злу насилием⁷⁶⁶. Мало того, устанавливая свое господство⁷⁶⁷. государство грешит также против того, что для любви «все люди — дети Бога, и между ними существует полное равенство»⁷⁶⁸. Поэтому, помимо того, что, как правовое учреждение, оно основывается на насилии, существуют и другие основания для его отрицания. «Говорят, что учение христианское касается только личного спасения и не касается вопросов и дел общегосударственных. Но это только смелое и голословное утверждение»⁷⁶⁹. «Для каждого искреннего и серьезного человека нашего времени не может не быть очевидным, что истинное христианство — учение о смирении, прощении обид, любви — несоединимо с государством и его величием, насилиями, казнями и войнами»⁷⁷⁰. «Государство это — «идол»⁷⁷¹; оно должно быть уничтожено во всех своих формах, будь то «абсолютная монархия, конвент, консулат, империя первого или третьего Наполеона или Буланже, конституционная монархия, коммуна или республика»⁷⁷². Эту мысль Толстой развивает детально.

1. Государство есть господство дурных людей, доведенное до крайности.

Государство есть господство. В государстве правительство есть «собрание людей, которые насилуют других»⁷⁷³. «В наше время все правительства, как деспотические, так и либеральные — стали тем, что так метко Герцен называл Чингисханом с телеграфами»⁷⁷⁴. Люди, обладающие властью, «совершают насилия уже не во имя противодействия злу, а во имя своей выгоды или прихоти; другие же люди подчиняются насилию не потому, что оно, по их мнению, служит им на благо, т.е. содействует избавлению их от зла, а только потому, что они не в силах избавиться от насилия»⁷⁷⁵. «Не потому присоединена Ницца к Франции, Лотарингия к Германии, Чехия к Австрии; не потому раздроблена Польша; не потому Ирландия и Индия подчиняются английскому правлению; не потому воюют с Китаем и убивают африканцев, не потому американцы изгоняют китайцев, а русские теснят евреев, что это — хорошо, нужно или полезно людям и что противное этому есть зло, а наоборот, только потому, что тем, которые имеют власть, так нравится»⁷⁷⁶.

«Государство есть господство дурных людей»⁷⁷⁷. «Устранение государственного насилия сделает только то, что злые будут властвовать над менее злыми, говорят защитники государственного господства»⁷⁷⁸. Но при переходах власти в одном государстве от одних лиц к другим разве действительно власть всегда переходила к лучшим? «Когда свергнут был Людовик XVI и власть получил Робеспьер, а потом Наполеон, кто властвовал тогда? более добрые или более злые? И когда властвовали более добрые: когда власть была в руках версальцев или коммунаров? когда во главе правительства был Карл I или Кромвель? когда царем был Петр III, или когда его убили и царицей стала в одной части России Екатерина, а в другой — Пугачев? Кто же тогда был злым, кто добрым? Все люди, стоящие у власти, утверждают, что их власть нужна для того, чтобы злые не насильствовали добрых, подразумевая под этим, само собою разумеется, то, что они-то и есть те самые добрые, которые ограждают других добрых от злых»⁷⁷⁹. В действительности же те, которые захватывают и удерживают власть, никак не могут быть более добрыми⁷⁸⁰. «Для того чтобы захватить власть в свои руки и удержать ее, нужно любить власть. Властолюбие же соединяется обыкновенно не с добротой, а с противоположными качествами: с гордостью, хитростью, жестокостью. Без возвеличения себя и унижения других, без лицемерия, лжи, без тюрем, крепостей, казней, убийств не может ни возникнуть, ни существовать никакая власть»⁷⁸¹. «Даже как-то смешно говорить о властвующих христианах»⁷⁸². К тому же «обладание властью развращает людей»⁷⁸³. «Люди, обладающие властью, не могут не злоупотреблять ею; они должны неизбежно ошалеть от такой страшной власти»⁷⁸⁴. «Сколько ни придумывали люди средств для того, чтобы лишить людей, стоящих у власти, возможности подчинять общее благо своим собственным выгодам, все эти меры оказывались и оказываются до сих пор недействительными. Все знают, что люди, находящиеся у власти — будь то императоры, министры, полицмейстеры или городовые, — уже потому, что они имеют власть, более склонны к безнравственности, к подчинению общего блага своим личным интересам, чем люди, не имеющие власти; да это и не может быть иначе»⁷⁸⁵.

Государство есть господство дурных людей, доведенное до высшей степени. «Расчет или даже бессознательное стремление насилующих всегда будет состоять в том, чтобы довести насилуемых до наибольшего ослабления, так как, чем слабее будет насилуемый, тем меньше потребуются усилий для усмирения его»⁷⁸⁶. «Теперь существует только одна область человеческой деятельности, не захваченная правительственной властью, —

область семьи, хозяйства, область частной жизни и труда. Но и эта область, благодаря борьбе коммунистов и социалистов, уже понемногу начинает попадать в руки правительств, так что труд и отдых, жилище, одежда, пища, если только осуществляются желания реформаторов, будут скоро тоже определяться и назначаться правительствами»⁷⁸⁷. «Самая жестокая шайка разбойников не так страшна, как ужасна такая государственная организация. Каждый разбойничий атаман все-таки ограничен тем, что люди, составляющее его шайку, имеют хоть частичку человеческой свободы и могут воспротивиться совершению противоречащих их совести дел»⁷⁸⁸. Но для государства не существуете таких преград; «нет тех ужасающих преступлений, которые не совершили бы чиновники и войска по воле того, кто случайно (Буланже, Пугачев, Наполеон) может стать во главе их»⁷⁸⁹.

2. Господство в государстве основано на физической силе.

Всякое правительство опирается на то, что в государстве существуют вооруженные люди, готовые путем физического насилия приводить в исполнение волю правительства, на сословие людей, «воспитывающихся для того, чтобы убивать всех тех, кого велит убивать начальство»⁷⁹⁰. Эти люди составляют полицию⁷⁹¹ и в особенности войско⁷⁹². Войско есть не что иное, как собрание «дисциплинированных убийц»⁷⁹³. образование его есть «обучение убийству»⁷⁹⁴. его победы «убийства»⁷⁹⁵. «Войско всегда было и теперь образует основание власти. Власть всегда находится в руках тех, кто повелевает войском, и всегда все властители — от римских кесарей и до русских и немецких императоров — заботились более всего о войске»⁷⁹⁶.

Войско служит, во-первых, защитой господству правительства от нападений со стороны внешних врагов. Оно не позволит соседним правительствам захватить власть в свои руки⁷⁹⁷. Война есть не что иное, как борьба между многими правительствами из-за господства над их подданными. «Поэтому-то и мир народов между собой разумным путем, при помощи соглашения или третейского суда, не может быть достигнут до тех пор, пока будет существовать подчинение народов правительствам, всегда неразумное и всегда пагубное»⁷⁹⁸. Ввиду такого значения войска «каждое государство чувствует необходимость увеличивать свои войска по сравнению с войсками других государств, а такое увеличение войск заразительно, как это еще сто пятьдесят лет тому назад заметил Монтескье»⁷⁹⁹.

Но те, которые думают, что войска содержатся правительствами только для обороны от нападений извне, забывают, «что войска нужны прежде всего правительствам для обороны себя от своих угнетенных и поработченных подданных»⁸⁰⁰. «Недавно в германском рейхстаге, отвечая на запрос о том, почему нужны деньги для увеличения жалованья унтер-офицерам, германский канцлер прямо объявил, что нужны надежные унтер-офицеры для того, чтобы бороться против социализма. Каприви сказал во всеуслышание только то, что всякий знает, хотя это и скрывается старательно от народа; он указал на причину того, почему французские короли и папы нанимали себе швейцарцев и шотландцев, почему в России старательно перетасовывают рекрутов так, чтобы полки, стоящие в центрах, комплектовались рекрутами с окраин, а полки, находящееся на окраинах, — людьми из центра. Каприви нечаянно сказал то, что каждый очень хорошо знает, а если не знает, то чувствует, а именно то, что существующий строй таков не потому, что он должен быть таким, или что народ хочет, чтобы он был таков, но потому, что его поддерживает насилие

правительств, войска со своими подкупленными унтер-офицерами, офицерами и генералами»⁸⁰¹.

3. Господство в государстве поддерживается физическим насилием над теми, на кого это господство распространяется.

Одной из особенностей правительств является то, что они требуют от граждан того самого насилия, которое лежит в их основании, и что поэтому в государстве «все граждане суть угнетатели самих же себя»⁸⁰². Правительство требует от граждан как самого насилия, так и «поддержки его. Сюда относятся: обязательная для всех в России присяга при перемене царствования, так как при этой присяге дают обещание повиноваться властям, т.е. людям, совершающим насилие; затем обязательная уплата податей, так как подати употребляются на насилие; паспортная система, так как, получая паспорт, человек признает свою зависимость от насильственного государственного учреждения; далее, обязанность быть свидетелем на суде и участвовать в суде в качестве присяжного, так как всякий суд есть исполнение заповеди мести; обязательное в России для всех крестьян несение полицейских обязанностей, так как при исполнении этих обязанностей приходится употреблять насилие против своих братьев и причинять им страдания; главным же образом сюда относится всеобщая воинская повинность, т.е. обязанность быть палачом и готовить себя к этому делу»⁸⁰³. Во всеобщей воинской повинности нехристианская физиономия государства всего резче бросается в глаза; «всякий человек должен взять оружие убийства: ружье, нож, и если не убить, то зарядить ружье и отточить нож, т.е. быть готовым на убийство»⁸⁰⁴.

Но отчего же граждане исполняют эти требования правительства, несмотря на то что последнее и держится только этим исполнением, так что в конце концов граждане сами занимаются взаимным угнетением друг друга? Это возможно только «благодаря существованию созданной с помощью усовершенствования науки чрезвычайно искусной организации, при которой все люди попадают в один и тот же круг насилия, из которого для них нет никакой возможности вырваться. Круг этот в настоящее время состоит из четырех средств воздействия на людей. Средства же эти все связаны между собой и поддерживаются одно другим, как звенья цепи»⁸⁰⁵. Первое средство всего лучше может быть «охарактеризовано, как гипнотизация народа»⁸⁰⁶. Эта гипнотизация заставляет людей «следовать тому ошибочному мнению, что существующий порядок неизменяем и потому нужно поддерживать его, тогда как очевидно, что, напротив, он только потому неизменен, что они-то и поддерживают его»⁸⁰⁷. «Гипнотизация эта производится путем поощрения двух родов суеверия, которые называются религией и патриотизмом»⁸⁰⁸. «и, начиная свое воздействие в детском возрасте, продолжает действовать на людей до их смерти»⁸⁰⁹. Имея в виду эту гипнотизацию, можно сказать, что государственная власть покоится на обмане, вводящем в заблуждение общественное мнение⁸¹⁰. Второе средство — это «подкуп, который состоит в том, чтобы, отобрав от трудового рабочего народа посредством денежных податей его богатства, эти богатства распределить между чиновниками, обязанными за это вознаграждение поддерживать и увеличивать порабощение народа»⁸¹¹. Чиновники «желают неизменности существующего порядка прежде всего потому, что он выгоден им»⁸¹². Принимая в соображение этот подкуп, можно сказать, что государственная власть покоится на эгоизме тех, кому она доставляет выгодное положение⁸¹³. Третье средство есть «устрашение». Средство это состоит в том,

чтобы выдавать существующий государственный строй — каким бы он ни был, свободным, республиканским или самым деспотическим — за нечто священное и неизменное и потому налагать самые жестокие наказания за все попытки его изменения»⁸¹⁴. Наконец, четвертое средство состоит в том, «чтобы выделить из всех людей, угнетенных и скованных посредством трех предшествующих средств, еще некоторую часть людей для того, чтобы, подвергнув этих людей особым, усиленным способам одурения, сделать из них безвольные орудия тех жестокостей и зверств, которые по вкусу правительству»⁸¹⁵. Это и находит свое осуществление в войске, к которому в настоящее время, благодаря всеобщей воинской повинности, принадлежат все молодые люди⁸¹⁶. «Этим средством замыкается круг насилия. Устрашение, подкуп, гипнотизация приводят людей к тому, что они идут в солдаты; солдаты же со своей стороны содействуют возможности наказывать людей, обирать их, подкупая на эти деньги чиновников, гипнотизировать и вербовать их в те самые солдаты, которые поддерживают власть над всем этим»⁸¹⁷.

II. Любовь требует того, чтобы государство было заменено общественным устройством, основанном всецело на заповедях любви. «Каждый хоть сколько-нибудь размышляющий человек нашего времени признает невозможным продолжение жизни на прежних основаниях и необходимым установление новых форм жизни»⁸¹⁸. «Для христианского человечества данного времени необходимо отречься от осуждаемых им языческих форм жизни и на призываемых им христианских основах построить свою новую жизнь»⁸¹⁹.

1. И после уничтожения государства люди должны будут жить обществами. Но что же будет соединять их тогда в одно общественное целое?

Во всяком случае, не какие-либо обеты. Христос заповедал нам не давать «никаких обетов»⁸²⁰. «ничего не обещать людям»⁸²¹. «Христианин не может обещать; сделать что-либо к определенному времени или в известное время воздержаться от чего-либо, так как он не может знать, чего потребует от него в это время тот закон любви, подчинение которому составляет смысл его жизни»⁸²². Еще менее того может он «обещаться исполнять чью-либо чужую волю, не зная, в чем будет состоять содержание этой воли»⁸²³; уже таким обещанием он «заявил бы то, что внутренний закон Божий не представляет для него единственного закона его жизни»⁸²⁴; «нельзя служить двум господам»⁸²⁵.

В будущем людей должно будет соединять в одно общественное целое то духовное влияние, которое оказывают личности, опередившие других в познании истины, на менее развитых членов общества. «Духовное влияние есть такое воздействие на человека, вследствие которого изменяются самые желания человека и совпадают с тем, что от него требуется. Человек, подчиняющийся духовному влиянию, поступает соответственно своим желаниям»⁸²⁶. Сила, «благодаря которой люди могут жить обществами»⁸²⁷, заключается в духовном влиянии, оказываемом личностями, опередившими других в познании истины, на менее развитых людей, в «способности людей мыслящих мало подчиняться указаниям людей, стоящих на высшей степени познания»⁸²⁸. Благодаря этой способности «определенный круг людей подчиняется одним и тем же разумным началам, причем одни — меньшинство — сознательно, вследствие согласия их с требованиями своего разума; другие же — большинство — бессознательно, только потому, что эти начала стали общественным мнением»⁸²⁹. «В этом подчинении нет ничего неестественного и противоречивого»⁸³⁰.

2. Но каким образом должны будут исполняться в будущем обществе те задачи, которые в настоящее время исполняет государство? При этом обыкновенно имеют в виду три рода задач⁸³¹.

Во-первых, защиту от злых людей, находящихся среди нас⁸³². «Но кто же эти находящееся среди нас злые люди? Если три-четыре века тому назад, когда люди гордились своим военным искусством, вооружением, когда убивать людей считалось доблестью, — и были такие люди, то ведь теперь таких людей нет; никто не носит более оружия, и все исповедуют заповедь человеколюбия. «Если же под людьми, от нападения которых должно защищать нас государство, разуместь тех людей, которые совершают преступления, то мы знаем, что они не особенные существа, вроде волка среди овец, а такие же люди, как и все мы, и точно так же не любят совершать преступления, как не любим этого и мы. Мы знаем, что деятельность правительств со своими, не соответствующими современному уровню нравственности жестокими приемами наказаний, тюрьмами, каторгой, виселицами, гильотиной — скорее содействует одичанию народов, чем смягчению их, и потому скорее увеличивает, чем уменьшает число таких насильников»⁸³³. Если бы мы были христианами и потому полагали, что «наша жизнь должна быть отдана на служение другим, то не нашлось бы такого безумного человека, который лишил бы пропитания или убил бы тех людей, которые служат ему. Миклухо-Маклай поселился среди самых грубых, как говорят, «диких» людей, и его не только не убили, но полюбили, покорились ему только потому, что он не боялся их, ничего не требовал от них и делал им добро»⁸³⁴.

Во-вторых, спрашивается, кто же будет защищать нас в будущем обществе от внешних врагов⁸³⁵? Но ведь мы же знаем, «что все европейские народы исповедуют принципы свободы и братства и потому не нуждаются в защите друг от друга. Если же говорить о защите от варваров, то для этого достаточно одной тысячной доли тех войск, которые стоят теперь под ружьем. Государственная власть не только не спасает от опасности нападения соседей, а напротив, она-то и вызывает их»⁸³⁶. Но «если бы существовало общество христиан, не делающих никому зла и отдающих весь излишек своего труда другим людям, то никакие неприятели — ни немцы, ни турки, ни дикари — не стали бы убивать или мучить таких людей. У них можно бы было просто брать все, что они отдавали бы с полной охотой, не делая различия между русским, немцем, турком и дикарем»⁸³⁷.

В-третьих, спрашивается, каким образом будет возможно в будущем обществе существование путей сообщения, воспитательных, образовательных, религиозных и других общественных учреждений⁸³⁸. «Если и было такое время, когда люди были так разобщены друг от друга, когда средства общения и передачи мыслей были так мало выработаны, что они не могли прийти в согласие ни о каком общем, ни торговом, ни экономическом, ни воспитательном деле без государственного центра, то теперь это время уже прошло; средства общения и передачи мыслей получили широкое развитие; для образования обществ, собраний, корпораций, для созыва конгрессов, основания экономических и политических учреждений нет надобности в правительстве; правительства в большей части случаев скорее мешают, чем содействуют достижению этих целей»⁸³⁹.

3. Какие же формы примет в будущем общественная жизнь в своих частных проявлениях? «Будущее будет таким, каким его сделают обстоятельства и

люди»⁸⁴⁰. В настоящее время мы не в состоянии отдать себе вполне ясный отчет об этом⁸⁴¹.

«Люди говорят: «Каковы же именно и в чем будут состоять те новые порядки, которые заменят современные? До тех же пор, пока мы не будем знать, как именно сложится наша жизнь, мы не хотим идти вперед и не тронемся с места»⁸⁴². «Если бы Колумб рассуждал так, он никогда не снялся бы с якоря. Сумасшествием было ехать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ездил, плыть в страну, существование которой — вопрос. Но это сумасшествие открыло новый мир. Конечно, если бы народы только переезжали из одного готового hotel garni [фр. меблированные комнаты] в другой, еще лучший, — все было бы гораздо проще, да беда вся в том, что некому заготавливать новых квартир»⁸⁴³.

Но когда люди стараются представить себе условия жизни в будущем обществе, их не столько беспокоит «вопрос о том, что будет, сколько вопрос о том, как жить без тех привычных нам условий жизни, которые мы называем наукой, искусством, цивилизацией, культурой?»⁸⁴⁴. «Но ведь все это суть только различные формы проявления истины; предстоящее изменение будет только приближением к истине и ее осуществлению. Как же могут формы проявления истины быть сведены на нет приближением к ней? Они будут иными, лучшими и высшими, но ни в коем случае не уничтожатся. Уничтожится в них только то, что было ложно в прежних формах; то же, что было истинно, то лишь процветет более и усилится»⁸⁴⁵.

«Если бы жизнь отдельного человека при переходе от одного возраста к другому была бы вполне известна ему, ему незачем было бы жить. То же и по отношению к жизни человечества; если бы у него была программа той жизни, которая ожидает его при вступлении в новый возраст, то это было бы самым верным признаком того, что оно не живет, не развивается, а топчется на одном месте. Отдельные свойства нового строя жизни не могут быть известны нам, потому что они должны быть выработаны нами же. Только в том и заключается жизнь, чтобы познавать неизвестное и сообразовать с этим новым познанием свою деятельность. В этом состоят жизнь каждого отдельного человека, а также и жизнь человеческих обществ и человечества»⁸⁴⁶.

5. Собственность

I. Вместе с правом Толстой неизбежно должен отрицать также и необходимость учреждения собственности для современных народов, стоящих на более высокой ступени развития.

Может быть, когда-нибудь и было время, когда насилие, необходимое для того, чтобы обеспечить отдельной личности исключительное обладание известными благами, было меньше того насилия, которое было бы употреблено при общей борьбе из-за обладания этими благами, так что тогда существование права собственности было лучше его отсутствия. Но этот период во всяком случае уже прошел, соответствующий же ему общественный строй «отжил свой век»⁸⁴⁷; если бы даже и не существовало никакого права собственности, то между людьми нашего времени не возгоралось бы дикой борьбы из-за обладания благами; теперь все «исповедуют заповедь человеколюбия»⁸⁴⁸. каждый из нас

«знает, что все люди имеют одинаковые права на блага мира»⁸⁴⁹; «есть уже и такие богатые люди, которые вследствие особенной чуткости к зарождающемуся общественному мнению отказываются от унаследованного состояния»⁸⁵⁰.

Собственность противоречит любви, и именно, заповеди непротивления злу насилием⁸⁵¹; но, мало того, учреждая господство имущих над неимущими, собственность погрешает также и против того, что для любви «все люди дети Бога и равны друг другу»⁸⁵². Поэтому собственность, помимо того, что, как правовое учреждение, она покоится на насилии, должна быть отвергнута и по другим соображениям. Богачи виноваты «уже тем, что они богаты»⁸⁵³. Существование десятков тысяч «голодных, зябнущих и глубоко униженных людей в Москве, тогда как я с другими тысячами обедаюсь филеями и осетриной и покрываю лошадей и полы сукнами и коврами»⁸⁵⁴. «есть преступление»⁸⁵⁵. Я «не перестану чувствовать себя участником этого постоянного преступления до тех пор, пока у меня будет лишний кусок хлеба, а у другого совсем нечего будет поесть, пока у меня будет две одежды, а у кого-нибудь не будет ни одной»⁸⁵⁶.

Толстой подробно развивает эту мысль.

1. Собственность означает господство имущих над неимущими.

Собственность есть право на исключительное владение какими бы то ни было вещами, причем безразлично, пользуются ли ими в действительности или нет⁸⁵⁷.

«Многие люди, которые называют меня своей лошадейю, — Толстой предоставляет здесь слово лошади Холстомеру, — не ездят на мне, а ездят совсем другие. Они не кормят меня, кормят же тоже совсем другие. Хорошего тоже мне ничего не делают те, которые зовут меня своей лошадейю, а добро приносят мне кучера, ветеринары и вообще чужие люди. Позднее, когда круг моих наблюдений расширился, я убедилась, что понятие «мое» имеет своим основанием только низкое и животное стремление людей, которое они называют чувством или правом собственности и не ограничивается в своем применении только нами — лошадейми. Человек говорит — «дом принадлежит мне» и никогда не живет в нем, он заботится только о постройке и сохранении дома. Купец говорит «моя лавка, моя суконная лавка», а его одежда не из лучшей материи, которую он имеет в своем магазине. Есть люди, которые называют кусочек земли «своим», хотя, быть может, и не видали и не ходили по этой земле. Люди не стремятся в жизни делать то, что они считают хорошим, а стремятся возможно больше вещей называть «своими»⁸⁵⁸.

Значение собственности в том, что бедный, не имеющий ее, находится в зависимости от богатого, который обладает собственностью; для того, чтобы добыть себе вещи, необходимые ему для жизни, но принадлежащие другому, бедный должен делать то, что пожелает этот другой, а именно, он должен работать на него. Таким образом, собственность разделяет людей «на две касты: одну трудящуюся, угнетенную, которая терпит нужду и страдает, а другую праздную и угнетающую, которая веселится и живет в роскоши»⁸⁵⁹. «Мы все братья, а между тем каждое утро мой брат или моя сестра выносит мой горшок. Мы все братья, а мне утром необходима сигара, сахар, зеркало и т.п. предметы, создавая которые мои здоровые и равные мне братья и сестры теряли и теряют свое здоровье»⁸⁶⁰. «Я

всю свою жизнь провожу так: ем, говорю и слушаю; ем, пишу и читаю, т.е. опять-таки говорю и слушаю; ем и играю; ем, говорю и слушаю снова; ем и ложусь спать; и так каждый день; другого ничего я не делаю и не умею делать. И для того, чтобы я мог это делать, нужно, чтобы с утра до вечера работали дворник, мужик, кухарка, повар, лакей, кучер, прачка; не говорю уже о работе других людей, которая нужна для того, чтобы эти кучера, повара, лакеи и т.д. имели все то, в чем они нуждаются при своей работе: топоры, бочки, щетки, посуду, мебель, далее воск, ваксу, керосин, сено, дрова, говядину. Все эти люди должны с утра до вечера нести тяжелый труд каждый день, и каждый день для того, чтобы я мог говорить, есть и спать»⁸⁶¹.

Это значение собственности особенно ясно обнаруживается на тех предметах, которые необходимы для того, чтобы производить другие предметы, т.е. на земле и орудиях труда⁸⁶². «Не может быть земледельца без земли, на которой он работает, без косы, телеги и лошади; не может быть и сапожника без дома, построенного на земле, без воды, воздуха и инструментов, которыми он работает»⁸⁶³; собственность же означает часто то, что «у мужика нет земли, лошади и косы, у сапожника дома, воды и шила, что кто-нибудь лишил их этих вещей»⁸⁶⁴. Следствием этого является то, «что для большей части рабочих естественные для производства условия оказываются нарушенными, что большая их часть принуждена работать чужими орудиями труда»⁸⁶⁵. причем собственник орудий труда может заставить их «работать не на себя, а на хозяина»⁸⁶⁶. Поэтому рабочий трудится «не для себя и не по своей охоте, а из нужды, для прихоти роскошествующих и праздных людей, для наживы какого-либо богача, владельца фабрики или завода»⁸⁶⁷. Таким образом, собственность означает эксплуатацию рабочего теми, кому принадлежат земля и орудия производства; она означает, «что произведения человеческого труда все более и более переходят от массы трудового народа в руки нетрудящихся людей»⁸⁶⁸.

Значение собственности как средства, которое ставит бедных в зависимость от богатых, особенно ясно выступает в сфере денег. «Деньги есть ценность, всегда равная самой себе и считающаяся правильной и законной»⁸⁶⁹. Следовательно, как обыкновенно говорят, «кто имеет деньги, тот может вить веревки из тех, у кого их нет»⁸⁷⁰. «Деньги создают новую форму рабства, отличающуюся от старой формы рабства только своей безличностью, отсутствием всяких человеческих отношений между господином и рабом»⁸⁷¹; ибо «сущностью всякого рабства является принудительное пользование чужим трудом, причем безразлично, основывается ли оно на моем собственническом праве на раба или на моем обладании деньгами, необходимыми другому»⁸⁷². «Но какого это рода у меня деньги и откуда они появились у меня? Часть их я получил с земли, унаследованной мною от отца. Мужик продал свою последнюю овцу, свою последнюю корову, чтобы отдать их мне. Другая часть моего имущества — это деньги, которые я получил за мои сочинения, за книги. Если книги мои вредны, то я только соблазняю тех, кто их покупает, сделать что-нибудь нехорошее, и деньги, которые я за них получаю, дурно добытые деньги; если же книги мои полезны людям, то дело обстоит еще хуже. Я не даю их прямо людям, которые могли бы ими воспользоваться, а говорю: «Дайте мне семнадцать рублей, и вы их получите». И как там мужик продает последнюю овцу, так здесь бедный студент, или учитель, или еще какойнибудь бедный человек лишает себя нужного для того, чтобы дать мне эти деньги. И вот я набрал много таких денег, и что же я делаю с ними? Я привожу эти деньги в город и отдаю их бедным только под тем условием, чтобы они исполняли мои прихоти, чтобы они

пришли сюда в город чистить для меня тротуары и готовить для меня на фабриках лампы, сапоги и т.д. За эти деньги я покупаю у них все, и я стараюсь как можно меньше дать им, чтобы можно больше получить от них. И вдруг я совершенно неожиданно начинаю так, просто задаром, давать эти деньги этим же бедным — не всем, но тем, кому мне вздумается»⁸⁷³. что значит одной рукой отнимать у бедных тысячи рублей, а другой некоторым из них раздавать копейки⁸⁷⁴.

2. Осуществляющееся в собственности господство имущих над неимущими основывается на физическом насилии.

«Если огромные богатства, накопленные рабочими, считают принадлежащими не всем, а лишь немногим избранным лицам, если право собирать подати с труда и употреблять эти деньги на что угодно предоставлено некоторым людям, то все это происходит не потому, что народ этого хочет и что так естественно должно быть, а потому, что в этом видят свою выгоду господствующее классы и посредством физического насилия над телом человека осуществляют все это»⁸⁷⁵; все это основывается на «насилии, на убийстве и на угрозах ими»⁸⁷⁶. «Если люди, считая это несправедливым (как это думают теперь все рабочие), все же отдают главную долю своего труда капиталисту, землевладельцу»⁸⁷⁷, то делают они это «только потому, что знают, что их будут бить и убивать, если они не будут делать этого»⁸⁷⁸. «Смело можно сказать, что в нашем обществе, где на каждого имущего, побарски живущего человека приходится десять измученных, завистливых, жадных и со своими женами и детьми глубоко страдающих рабочих, все преимущества богатых, вся роскошь их, все то, чем в излишестве пользуются богатые, все это приобретено и поддерживаемо только наказаниями, заключениями и казнью»⁸⁷⁹.

Существование собственности обеспечивается полицией⁸⁸⁰ и войсками⁸⁸¹. «Нельзя нам притворяться, что мы не видим того городского, который с заряженным револьвером ходит перед окнами, защищая нас, в то время как мы едим свой вкусный обед или смотрим новую пьесу, и не думаем про тех солдат, которые каждую минуту готовы въехать с ружьями и боевыми патронами туда, где будет нарушена наша собственность. Ведь мы знаем очень хорошо, что, если мы можем спокойно есть свой обед, и смотреть новую пьесу, и гулять безопасно, быть на елке, на катанье, скачке или охоте, то только благодаря пуле городского и оружию солдата, которые готовы пробить голодное брюхо того бедняка, который из-за угла, облизываясь, глядит на наши удовольствия и тотчас же уничтожит их, как только уйдет городской с револьвером или не будет солдата в казармах, готового явиться по нашему первому зову»⁸⁸².

3. Осуществляемое в собственности господство имущих над неимущими покоится на физическом насилии, которое совершается самими же угнетаемыми.

Те самые люди из неимущего класса, которые благодаря существованию собственности находятся в зависимости от имущих классов, должны нести полицейские обязанности, служить в войске, платить подати, на которые содержится полиция и войско, и так или иначе или самим участвовать в совершении того насилия, которым держится собственность, или же поддерживать это насилие⁸⁸³. «Ведь если бы не было этих людей, готовых по приказанию истязать и убивать первого встречного, никто никогда не решился бы

утверждать то, что с уверенностью утверждают все праздные землевладельцы, а именно, что земля, окружающая мрущих от голода крестьян, есть собственность человека, не работающего на ней»⁸⁸⁴; «не могло бы никогда прийти в голову помещику отнять у мужика лес, им выращенный»⁸⁸⁵. и никто не стал бы утверждать «что мошеннически собранные хлебные запасы должны храниться в целости среди изголодавшегося населения, потому что купцу нужны барыши»⁸⁸⁶.

II. Любовь требует того, чтобы собственность была заменена единственно такой формой распределения богатств, которая всецело основана на ее требованиях. «Невозможность вести прежнюю жизнь и необходимость установить новые формы жизни»⁸⁸⁷ тоже связаны с распределением богатств. «Уничтожение собственности»⁸⁸⁸ и замена ее новой формой распределения — вот один из вопросов, стоящих теперь на очереди»⁸⁸⁹.

По закону любви каждый человек, трудящийся соответственно своим силам, должен иметь все то, в чем он нуждается, но не более этого.

1. То, что всякий человек, трудящийся по мере своих сил, должен пользоваться всем необходимым ему, но только необходимым, следует из двух предписаний, вытекающих из закона любви.

Первое из этих предписаний повелевает человеку «не требовать труда от других, а самому всю жизнь свою посвятить труду для других. «Человек не затем живет, чтобы на него работали, а чтобы самому работать»⁸⁹⁰. Поэтому он не должен считаться с другими из-за своей работы и думать, «что имеет право на тем большее пропитание, чем больше и полезнее его работа»⁸⁹¹. Исполнение этого предписания доставляет каждому человеку то, в чем он нуждается. Прежде всего это относится к здоровому взрослому человеку. «Если человек работает, то работа кормит его. И если трудом этого человека пользуется другой человек, то он должен тоже кормить его, так как пользуется его работой»⁸⁹². Человек обеспечивает «свое пропитание не тем, что он отнимает его у других, а тем, что он становится полезен и нужен другим. Чем нужнее он для других, тем обеспеченнее будет его существование»⁸⁹³. Но исполнение предписания, требующего того, чтобы человек служил другим, доставляет пропитание также и больным, старикам и детям. Люди «не перестают кормить заболевшее животное. Они даже старую лошадь не убивают, а дают ей посильную работу; они выращивают целые семейства ягнят, поросят и щенят, ожидая от них пользы. Как же не будут они в таком случае кормить необходимого для них человека, когда он заболеет? Как не постараются подыскать посильной работы и старому и малому? Как не станут растить людей, которые в свою очередь будут на них же работать?»⁸⁹⁴

Второе предписание, вытекающее из закона любви и требующее, чтобы каждый человек, работающий по своим силам, имел то, что ему необходимо, хотя и не более того, гласит: «Делись тем, что у тебя есть, с другими, не собирай богатств»⁸⁹⁵. «На вопрос своих слушателей о том, что делать, Иоанн Креститель просто, коротко и ясно отвечал: кто имеет две одежды, пусть даст тому, у кого нет, кто имеет пищу, пусть делает то же (Лк. III, 10, 11). То же самое, только с большей ясностью и прямоотой много раз говорил Христос. Он говорил: счастливы бедные и горе богатым. Он говорил, что нельзя сразу служить и Богу и мамоне. Он запретил своим ученикам не только брать деньги, но даже иметь две одежды. Он сказал

богатому юноше, что он не может войти в царствие Божие, потому что он богат, и что легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в царство небесное; он сказал, что тот, кто не оставит всего, — и дома, и детей, и поля — для того, чтобы идти за ним, тот не его ученик. Он рассказал своим слушателям притчу о богатом, который не делал ничего дурного, как и наши богатые, кроме того, что хорошо одевался, сладко ел и пил и погубил только этим свою душу, и о бедном Лазаре, который не сделал ничего хорошего, но получил спасение только оттого, что он был нищий»⁸⁹⁶.

2. Каковы же будут детали такого распределения богатств?

«Это можно видеть всего лучше на примере русских колонистов. Они приходят на землю, садятся на нее и начинают работать, и никому из них в голову не приходит, чтобы человек, не пользующийся землей, мог иметь какиенибудь права на нее; напротив того, колонисты считают землю прежде всего общим достоянием и признают безусловно справедливым, чтобы каждый косил и пахал там, где только хочет. Для обработки земли, для разведения садов и для постройки домов эти колонисты заводят орудия труда, и никому в голову не приходит, что эти орудия труда могут сами по себе приносить доход; напротив, колонисты думают, что всякий доход насчет орудий труда, всякий процент на счет ссужаемого хлеба и т.д. есть несправедливость. Они работают на вольной земле своими или ссуженными им без процента орудиями, каждый для себя или все вместе на общее дело»⁸⁹⁷.

«Говоря о такой общине людей, я не фантазирую нисколько, а описываю только то, что происходило всегда и происходит теперь не только у русских поселенцев, а повсюду, где еще не нарушено ничем естественное состояние людей. Я описываю то, что представляется каждому человеку естественным и разумным. Люди поселяются на земле, и каждый из них берется за свойственное ему дело, они приготавливают себе орудия труда и делают свое дело. Если же людям удобнее работать вместе, они образуют артель»⁸⁹⁸. Но ни в отдельном хозяйстве, ни в артелях «ни вода, ни земля, ни одежда, ни плуг не могут никому принадлежать, кроме тех, которые пьют воду, носят одежду и работают плугом, потому что все эти вещи нужны только тем, которые ими пользуются»⁸⁹⁹. «Своим» можно называть «только свой труд»⁹⁰⁰, который дает человеку столько, сколько ему надо⁹⁰¹.

6. Осуществление

По мнению Толстого, требуемый любовью переворот в общественном строе должен произойти таким образом, что люди, познавшие истину, убедят как можно большее число других людей в том, что перемена необходима для осуществления любви и что путем отказа в повиновении будут уничтожены право, государство и собственность и будет осуществлен новый строй.

I. Прежде всего необходимо, чтобы люди, познавшие истину, убедили как можно большее число других людей в том, что любовь требует переворота.

1. «Для того чтобы изменился противоречащий нашим знаниям порядок жизни и заменился другим, соответствующим им, нужно прежде всего, чтобы отжившее общественное мнение

заменилось новым и более живым»902.

Наиболее величественные и знаменательные перемены в жизни человечества вовсе не являются результатом какихлибо поступков; для этого не нужно «ни вооружения миллионов войск, ни постройки новых дорог и машин, ни устройство выставок, ни устройство рабочих союзов, ни революций, ни баррикад, ни взрывов, ни изобретений в воздухоплавании, а нужны только изменения в общественном мнении»903. Освобождение достигается только «при помощи изменения нашего жизнепонимания»904; «все зависит от силы, с которой каждый отдельный человек сознает христианскую истину»905; «познайте истину, и истина сделает вас свободными»906. Освобождение должно необходимо совершиться потому, «что христианин признает закон любви, открытый ему его учителем, совершенно достаточным для всех человеческих отношений и потому считает всякое насилие излишним и незаконным»907.

Произвести такой переворот в общественном мнении во власти людей, познавших истину908. «Общественное мнение не нуждается для своего возникновения и распространения в сотнях и тысячах лет, а имеет свойство заразительно действовать на людей и чрезвычайно быстро овладевать многими людьми»909. «Подобно тому, как бывает достаточно одного толчка для того, чтобы насыщенная солью жидкость мгновенно перешла в кристаллы, так, может быть, теперь достаточно самого маленького усилия для того, чтобы открытая уже людям истина охватила бы сотни, тысячи, миллионы людей, — чтобы установилось соответствующее познаниям общественное мнение и чтобы благодаря этому изменился весь строй существующей жизни. Сделать это усилие в нашей власти»910.

2. Наилучшее средство для того, чтобы произвести необходимый переворот в общественном мнении, состоит в том, что люди, познавшие истину, должны свидетельствовать о ней своими делами.

«Христианин знает истину только для того, чтобы свидетельствовать о ней перед теми, которые не знают ее»911. и притом свидетельствовать «делом»912. «Истина передается людям только делами истины. Только дела истины, внося свет в сознание каждого человека, разрушают сцепление обмана»913. Поэтому, собственно, ты должен, «если ты землевладелец — сейчас же отдать свою землю бедным, если же капиталист — сейчас же отдать свои деньги или фабрику рабочим; если ты князь, министр, чиновник, судья или генерал, ты должен тотчас же отказаться от своего положения, а если солдат, то, несмотря на всю опасность, тотчас же отказаться от повиновения»914. Конечно, «может случиться — это весьма вероятно, — что ты не в силах будешь сделать этого: у тебя связи, семья, подчиненные, начальники, — соблазны так велики, и твои силы оставляют тебя»915.

3. Но есть еще другое, хотя и не столь действительное средство произвести необходимый переворот в общественном мнении; применять это средство «ты всегда можешь»916. Оно состоит в том, что люди, познавшие истину, «откровенно высказывают» ее917.

«Если бы люди, хотя бы небольшое количество людей, стали это делать, тотчас же само собой пало бы отжившее общественное мнение и родилось бы молодое, живое и настоящее»918. «Никакие миллиарды рублей, миллионы солдат, никакие учреждения,

войны и революции не произведут того, что может произвести простое выражение свободным человеком того, что он считает справедливым или несправедливым. Если один свободный человек скажет правдиво то, что он думает и чувствует, среди тысяч людей, своими поступками и словами поддерживающих совершенно противоположное, то, казалось бы, он должен остаться одиноким, а между тем по большей части дело обстоит иначе; все или большинство уже давно думают и чувствуют втихомолку то же самое; и благодаря этому то, что было вчера новым мнением одного человека, быть может, станет завтра общим мнением большинства»⁹¹⁹. «Только бы мы перестали лгать и притворяться, что мы не видим истину; только бы мы признали ту истину, которая зовет нас, и смело исповедали ее, и мы тотчас же поняли бы, что сотни, тысячи, миллионы людей находятся в том же положении, как и мы, что, как и мы, они видят истину, подобно нам боятся остаться одинокими и подобно нам только и ждут от других ее признания»⁹²⁰.

II. Чтобы переворот совершился и на место права, государства и собственности стал новый общественный строй, нужно, далее, чтобы люди, познавшие истину, устроили свою жизнь соответственно их познанию и в особенности отказались бы повиноваться государству.

1. Люди сами должны произвести общественный переворот. Они не должны более «ожидать, что кто-то придет и поможет им; будь то Христос в облаках и с трубным гласом, или исторический закон, или закон дифференциации или интеграции сил. Нам никто не поможет, если мы сами себе не поможем»⁹²¹.

«Мне рассказывали случай, происшедший с храбрым становым, который приехал в деревню, где бунтовали крестьяне и куда были вызваны войска, и хотел усмирить бунт в духе Николая I, один, своим личным влиянием. Он велел привезти несколько возов розог и, собрав всех мужиков в ригу, с ними вместе вошел туда, заперся и так напугал сначала мужиков своим криком, что они стали по его приказанию сечь друг друга. И так они секли друг друга до тех пор, пока не нашелся один дурачок, который не дался сам и закричал товарищам, чтобы они не секли друг друга. Только тогда прекратилось сечение и становой убежал из риги. Вот этому-то совету дурачка и должны бы последовать люди нашего времени»⁹²².

2. Но люди должны произвести этот переворот не насильственным путем. «Революционеры извне борются с правительством. Христианство же вовсе не борется, но изнутри разрушает все его основания»⁹²³.

«Некоторые люди утверждают, что освобождение от насилия или хотя бы ослабление его может произойти вследствие того, что угнетенные люди силою свергнут угнетающее их правительство, а другие люди стараются поступать согласно этому учению: эти люди только обманывают себя и других. Деятельность их только усиливает деспотизм правительства. Попытки освобождения с их стороны дают только удобный предлог правительствам для усиления своей власти»⁹²⁴.

Если даже и допустить, что вследствие особенно благоприятного стечения обстоятельств, как, например, во Франции в 1870 году, удалось бы свергнуть какое-нибудь из правительств, то партия, восторжествовавшая путем насилия, «чтобы остаться у кормила правления и для введения в жизнь своих порядков, должна употребить не только все

существующие средства насилия, но и придумать новые. Порабощены будут другие люди, и их будут принуждать к другому; будет не только то же, но более жестокое насилие и порабощение; вследствие борьбы усилятся ненависть человеческая друг против друга, и вместе с тем усилятся и выработаются новые средства порабощения. Так всегда и было после всех революций и всех попыток революции, всех заговоров и всяких насильственных перемен в правительствах. Всякая борьба только усиливает средства порабощения тех, которые в данное время находятся у власти»⁹²⁵.

3. Люди, чтобы произвести перемену в общественном строе, должны устроить свою жизнь так, чтобы она находилась в соответствии с познанной ими истиной. «Христианин освобождается от всякой человеческой власти благодаря тому, что считает для своей жизни и жизни других божественный закон любви, вложенный в душу каждого человека и доведенный до его сознания Христом, единственным руководителем жизни своей и других людей»⁹²⁶.

Это значит, что надо платить добром за зло⁹²⁷. отдавать ближнему все, что есть лишнего, и не брать от него ничего, в чем нет надобности⁹²⁸. в особенности же не приобретать денег и раздавать те, какие есть⁹²⁹. не покупать и не отдавать в наем⁹³⁰ и, не боясь никакой работы, самому делать все, что необходимо для удовлетворения своих потребностей⁹³¹; и, главным образом, это значит то, что следует не повиноваться требованиям государственной власти, противным христианству⁹³².

Случаи отказа в повиновении государственной власти в настоящее время представляют нередкое явление в России. Отказываются от уплаты податей, от общей присяги, от присяги в судах, от несения полицейских обязанностей, от участия в суде в качестве присяжных, от воинской повинности⁹³³. «Правительства при таких отказах со стороны христиан находятся в отчаянном положении»⁹³⁴. Они могут убить, казнить, запереть в тюрьму и сослать на каторгу всякого, кто желает насилием свергнуть их; могут засыпать золотом половину людей и подкупить их; могут подчинить миллионы вооруженных людей, готовых погубить всех врагов правительств. Но что могут они сделать против людей, которые, не желая ничего ни разрушать, ни учреждать, желают только для себя не делать ничего противного христианскому закону и потому отказываются от исполнения самых общих и потому самых необходимых для правительств обязанностей?⁹³⁵ «Как бы ни поступало правительство по отношению к этим людям, оно неизбежно будет содействовать только своему собственному уничтожению»⁹³⁶. а вместе с тем и уничтожению права и собственности и установлению нового общественного строя. «Ведь если правительство не будет преследовать таких людей, как, например, духобора, штундиста и т.д., то выгоды христианского, мирного образа жизни этих людей будут привлекать к себе не только искренно убежденных христиан, но и людей, которые под личиной христианства хотят освободиться от своих обязанностей по отношению к государству. Если же правительство будет, наоборот, жестоко относиться к таким людям, то самая эта жестокость к людям, которые виноваты только в том, что они стараются вести более нравственную жизнь, самая жестокость эта будет все более и более создавать ему врагов. И в конце концов придет момент, когда правительства не будут находить людей, готовых насилием поддерживать их»⁹³⁷.

4. Жизнь сообразно познанной истине должна быть начата отдельными личностями. Нет надобности ждать, чтобы все или многие изменили свою жизнь одновременно с ними.

Отдельный человек не должен думать, что будет бесполезно, если он один будет вести жизнь, согласно учению Христа⁹³⁸. «Люди в своем настоящем состоянии уподобляются сроившимся пчелам, висящим кучей на ветке. Положение пчел на ветке временное и неизбежно должно быть изменено. Они должны подняться и найти себе новое жилище. Каждая пчела знает это и хочет переменить свое положение и положение других, но ни одна не может этого сделать до тех пор, пока не сделают того же и остальные. Все же они не могут вдруг подняться, потому что одна висит на другой и мешает ей отделиться от роя, и потому все продолжают висеть. Казалось бы, пчелам нет из этого положения никакого выхода»⁹³⁹; и выхода действительно не было бы, если бы каждая пчела не была самостоятельным существом. Стоит только «одной пчеле раскрыть крылья, подняться и полететь, а за ней второй, третьей, десятой и сотой для того, чтобы висевшая неподвижно кучка стала свободно летящим роем пчел. Точно так же стоит только одному человеку понять жизнь так, как учит его понимать ее христианство, и начать жить согласно этому пониманию, а за ним сделать то же другому, третьему и сотому, как тот заколдованный круг, из которого, казалось, не было выхода, будет побежден»⁹⁴⁰.

Отдельные личности не должны отказываться от проведения в жизнь своих убеждений также из страха перед страданиями. «Если я один среди мира людей, не следующих учению Христа», говорят обыкновенно, «стану следовать ему, буду отдавать то, что имею, буду подставлять щеку, не защищаясь, буду не соглашаться на присягу и на военную службу, меня оберут как липку, и если я не умру с голода, меня изобьют до смерти, посадят в тюрьму или расстреляют и я напрасно погублю счастье своей жизни и пожертвую собственной жизнью»⁹⁴¹. Пусть будет так. «Я не интересуюсь тем, больше ли у меня будет неприятностей, раньше ли я умру, исполняя учение Христа; об этом может спрашивать только тот, кто не видит, как бессмысленна и несчастна жизнь для самого себя, и воображает, что он «не умрет». Я же знаю, что жизнь для личного, собственного счастья есть величайшая глупость и что за такой глупой жизнью непременно последует и глупая смерть. Поэтому я ничего не боюсь. Я умру так же, как все; так же, как те, что не исполняют учения Христа; но моя жизнь и смерть будут иметь смысл и для меня, и для других. Моя жизнь и смерть будут содействовать спасению и жизни других людей, — а этомуто и учил Христос»⁹⁴².

Раз достаточное число отдельных личностей устроит свою жизнь сообразно познанию, то вскоре за ними последует и толпа. «Переход людей от одного устройства жизни к другому совершается не всегда так, как пересыпается песок в песочных часах, песчинка за песчинкой от первой до последней, а скорее так, как вливается вода в опущенный в воду сосуд, который сначала только одной стороной медленно и равномерно набирает в себя воду, а потом от тяжести уже влившейся в него воды вдруг быстро погружается и почти сразу принимает в себя всю ту воду, которую он может вместить»⁹⁴³. Таким образом, данный отдельными личностями толчок вызовет движение, которое будет идти все быстрее и быстрее, все расширяясь и расширяясь, подобно лавине, до тех пор, пока не повлечет за собой всю массу и не создаст нового уклада жизни. Тогда наступит время, «когда все люди, преисполненные Богом, избавятся от войны, перекуют мечи в плуги и копья в серпы, т.е. на

нашем языке, когда все тюрьмы и крепости опустеют, а все виселицы, ружья и пушки останутся без употребления...⁹⁴⁴ Тогда то, что казалось мечтой, найдет осуществление в новых формах жизни»⁹⁴⁵.

Глава IX. Учение Тукера

1. Общие замечания

1. Веньямин Р. Тукер родился в 1854 году в Дартмуте около Нью-Бедфорда в Массачусетсе. С 1870 по 1872 год он изучал в Бостоне технологию. Там он познакомился в 1872 году с Ж. Варреном. В 1874 году он путешествовал по Англии, Франции и Италии.

В 1877 году Тукер принял редакцию выходившего в Принстоне, в Массачусетсе, журнала «Word»; в 1878 году он издавал в Нью-Бедфорде раз в три месяца выходивший журнал «The radical review», которого вышло всего только четыре номера. В 1881 году он основал в Бостоне двухнедельный журнал «Liberty», который вскоре появился также и в немецком издании под названием «Libertas». В Бостоне он был десять лет сотрудником «Globe». С 1892 года он живет в Нью-Йорке; с этих пор «Liberty» выходит здесь каждую неделю.

2. Учение Тукера о праве, государстве и собственности превосходно изложено в его статьях, помещенных в «Liberty». Собрание этих статей он издал под заглавием «Instead of a book. By a man too busy to write one. A fragmentary exposition of philosophical anarchism» (1893).

3. Тукер называет свое учение анархизмом. «Стечение обстоятельств сделало меня до некоторой степени известным последователем учения новейшего анархизма»⁹⁴⁶. «Анархия не обозначает простого противоположения archos, т.е. политическому предводителю. Она означает противоположность к arche. Прежде всего arche значит начало; затем принцип, основное положение; потом первое место, верховенство, господство, правительство, высочайшее повеление, начальство; наконец, высшая власть, государство, королевство, высшая должность, государственная должность. Таким образом, этимологически слово "анархия" может иметь различный смысл. Употреблять же слово "анархия" как философское выражение, а слово "анархизм" как обозначение известного философского направления стали для того, чтобы отметить противоположность господству и верховенству; теперь же по привычке твердо держатся этого обозначения, так что всякое другое употребление этого слова неуместно и вводит в заблуждение»⁹⁴⁷.

2. Основные принципы

Тукер считает личную выгоду высшим законом для каждого из нас; но отсюда же он выводит и закон одинаковой для всех свободы.

1. Для каждого человека его личная выгода есть высший закон. «Анархисты признают не только утилитаризм, но и эгоизм в самом полном смысле этого слова»⁹⁴⁸.

Что же значит личная выгода? Моя выгода — это все то, что целесообразно для меня⁹⁴⁹. Она охватывает не только низшие, но «высшие формы себялюбия»⁹⁵⁰. Таким образом, выгода общества есть одновременно и выгода каждого в отдельности человека; «жизнь общества неотделима от жизни отдельного лица; кто разрушает общественную жизнь, тот должен неизбежно разрушить и личную»⁹⁵¹.

Для каждого человека высшим законом является его личная выгода. «Анархисты абсолютно отрицают идею нравственной зависимости, естественного права и обязанностей»⁹⁵². «Сила — единственное мерило для наших естественных потребностей. Каждый человек, зовут ли его Билл Сикес или Александр Романов, и каждый круг людей, будет ли это китайский тайный союз или конгресс Соединенных Штатов, имеет право убивать или порабощать других людей и подчинять себе весь мир, если только он имеет нужную для этого силу»⁹⁵³. «Общество имеет право принуждать отдельных лиц, личность же имеет право принуждать общество, — соответственно тому, насколько сильна для этого каждая из этих сторон»⁹⁵⁴.

2. Из этого высшего закона Тукер выводит «закон одинаковой для всех свободы»⁹⁵⁵. Этот закон основан на выгоде каждого отдельного человека, ибо «свобода есть основное условие человеческого счастья, следовательно, самая важная вещь в мире, и я стараюсь взять от нее столько, сколько мне возможно»⁹⁵⁶. «С другой стороны, равенство есть условие жизни общества»⁹⁵⁷; жизнь же общества «неотделима от жизни личности»⁹⁵⁸. Следовательно, выгода каждого человека требует одинаковой свободы для всех.

«Одинаковая свобода для всех означает наивысшую меру свободы, которая совместима с тем, чтобы живущие в обществе личности уважали взаимно и в равной степени область деятельности каждого»⁹⁵⁹. «Забиться о своих делах, — вот единственный нравственный закон анархизма»⁹⁶⁰. «Мы обязаны уважать права других, т.е. их ограниченную одинаковой общей свободой власть»⁹⁶¹. Таким образом, «благодаря закону одинаковой свободы для всех власть каждой личности находит свою логическую границу»⁹⁶². На законе одинаковой для всех свободы основано «различие между нарушением прав и сопротивлением, между господством и защитой; свобода имеет значение основного закона; без нее немыслима никакая прочная общественная философия»⁹⁶³.

«Нарушить права кого-нибудь — значит вторгнуться в область отдельной личности; область же эта отграничена линией, в пределах которой свобода деятельности одного лица не сталкивается со свободой деятельности других»⁹⁶⁴. Эта пограничная линия отчасти не подлежит сомнению; так, например, угроза не есть нарушение прав, если поступок, которым грозят, не является таким нарушением; я с правом могу грозить тем, что я вправе сделать»⁹⁶⁵. Но граница эта может быть и сомнительной; «так, например, нельзя сказать с уверенностью, представляет ли собой плохое обращение родителей со своим ребенком нарушение свободы третьего лица или нет»⁹⁶⁶. При помощи опыта нам удастся с каждым днем все точнее и точнее проводить эту линию»⁹⁶⁷. «Для сущности нарушения безразлично, совершается ли оно одним против другого, подобно обыкновенному преступлению, или одним против всех в форме неограниченного властелина, или всеми против одного в виде современной демократии»⁹⁶⁸.

«С другой стороны, сопротивление чужому нарушению есть не нарушение, а защита»⁹⁶⁹. «Каждая личность имеет право сопротивляться вторжению в область своей гибельности»⁹⁷⁰ и даже употребить против него силу⁹⁷¹, «если только она целесообразна»⁹⁷². Справедливо не только требовать воздаяния за нарушения, но и препятствовать им; наоборот, было бы неправильно препятствовать таким, не влекущим за собой нарушения, поступкам, которые, подобно продаже крепких напитков на вынос, только увеличивают возможность каких-либо нарушений вообще⁹⁷³. «Также и для сущности сопротивления безразлично, совершается ли оно одним против другого, так, например, если я защищаюсь от преступника, или один против всех, если, например, я отказываюсь исполнять тиранический закон, или всеми против одного, если, например, народ восстает против своего деспота, если члены общества добровольно соединяются для обезоруживания преступника»⁹⁷⁴.

3. Право

По мнению Тукера, с точки зрения личного блага каждого человека и одинаковой для всех свободы против права возразить нельзя ничего. Правовые нормы, т.е. такие нормы, которые основаны на общей воле⁹⁷⁵, должны быть признаны⁹⁷⁶ и исполнение их должно быть вынуждено всеми средствами⁹⁷⁷, даже тюрьмой, пыткой и смертной казнью. Но право должно быть «настолько гибким, что могло бы приспособляться ко всякому случаю и не нуждаться ни в каком изменении; оно должно быть признаваемо справедливым по степени своей гибкости, а не как теперь, по степени своей окаменелости»⁹⁷⁸. Средство для этого заключается в том, «чтобы суды присяжных принимали решение не только относительно фактов, но и относительно права»⁹⁷⁹. тогда не нужны будут учреждения для изменения права⁹⁸⁰. В особенности должны быть действительными следующие правовые нормы, правильность которых Тукер старается вывести из закона одинаковой для всех свободы.

Прежде всего должна существовать правовая норма, которая защищала бы личность от оскорбления. «Мы непримиримые враги всякого оскорбления личности и стремимся главным образом к устранению причин таких оскорблений; но нас нисколько не пугает никакой насильственный закон против них, поскольку он согласуется с разумностью и с данными условиями»⁹⁸¹. Смертная казнь вполне согласуется с защитой личности против нарушения ее права, так как такое наказание по своей сущности есть не насильственный поступок, а акт защиты⁹⁸².

Затем должна быть признана правовая норма, в силу которой «собственность основывается на труде»⁹⁸³. «Такая форма собственности гарантирует каждому владение своими собственными произведениями и теми чужими произведениями, которые он приобрел без обмана и насилия»⁹⁸⁴. «Анархическая собственность распространяется, таким образом, только на производство. Производство же составляет все то, на что употребляется человеческий труд. Следует, однако, заметить, что при ограниченном количестве какихнибудь предметов в данное время анархизм будет защищать только такие права, которые будут вытекать из владения и пользования этими предметами в данный момент»⁹⁸⁵. Подобно тому, как при нарушении прав личности, при нарушении прав собственности анархизм тоже не останавливается «ни перед какими насильственными

законами, которые диктуются разумом и данными обстоятельствами»⁹⁸⁶.

Далее, признание должна получить та правовая норма, в силу которой договоры должны быть выполняемы. «Если кто-нибудь сознательно и добровольно берет на себя какоенибудь обязательство, то этим создается для него обязанность»⁹⁸⁷. а для другой стороны «право»⁹⁸⁸. Конечно, обязывающая сила договора имеет свои пределы. «Договор — это очень ценное и удобное орудие, но полезность его не безгранична. Никто не может пользоваться им для отречения от себя, как человека»⁹⁸⁹; образование союза при общем отказе от права выйти из него было бы поэтому пустой формой»⁹⁹⁰. «Далее, никто не может им воспользоваться для нарушения прав третьего лица; поэтому обещание, исполнение которого является нарушением прав третьего лица, должно быть недействительным»⁹⁹¹. «Исполнение договора такое важное дело, что только в исключительных случаях нарушение его может быть оправдано. Доверие членов союза друг к другу имеет такую важность, что хорошо делают, если ни одним поступком не подрывают этого доверия, если бы даже того и потребовали более высокие соображения»⁹⁹². «Неисполнение какого-нибудь обещания есть обман по отношению к тому, кому дано обещание, произвольное нарушение его свободы, его прав»⁹⁹³. «Каждое лицо, которому по какой-либо причине что-нибудь обещано, имеет поэтому право даже силой заставить исполнить обещанное, пусть даже обещание будет таким, выполнение которого будет содержать в себе нарушение прав третьего лица. И если тот, кому дано обещание, имеет право сам приложить для этого силу, то он имеет равным образом и право соединиться с другими людьми, дабы воспользоваться их силами, предоставленными в его распоряжение. Другие же, в свою очередь, имеют право решать, окажут ли они и в какой степени ему помощь в деле принуждения к выполнению обещания. При этом решении дело касается единственно лишь вопроса целесообразности. Вероятнее всего придут к заключению, что исполнение договоров вернее будет в том случае, если договаривающееся лицо заранее знает, что исполнение не будет принудительное»⁹⁹⁴.

4. Государство

I. Принимая во внимание личное благо каждого, основанного на законе одинаковой для всех свободы, Тукер отрицает государство вообще, независимо от каких-либо временных и местных условий. Ибо «государство есть олицетворение идеи нарушения права»⁹⁹⁵.

\1. «Все учреждения, которые когда-либо были названы государством, имеют сходство между собой в двух отношениях. Во-первых, в общем им всем нарушении права»⁹⁹⁶, или, что то же, пренебрежении к правам, в господстве⁹⁹⁷, подчинении не производящего нарушений человека чужой воле»⁹⁹⁸.

«Во-вторых, в присвоении исключительной власти над известной областью и всем тем, что в ней находится, и употреблении этой власти вообще для двоякой цели: более совершенного угнетения ею угнетаемых и распространения ее собственных границ»⁹⁹⁹. Поэтому «анархическое определение понятия государства следующее: государство есть воплощение идеи нарушения права в лице одного или многих отдельных людей, которые дерзают присвоить себе власть и господство над всем населением известной области»¹⁰⁰⁰.

«Всякое господство есть зло; оно не лучше и тогда, когда оно является господством большинства»1001. «Теократический деспотизм королей и демократический деспотизм большинства должны быть одинаково отставлены»1002. «Что представляет собой избирательная записка? Она не более и не менее, как бумажный представитель сабли, дубины, пороха и пули. Она изобретена для того, чтобы с возможно наименьшей затратой работы определить, какая часть владеет властью и какая должна повиноваться. Голос большинства сокращает кровопролитие, но он такой же произвол власти, как и приказание неограниченного властелина, имеющего за собой сильнейшее войско»1003.

2. «Все действия правительства заключают в себе прежде всего косвенное нарушение права, так как они основываются на первоначальном нарушении, которое называется податью»1004. «Первое дело государства — обязательное установление и насильственное взыскание податей — есть уже нарушение, пренебрежение всеобщей равной свободой, и этим самым всякая дальнейшая деятельность становится несправедливой, даже и та, которая была бы чисто предохранительной деятельностью, если бы расходы на нее покрывались только добровольными взносами. Но как же можно совместить с законом всеобщей свободы то, если с меня взыскивают деньги для уплаты за защиту, которой я не требовал и не желаю?»1005 «И если это уже насилие, то как же назвать то взыскание податей, жертвы которого получают камень вместо хлеба, угнетение вместо защиты? Заставлять кого-либо платить за нарушение своей собственной свободы — это значит в действительности, нанося ущерб, еще и надсмехаться. А это-то и делает государство»1006. Затем действия правительства содержат в себе также и прямое нарушение права, так как они имеют своей целью не уничтожение нарушения, а создание для народа различных ограничений в его торговле и производстве, в его хозяйственной, общественной и личной жизни»1007.

«Таким образом, то утверждение, что современное государство представляет из себя учреждение чисто оборонительного характера, представляет полнейшую бессмыслицу»1008. «Защита — это служба, и как все другое, подчиняется поэтому закону предложения и спроса; она была бы при свободе рынка покупаема, таким образом, по ценам ее установленной стоимости. Но государство в настоящее время сделало поставку и продажу этого товара своей монополией. Как почти что каждый монополист, оно поставляет лишние или почти лишние ценности товары за чрезмерные цены. Подобно тому как обладатель монополии на средства пропитания поставляет часто отраву вместо пищевого продукта, государство свою монополию на защиту пользуется так, чтобы вместо защиты сделать нападение; совершенно так же, как покупатели одного получают отраву, заказчики другого подвергаются порабощению; но низкие стремления государства гораздо шире, чем стремления всех других монополистов, так как оно, и только оно одно, имеет своей привилегией принуждать нас к пользованию его товаром, безразлично, хотим ли мы этого или нет»1009.

3. Нельзя также сказать в пользу государства и того, что существование его необходимо для борьбы с преступлениями1010. «Государство само есть самый большой преступник. Оно создает преступников гораздо скорее, чем наказывает их»1011. «Наши тюрьмы полны преступников, которых наше добродетельное государство своими несправедливыми законами, своей угнетающей монополией и своими ужасающими преследованиями, которые

основываются на них, сделало тем, что они есть. Мы имеем целую массу законов, рождающих преступления, и только незначительное число законов их наказывающих»¹⁰¹².

Точно так же нельзя защитить государство тем заявлением, «что оно необходимо для смягчения нищеты. Если в настоящее время государство поддерживает бедняков и голодающих — жертв наводнения Миссисипи, то это, конечно, лучше, чем то, если оно куёт для народа новые цепи, но эта помощь не стоит того, что за нее заплачено. Народ не может позволить поработить себя для того, чтобы быть обеспеченным. Если бы не было иной возможности, то было бы самое лучшее подвергаться естественным опасностям, считаться с их последствиями, каковы бы они ни были. Но свобода включает другую возможность и доставляет лучшее и более дешевое обеспечение. Взаимно обеспечивая себя, можно отвратить опасность и смягчить и уничтожить неблагоприятное влияние явлений природы в значительной степени»¹⁰¹³.

II. Личное благо каждого отдельного человека, в особенности одинаковая для всех свобода, требует вместо государства общежития людей на основе правовой нормы, состоящей в том, что договоры должны быть исполняемы. Место государства должен занять «свободный союз лиц, заключивших договор»¹⁰¹⁴.

1. «Желания уничтожить общество нет ни в намерениях, ни в стремлениях анархистов. Они знают, что жизнь общества неотделима от жизни личности и что нельзя уничтожить первой, не уничтожая второй»¹⁰¹⁵. «Общество является самою дорогой собственностью человека. Чистый воздух — вещь хорошая, но никто не может долго дышать только им одним. Независимость хороша, но вместе с объединением она становится гораздо дороже»¹⁰¹⁶.

Но людей должна связывать не высшая сила, а только юридически связующая сила договора¹⁰¹⁷. Формой общества должно быть «свободное соединение»¹⁰¹⁸. «установление»¹⁰¹⁹ которого должно основываться единственно на договоре.

2. Но как же должны быть осуществлены все детали такого свободного соединения?

Прежде всего оно не должно связывать своих членов пожизненно. «Образование союза, при общем отрицательном взгляде на право выхода, было бы пустой формой, и ни один порядочный человек, к нему принадлежащий, не задумался бы нарушить эту форму и растоптать ее ногами, как только он понял бы свою чрезвычайную глупость, так как такой отрицательный взгляд на право выхода имел бы тот смысл, что люди сами себя делают рабами; но никто не может стать рабом настолько, чтобы потерять право считать себя свободным»¹⁰²⁰.

Затем, добровольный союз как таковой совершенно не должен господствовать над какой-либо областью. «Внутри области или отдельных ее частей, которые были объединены их членами на основании личного владения, он уполномочен, конечно, принуждать к выполнению всех предписаний, относительно которых вступили в соглашение сочлены, и ни один человек, не принадлежащий к союзу, не имеет права преступить границы этой области или оставаться в ней иначе, как только на условиях, установленных обществом. Но предположим, что внутри этих областных частей кто-либо еще до образования союза имел

свое родное пристанище и уклонился по какой-либо причине, сообразительности или глупости, от вступления в союз; в этом случае члены союза не имеют права изгнать его, или принудить к вступлению в союз, или допустить с него получку какой-либо уплаты, которая появляется для него из соседства с союзом, или ограничить его в каких-либо, ранее принадлежавших ему, правах, или препятствовать ему пользоваться этими преимуществами. Ведь раз в свободном союзе необходимо существует право выхода из него, то каждый вступающий в него член находится, конечно, в том же положении и правовом состоянии, как и тот, кто вообще к нему не принадлежит. То, как будет стоять отдельный человек по отношению к охватывающему его свободному союзу и должен ли он ему подчиняться — это зависит, следовательно, исключительно от того, признает ли он или отвергает цели союза, насколько он считает союз способным достигнуть этих целей и насколько вредным и нехорошим кажется ему присоединение, выход или отстранение от союза»¹⁰²¹.

Для членов свободного союза из их объединенности возникают некоторые обязанности. Союз может поставить «условием своей взаимообъединенности» участие в различного рода деятельности, например «в суде присяжных»¹⁰²². «Не исключается и возможность того, что свободный союз поставит своим условием голосование ввиду того, что существует право выхода. Если решенный большинством вопрос имеет такое значение, что меньшинство считает поведение по собственному решению более важным, чем дальнейшее союзное сожительство, то меньшинство может выйти из союза. Ни в каком случае нельзя решать против воли меньшинства, даже если оно самое незначительное»¹⁰²³. Свободный союз вправе принуждать своих сочленов к выполнению их обязательств. «Если кто-либо — сосед другим, то эти другие могут действовать сообща для того, чтобы сделать его ответственным»¹⁰²⁴; свободный союз поэтому «уполномочивается принуждать к выполнению всех обязательств, относительно которых согласились его сочлены»¹⁰²⁵. Конечно, нужно помнить о том, что «несомненно выполнение договора будет лучше всего тогда, когда обещавший с самого начала знает, что его не будут принуждать к этому»¹⁰²⁶.

Среди обязанностей членов свободного союза особенную важность представляет податная повинность; но подать при этом свободна, ибо она основывается на договоре¹⁰²⁷. «Свобода подати не ослабляет кредита союза, она даже усиливает его»¹⁰²⁸; ибо, во-первых, союз не имеет надобности, или имеет очень редко в займе денег, благодаря несложности своих задач; во-вторых, он не может, подобно современному государству, приостанавливать платежи или продолжать их дальше, что государство делает на основании своей принудительной подати; и в-третьих, он должен более, чем государство, стремиться уплатой своих долгов сохранять свой кредит¹⁰²⁹. Свобода подати, кроме того, является «для союза постоянным напоминанием о том, что нужно воздержаться от захвата, так как в таком случае союз должен опасаться уменьшения добровольных взносов; таким образом, для него осуществляется постоянное стремление согласовать свою деятельность с желаниями народа»¹⁰³⁰.

«Почти совершенной анархической организацией, в размере до сих пор еще не виданном, является удивительная ирландская земельная лига. Бесчисленные массы местных групп распространяются на широкую область обоих полушарий, между которыми лежат две тысячи миль океана. Каждая группа имеет самостоятельное управление и пользуется

полной свободой. Каждая группа состоит из меняющегося числа одинаково самостоятельных и свободных людей различного возраста, рода и имени. Каждая группа существует единственно благодаря свободному содействию и следует только своему собственному благоусмотрению. Каждая группа руководится в своем суждении и поведении взглядами общего правительства из выбранных людей, которое в состоянии осуществить повиновение своим установлениям только при помощи логики оснований. Все такие группы объединяются самым простым образом и без пожертвования своей самостоятельностью в один большой союз равных, перед непреодолимой силой которого трепещут тираны и бесполезны войска»¹⁰³¹.

3. Среди свободных союзов нового общества будут занимать видное место общества страхования и банки взаимного кредита¹⁰³². в особенности же общества покровительства.

«Общества покровительства должны будут, после уничтожения государства, вместо него¹⁰³³ оказывать покровительство это против всех тех, «кто нарушает по отношению к своим согражданам закон одинаковой для всех свободы»¹⁰³⁴. Но надобность в этом будет только временная. «Мы приближаемся к тому времени, когда не нужно будет больше насилия для борьбы против преступления»¹⁰³⁵. «Необходимость защиты от поползновений со стороны отдельных лиц основывается в большинстве случаев, а в конце концов, пожалуй, и всецело, на подчинении лиц, путем государственного вмешательства. Раз государство уничтожено, преступления сразу начнут исчезать»¹⁰³⁶. Масса покровительствующих обществ может существовать рядом друг с другом. «В Англии существует много страховых обществ, и нет ничего необыкновенного в том, что члены одного и того же семейства страхуют свою жизнь и собственность против несчастия и огня у различных обществ. Почему бы не образоваться в Англии также многим покровительственным обществам, в которых население будет страховать свою жизнь и собственность против убийства и воровства, и почему члены одного семейства не могут быть и здесь застрахованы в различных обществах? Охранение есть такая же служба, как и всякая другая»¹⁰³⁷. «Под влиянием конкуренции лучший и самый подходящий охранитель будет работать, без сомнения, прекрасно подобно тому, как и лучший и самый дешевый портной. Возможно даже, что только он и будет иметь работу. Но если бы это случилось, то причиной тому была бы его полезность, как охранителя, а не его сила, как тирана. Страх конкуренции постоянно принуждал бы его делать лучший товар. Власть никогда бы не попала в его руки, она была бы в руках его заказчиков, а эти последние пользовались бы ею не таким образом, чтобы путем голосования или насильственно отстранять его, атак, чтобы лишать его заказчиков»¹⁰³⁸. Если же оскорбитель и оскорбленный принадлежали бы к различным обществам охранения, то из этого не должно было бы возникать спорам. «Вероятно, это было бы предотвращено при помощи договоров, может быть, даже путем установления высшего союзного суда; при этом среди различных обществ нашла бы свое осуществление одна и та же идея свободного взаимодействия, которая лежит в основании каждого из них»¹⁰³⁹.

«Покровительствующие общества своей задачей имеют как принуждение к вознаграждению за открытые ими правонарушения, так и препятствование их осуществлению»¹⁰⁴⁰. Для выполнения этой задачи они могут употреблять всякое подходящее средство, не пользуясь при этом властью. «Власть есть подчинение неоскорбляющего индивидуума чужой воле.

Подчинение же оскорбляющего индивидуума есть поэтому не власть, а сопротивление и защита против власти»1041. «Анархизм признает право ареста, преследования, осуждения и наказания злоумышленника»1042. «Он хочет взять из его собственности столько, сколько нужно для возмещения причиненного вреда»1043. «Если нет лучшего средства для противодействия правонарушениям, он может воспользоваться тюрьмой»1044. Он допускает и наказание смертной казнью. «Общество, которое присуждает к смертной казни, не делает убийства. Убийство есть бесправный поступок; к действию же покровительства это слово не может иметь никакого отношения. Жизнь правонарушителя теряет святость, и нет в нашей общественной жизни такой причины, которая запрещала бы нам защищать себя против нападений всяческими способами»1045. «Позволительно даже пытаться нарушителя, но к этому, конечно, вряд ли станут прибегать прежде, чем смертная казнь и тяжелое заключение не окажутся недействительными»1046. «Относительно всех спорных вопросов решают суды присяжных»1047. «При образовании суда присяжных лучше всего, если решающее значение будет иметь жребий, причем из урны, которая содержит имена всех граждан общества, будет выниматься двенадцать имен»1048. «Присяжные суды произносят суждение не только относительно фактов, но также и относительно права, его применимости к частным случаям и о наказаниях или вознаграждениях за его нарушение»1049.

5. Собственность

I. Против собственности, согласно Тукеру, нельзя ничего возразить с точки зрения личного блага каждого человека и равной свободы всех людей. Тукер отвергает только разделение собственности, основывающееся на государственной монополии, как это всегда и везде бывает в государстве. Что государство по своей сущности характеризуется правонарушением, это «сказывается не только в нарушении личных склонностей, но, что еще хуже, в том, что государство берет и защищает монополии»1050 и делает, таким образом, возможным ростовщичество1051.

1. Ростовщичество есть получение прибавочной стоимости1052. «Результатом труда рабочего является увеличение ценности того предмета, который он доставляет потребителю благодаря своему труду»1053. «Рабочий не получает этого результата, по крайней мере не получает его в качестве рабочего; он получает только необходимый продукт для жизни»1054. «Но кто-нибудь ведь должен же получить прибавочную стоимость. Кто же это?»1055. «Ростовщик»1056.

«Существуют три формы ростовщичества: процент, наем и аренда, и прибыль при обмене товаров. Кто получает один из этих доходов — уже ростовщик. Но кто же этого не делает? Вряд ли кто-нибудь; банкир — ростовщик; фабрикант — ростовщик; купец — ростовщик; помещик — ростовщик; и мастеровой, который то, что он сберег, кладет под проценты или, если он имеет дом или клочок земли, получает за них наемную плату или аренду или же за свою работу получает больше, чем она стоит — тоже ростовщик. От греха ростовщичества никто не свободен, и все несут за это ответственность. Но не всем доставляет оно прибыль, большинство страдает от этого. Только крупные ростовщики богаты: в земледельческих и густонаселенных местностях — помещики, в областях промышленных и торговых —

банкиры. Они-то и получают прибавочную стоимость»¹⁰⁵⁷.

2. «Откуда же черпают они свою силу? Из государственной монополии. На ней покоится ростовщичество»¹⁰⁵⁸. «Между различными современными монополиями четыре имеют особое значение»¹⁰⁵⁹.

«Среди них по своему вредному влиянию выдается денежная монополия. Она заключается в том, что правительство передает определенным лицам или тем лицам, которые являются обладателями определенного рода собственности, исключительное право на выделку средства обращения; это право покровительствуется им в нашей стране тем, что оно облагает всех других лиц, желающих заняться выработкой средства обращения, десятипроцентным налогом, выпуск же бумажных денег при помощи своих законов обращает в запрещенную торговлю. Можно согласиться, что обладатель этого права является господином указных процентов, наемной платы и товарных цен, в первом случае — господином непосредственным, во втором и третьем — косвенным. Если бы эксплуатация банковского дела была свободна для каждого, то ею бы занималось все больше и больше людей до тех пор, пока конкуренция не обострилась бы до того, что стоимость денежной ссуды понизилась бы до стоимости издержек на труд, т.е. согласно статистике — от трех-четырех до одного процента»¹⁰⁶⁰. «Вместе с тем должны были бы упасть и квартирные цены, ибо никто, кто мог бы дать деньги под один процент для постройки дома, не подумал о том, чтобы взимать с хозяина дома более высокий процент»¹⁰⁶¹. Наконец, «и прибыль при обмене уменьшилась бы, так как купцы не закупали бы более в кредит по высоким ценам, но брали бы в банках займы денег меньше, чем по одному проценту, закупали бы товары по дешевой цене и понижали для своих заказчиков соответствующим образом товарные цены»¹⁰⁶².

На второе место по своему значению должна быть поставлена земельная монополия. Ее вредное влияние особенно сказывается в таких исключительно земледельческих странах, как Ирландия. Эта монополия заключается в том, что правительство защищает претензии на землю, такие претензии, которые не покоятся на личном обладании и обработке»¹⁰⁶³. «Арендная плата только потому возможна, что государство поддерживает такие претензии»¹⁰⁶⁴. Как только кто-нибудь получит защиту в своем личном обладании и возделывании земли, аренда исчезнет, а ростовщик потеряет всякую поддержку»¹⁰⁶⁵.

На третьем и на четвертом месте по важности стоят таможенная монополия и монополия в области творчества¹⁰⁶⁶. «Таможенная монополия состоит в том, что находящееся в неудовлетворительных условиях производство поощряется увеличением цен, в то время как производство, находящееся в благоприятных условиях, при помощи налога наказывается понижением цен. Эта монополия скорее принуждает труд к злоупотреблению капиталом, чем к умеренному пользованию им, и помогает потому глупым ростовщикам, а не разумным»¹⁰⁶⁷. Монополия на творческую деятельность предохраняет изобретателей, писателей и художников против конкуренции до тех пор, пока для них возможно выжимать из народа пользу, далеко превосходящую стоимость их трудовой деятельности, — другими словами, определенные люди получают в течение ряда годов в свою собственность законы природы и явления природы и право взимать с других пошлину за пользование этим естественным богатством, которое должно бы быть свободным для всех»¹⁰⁶⁸.

Таможенная монополия и монополия на творчество представляют собой то, на чем вместе с денежной монополией основывается прибыль при обмене. Если бы они были уничтожены подобно денежной монополии, то исчезла бы и эта прибыль¹⁰⁶⁹.

II. Личное благо каждого человека, в особенности же одинаковая для всех свобода, требуют такого распределения собственности, при котором каждый получает полный доход со своего труда¹⁰⁷⁰.

1. «Одинаковая для всех свобода в области собственности и означает именно такое равновесие между свободой брать и свободой удерживать, означает, что обе формы свободы могут существовать рядом без столкновения и борьбы»¹⁰⁷¹. «Единственная форма собственности, которая удовлетворяет этому требованию, это собственность, основывающаяся на труде»¹⁰⁷². «Рабочий должен обладать не маленькой частью всего запаса богатств, а всем этим запасом»¹⁰⁷³. «Эта форма собственности означает обеспечение за каждым во владении его собственных произведений и тех чужих продуктов, которые он получает без обмана и насилия, а также осуществление и все те претензии на подобные продукты, которые будут предъявлены ему другими благодаря свободному договору»¹⁰⁷⁴.

«Анархическая собственность соответственно этому касается только продуктов. Продуктом же является все то, на что употреблен человеческий труд, будь то кусок железа или кусок земли. Следует, однако, заметить, что по отношению к земле и всем другим предметам, которые существуют в слишком ограниченном количестве для того, чтобы каждый пользовался ими без ограничения, анархизм желает защищать только такие требования, которые основываются на временном владении и пользовании»¹⁰⁷⁵.

2. То распределение собственности, при котором каждому гарантирован полный доход с его труда, предполагает только то, что равная для всех свобода найдет свое применение в тех областях, в которых пока еще господствует государственная монополия¹⁰⁷⁶.

«Раньше всего необходима поэтому свобода денег»¹⁰⁷⁷. «Свобода денег обозначает отсутствие всякого ограничения для того, чтобы пустить настоящие деньги в оборот»¹⁰⁷⁸. «Выпуск денег в оборот должен быть сделан таким же свободным, как шитье сапог»¹⁰⁷⁹. Деньги здесь взяты в самом широком смысле; «они означают как товарные, так и кредитные деньги»¹⁰⁸⁰, а не только одну монету; «представление о царстве благородных металлов должно быть выбито из человеческой головы, и люди должны понять, что нет никаких товаров, специально служащих по своей природе орудием ценности»¹⁰⁸¹. «Существует достаточное число крупных и мелких владельцев, которые, если бы только они могли это сделать свободно, весьма охотно пустили бы деньги в обращение и наделали бы их гораздо больше, чем в том есть потребность»¹⁰⁸². «Если бы было разрешено учреждать банки для выпуска бумажных денег под заклад какого бы то ни было имущества, причем банк, быть может, не имел бы в своем распоряжении металлической монеты и не нуждался бы в размене своих бумажных денег на монету, а покупатели банка взаимно обязались бы принимать его бумаги по номинальной цене вместо золота и серебра, размен же мог бы понадобиться только в определенное время падения бумаг под возврат бумаг и освобождение вкладов, то народ должен был бы быть очень глуп, если бы не

воспользовался такой драгоценной свободой»1083.

Тотчас же «под влиянием конкуренции процент на капитал упал бы до величины издержек банковского дела, т.е. много меньше, чем до одного процента»1084, так как никому бы не хотелось «платить капиталисту проценты, раз в банке можно получить деньги без процента для покупки орудий производства»1085. Подобным же образом «упали бы и квартирные цены»1086. и «прибылью с обмена для промышленника или купца была бы только их рабочая плата»1087. поскольку этому не препятствовали бы таможенные законы и законы, регулирующие область творчества»1088. «Легкость, с которой можно было бы получить орудия производства, дала бы обмену невиданное развитие»1089; «если же свобода банков была бы только скромной попыткой равномерно распределить в настоящее время существующее благосостояние, то я не стал бы ни на минуту терять сил в ее интересах»1090.

Во-вторых, необходима свобода земли1091. «Земля для народа» — это значит, что всякий, желающий обрабатывать землю, должен быть защищен в своем владении всей обрабатываемой им земли, без различия между классами помещиков, арендаторов и рабочих и без поддержки взимания какой-нибудь арендной платы»1092. Такая «система недвижимой собственности, при которой никакая государственная власть не принуждает к уплате аренды, а наоборот, вследствие отмены государственной денежной монополии капитал будет все время находиться в распоряжении землевладельца»1093. такая система «уничтожит арендную плату»1094 и «распределит земельный доход естественным и свободным образом между его истинными собственниками»1095.

В-третьих и в-четвертых, нужна свобода торговли и свобода духовных деятельностей1096. Если их прибавить к свободе денег, то «доходом при обмене будет только плата за промышленный и торговый труд»1097. Вследствие свободы торговли «цены всех, до сих пор обложенных пошлиною, товаров значительно понизились бы»1098. Благодаря же свободе духовных деятельностей «их носители испытывали бы спасительный страх перед конкуренцией и удовольствовались бы подобно другим работникам одинаковой платой»1099.

Если бы одинаковая для всех свобода была осуществлена во всех этих четырех областях, то ее осуществление произошло бы само собой и в области собственности, т.е. установилось бы такое распределение собственности, при котором для каждого был бы обеспечен доход с его работы»1100. «С уничтожением политической тирании экономические преимущества должны исчезнуть сами собой»1101. В обществе, в котором нет более господства людей над людьми, невозможны проценты на капитал, наемная плата и аренда, а также и прибыль с обмена1102. и доход с труда обеспечивается каждому человеку, как его собственность. «Мы не говорим: ты не должен красть; мы говорим: если все люди будут свободны, ты не будешь красть»1103.

3. «Свобода может помешать тому, чтобы у рабочего были отняты продукты его труда, но она не может заботиться о том, чтобы всякий труд давал одинаковый доход»1104. «Различие земли и одаренности своим следствием имеет известное неравенство дохода. Но это неравенство будет все более и более уменьшаться. При новых экономических условиях,

при увеличении благодаря денежной и земельной свободе склонности к деятельности, классовые различия мало-помалу исчезнут; крупные способности не будут уже более развиваться только у меньшинства при захирении их у большинства. Свобода движения будет гораздо больше; рабочие не будут уже в таком количестве собираться в торговых центрах и благодаря этому перестанут быть рабами городских домовладельцев; земельные пространства и вспомогательные источники, которые теперь остаются без пользы, будут легко достигнуты и использованы. При всех этих условиях вышеупомянутое неравенство сведется на ничтожные размеры»¹¹⁰⁵. «Конечно, всецело оно никогда не исчезнет»¹¹⁰⁶. «Свобода этого не может сделать, и потому некоторые говорят: мы не хотим никакой свободы, так как мы должны обладать безусловной свободой. Я к ним не принадлежу. Раз я могу прожить свою жизнь свободным и богатым, я не стану печалиться о том, что мой сосед также свободен, но более богат. В конечном счете свобода сделает всех богатыми, но она не сделает, конечно, всех одинаково богатыми. Высшая власть, может быть, сделала бы всех одинаково богатыми деньгами, но, без сомнения, также и одинаково бедными во всем том, что в жизни является самым ценным»¹¹⁰⁷.

6. Осуществление

Переворот, которого требует личное благо каждого отдельного лица, должен, по Тукеру, совершиться так, чтобы все познавшие истину первым делом убедили достаточное количество людей в том, что переворот необходим для их собственного блага и чтобы все они затем путем отказа в повиновении уничтожили государство, преобразовали право и собственность и установили новый строй.

I. Прежде всего необходимо убедить достаточное количество лиц в том, что их собственное благо требует переворота.

1. «Народ должен быть воспитан в учениях анархии»¹¹⁰⁸. «Нужно каждого отдельного человека исполнить анархических идей и учить возмущению»¹¹⁰⁹. «Следует непрестанно распространять учение о равной свободе всех до тех пор, пока в конце концов большинство не признает относительно современных форм возмущения того, что оно признало уже относительно его прошлых форм — именно, что целью их является не равная для всех свобода, а подчинение другим»¹¹¹⁰. «Движение ирландской земельной лиги не достигает этих целей, так как крестьянин здесь не следует сознательно своим целям, а идет слепо за вождем, который подвергается ему в решительную минуту. Если бы народ осознал свою силу и понял экономическое положение, он не выплатил бы по желанию Парнелля арендных платежей и был бы, может быть, уже сегодня свободным. Анархисты хотят исправить эту ошибку. Поэтому они посвящают все свои силы распространению своих учений, особенно экономических. Идя этим путем твердо и неустанно вперед, посреди всех криков, они кладут надежный фундамент для успеха революции»¹¹¹¹.

2. Средством распространения анархических идей, по мнению Тукера, является особенно «изустное слово и пресса»¹¹¹². Но как же быть, если свобода слова и печати уничтожена? Тогда справедливо и насилие»¹¹¹³.

Но «насилие допустимо только в самых крайних случаях»¹¹¹⁴. «Если врач видит, что силы больного быстро падают благодаря успешному ходу болезни и что можно опасаться его смерти прежде принятия приготовленного лекарства от истощения, он приписывает наркотическое лекарство. Но хороший врач прибегает к этому только весьма неохотно, так как он хорошо знает, что наркотическое лекарство между прочим с успехом может помешать самому лекарству и уничтожить его действие. То же относится и к употреблению силы при общественных болезнях. Тот, кто предписывает его безразлично, как любимое лекарство и обыкновенное сильное средство, кто вообще предлагает его в качестве лекарства, и даже тот, кто применяет его только как крайнее средство, легкомысленно и без надобности — тот просто шарлатан»¹¹¹⁵.

Поэтому «насилие против угнетателей человечества можно применять только тогда, когда они делают совершенно невозможной всякую мирную агитацию»¹¹¹⁶. «Кровопролитие само по себе есть зло; если же мы нуждаемся в свободе агитации и можем закрепить ее за собой только путем кровопролития, оно разрешается»¹¹¹⁷. «Пока существует свобода слова и печати, нельзя искать своей защиты при борьбе с угнетателями в насилии. И даже если свобода слова в одном, двенадцати или ста случаях нарушается, то и это не даст еще права на кровопролитие. Только когда все исчерпано, можно обратиться к последнему средству, к насилию»¹¹¹⁸. «В России устрашение государства целесообразно, тогда как в Германии и Англии нецелесообразно»¹¹¹⁹. Но как же употреблять насилие? «Время вооруженных революций прошло; они легко подавляются»¹¹²⁰. «Устрашения и убийства»¹¹²¹ необходимы, но они «должны быть выполняемы при помощи динамита одним человеком»¹¹²².

3. Но помимо указанных средств: слова и печати, существует еще одно: «пропаганда»¹¹²³.

Таким средством является «самостоятельный отказ отдельного человека от уплаты подати»¹¹²⁴. «Положим, я чувствую себя в один прекрасный год особенно сильным и независимым, мое поведение не может нарушить никаких серьезных личных обязанностей, я имею, быть может, особенное расположение попасть на некоторое время в тюрьму и в состоянии спрятать мое имущество; и вот я сообщаю чиновнику, производящему оценку, о таком-то произвольном количестве моего имущества, сборщику же податей не плачу ничего; или, если я не имею имущества, я не плачу подушного налога. Государство в этом случае может поступить только двояким образом. Оно или оставит меня в покое, и тогда я расскажу всем моим соседям обо всем происшедшем и эти последние будут ощущать целый год желание удержать свои деньги в кармане; или посадит меня в тюрьму, — в этом случае я обеспечиваю себе по заранее намеченному плану все права заключенного за долги в тюрьму и живу тихо и покойно, пока государство не устанет держать здесь меня и растущее число тех, которые следуют моему примеру. Но может быть, государство решит в своем отчаянии укрепить законы о податном населении, и тогда, когда я уже буду заключен в тюрьму, покажет, как далеко может идти республиканское правительство, «которое выводит свою законную власть из согласия управляемых», для того, чтобы получить себе это «согласие» — только ли до одиночного заключения в темной келье или до пыток электричеством. Чем дальше оно пойдет, тем лучше для анархии — это знает каждый, кто занимался историей. Нельзя не признать той ценности, которую будут иметь для пропаганды два-три таких случая, особенно, если за их спиной, кроме тюремных стен, стоит

благоустроенная боевая сила агитаторов»¹¹²⁵.

Другое средство пропаганды состоит в том, чтобы «испробовать анархическое учение в жизни»¹¹²⁶. Но это не может иметь места в одиноких общественных кругах, а «только в самом сердце нашей промышленной и общественной жизни»¹¹²⁷. «Если в каком-нибудь большом городе, в котором до некоторой степени обнаруживаются разнообразные черты и стремления нашей полной противоречий культуры, сойдется достаточное число серьезных и глубоких анархистов, если они производство богатств и их распределение урегулируют сообразно праву на доход с труда»¹¹²⁸, «вопреки ограничительным предписаниям»¹¹²⁹ «устроят банк, который предоставит в их распоряжение для ведения дел беспроцентные ссуды, и употребят свой постоянно растущий капитал на новые предприятия, причем для каждого, кто захотел бы участвовать, преимущества такой системы были бы ясны, — что будет результатом этого? Конечно, вскоре все части населения, и умные, и глупые, злые, добрые и безразличные — все заинтересуются, все больше и больше будут становиться участниками предприятия, а после двух, трех лет каждый пожнет плоды своего труда, никто не будет в состоянии жить лениво на процент и весь город превратится в большой улей рабочих-анархистов, людей свободных и успешных производителей»¹¹³⁰.

II. Раз только достаточное количество лиц убеждено в том, что их собственное благо требует переворота, тогда наступает момент, когда можно посредством «социальной революции»¹¹³¹. т.е. путем общего по возможности отказа в повиновении, уничтожить государство, преобразовать право и собственность и осуществить новый строй. «Государство есть не что иное, как тирания, и не имеет таких прав, которые был бы обязан уважать каждый. Напротив, всякий, кто знает свое право и умеет ценить свою свободу, сделает самое лучшее, если выбросит его за борт»¹¹³².

1. Некоторые люди полагают, что государство может только тогда исчезнуть, когда человек станет совершенным.

«Это значило бы, что анархия возможна только через тысячу лет. Если бы мы могли совершенствоваться, пока еще существуют препятствия нашему совершенствованию, то государство исчезло бы, конечно, само собой. Если бы мы были в состоянии поднять себя за уши наших сапог, мы могли бы, вероятно, достигнуть и самого неба»¹¹³³. «Воспитывать людей — это не значит сначала учить их управлять собой, а потом позволить им это, но значит учить их управлять собой и одновременно позволять им делать это»¹¹³⁴. Поэтому необходимо «уничтожить государство»¹¹³⁵ посредством «быстрой социальной революции»¹¹³⁶.

2. Другие находятся в «том заблуждении, что анархия может быть достигнута насилием»¹¹³⁷.

Каким образом она должна быть достигнута, это только вопрос «целесообразности»¹¹³⁸. «Смешно называть безнравственной политику устрашения и убийства. Если на меня нападают, я имею безусловное право решать, каким образом я хочу защищаться. Подобно единичной личности и государство, раз оно нападает, лишается тем всякого права на снисхождение. Род нападения не представляет в данном случае значения; каким бы

образом ни ограничивалась произвольно моя свобода, я имею одинаковое право взять ее себе, и именно всяким находящимся в моей власти средством»¹¹³⁹.

«Право самозащиты против насилия при помощи силы не подлежит никакому сомнению. Но пользование этим правом неразумно до тех пор, пока все другие средства сопротивления не станут бесцельны»¹¹⁴⁰. «Если бы правительство было теперь же вдруг уничтожено, то, вероятно, начался бы целый ряд войн из-за земли и других вещей, а в конце концов наступила бы реакция и возрождение старой тирании. Но если уничтожение будет достигнуто постепенно, то познание общественных истин, становящееся все более и более общим, будет идти с ним рука об руку»¹¹⁴¹.

3. Социальная революция должна совершиться путем пассивного сопротивления, т.е. путем отказа в повиновении¹¹⁴².

«Пассивное сопротивление — наисильнейшее оружие, которое человек когда-либо употреблял против угнетения»¹¹⁴³. «Пассивное сопротивление, — говорит Фердинанд Лассаль с чисто немецкой неповоротливостью, — есть сопротивление, которое не сопротивляется». Не может быть ничего ошибочнее. Напротив того, оно-то и есть единственное сопротивление, которое в наши дни, дни военной дисциплины, оказывает успешное сопротивление. Во всем культурном мире в настоящее время нет тирана, который не предпочел бы подавить беспощадно кровавую революцию тому, чтобы увидеть значительную часть своих подданных решившимися на неповиновение. «Восстание легко подавить; но никакая армия не может и не захочет направить свои орудия против мирных людей, не собирающихся даже на улицах, а остающихся дома и отстаивающих свое право»¹¹⁴⁴. «Насилие живет грабежом, оно умирает, раз жертвы его не позволяют более себя грабить. Его нельзя убедить, ни расположить к себе, ни застрелить, но его можно уморить голодом. Как скоро внушающее почтение число решительных людей, заключение которых в тюрьму должно бы было показаться рискованным, согласившись между собою, запрут перед носом сборщика подати, а также и сборщика арендной платы, совершенно спокойно двери, выпустят вопреки узаконенному запрещению свои собственные деньги и лишат, таким образом, капиталистов процента, то правительство будет тотчас же выкинуто за борт вместе со всеми прерогативами, которые оно защищает, и всеми монополиями, которые оно поддерживает»¹¹⁴⁵.

«Насколько колоссальна и непреодолима была бы тогда власть сильного и разумного меньшинства, скажем, одной пятой населения, которое отказалось бы платить подати»¹¹⁴⁶. Движение ирландской земельной лиги дает нам в этом случае прекрасное поучение. До тех пор, пока она оставалась при своей первоначальной политике отказа от арендной платы, она представляла мощную и деятельную революционную силу, какую видел когда-либо свет; но она теряет свое могущество с изменением такой политики. Однако она достаточно долго была верна своей политике, чтобы дать доказательство тому, что английское правительство было против нее совершенно бессильно, и трудно сказать, были ли бы в настоящее время в Ирландии помещики, если бы она продолжала эту политику. В нашей стране легче противостоять уплате подати, чем в Ирландии — уплате арендной платы; и такая политика была бы у нас тем могущественнее, чем выше духовно был бы наш народ, предполагая, что удалось бы привлечь на свою сторону достаточное число серьезных

мужчин и женщин. Если бы только пятая часть населения воспротивилась уплате подати, то нужно было бы больше затратить денег на взыскание с них ее или на усилия сделать это, чем смогли бы уплатить в государственную кассу добровольно другие четыре пятых»¹¹⁴⁷.

Глава X. Анархические учения

1. Общие замечания

Мы достигли той точки зрения, которая позволяет нам сделать обзор всей совокупности анархических учений. Такой обзор возможен только следующим образом. Сначала нужно посмотреть, что общего имеют между собой семь изложенных и признанных за анархические учений и какие особенности их различают. Затем нужно установить, в какой мере то, что обще всем семи учениям, может быть признано тождественным тому, что обще всем анархическим учениям вообще, и насколько, далее, совпадают выступающие между семью учениями различия с различиями, обнаруживающимися внутри общей совокупности анархических учений.

2. Основные принципы

I. По отношению к своим основным принципам семь изложенных выше учений не имеют ничего общего.

1. Они признают высшим законом человеческого поведения, с одной стороны, только естественный закон, который, следовательно, не говорит нам ничего о том, чему должно было бы быть, а только то, что в действительности случится; эти учения можно назвать генетическими. С другой стороны, они считают за высший закон человеческого поведения норму, которая нам говорит, следовательно, что должно бы случиться, хотя, быть может, никогда и не случится в действительности; эти учения могут быть названы критическими. Генетическими являются учения Бакунина и Кропоткина; для Бакунина высшим законом человеческого поведения является эволюционный закон прогресса человечества от существования менее совершенного к возможно более совершенному существованию; для Кропоткина таким законом является эволюционный закон прогресса от менее счастливого существования к возможно более счастливому; критическими учениями оказываются учения Годвина, Прудона, Штирнера, Толстого и Тукера.

2. Критические учения, кроме того, рассматривают высший закон человеческого поведения отчасти как долг — долг есть сама конечная цель; эти учения можно назвать идеалистическими; отчасти же они считают высшим законом человеческого поведения счастье; всякий долг при этом является только средством к счастью; эти учения следует назвать эвдемонистическими. Идеалистическими являются учения Прудона и Толстого, причем Прудон высшим законом человеческого поведения считает долг справедливости,

Толстой же долг любви. Эвдемонистичны учения Годвина, Штирнера и Тукера.

3. Наконец, эвдемонистические учения видят высший закон человеческого поведения или в общем счастье, которому отдельный человек должен содействовать, не считаясь со своим собственным счастьем; эти учения можно назвать альтруистическими. Или они высшим законом человеческого поведения признают счастье отдельного человека, к которому последний стремится, уже не считаясь с общим благом; эти учения можно именовать эгоистическими. Альтруистично учение Годвина, эгоистичны же учения Штирнера и Тукера.

II. Семь изложенных выше и признанных анархическими учений могут быть сравниваемы относительно того, что они имеют между собой общего, с общей совокупностью признанных анархическими учений. Они не имеют между собой ничего общего в их основных принципах; следовательно, и совокупность признанных анархическими учений не может иметь в своих основаниях ничего общего.

Изложенные учения могут, далее, быть сравниваемы с общей совокупностью анархических учений вообще в тех особенностях, которые они обнаруживают согласно своим основаниям. Обнаруживающиеся среди них особенности позволяют систематизировать их, что дает место уже не приравненным, а только взаимоподчиненным особенностям. Ни одно анархическое учение поэтому не может обладать такой особенностью, которая не подходила бы под эти особенности.

Таким образом, то, что относится к семи изложенным учениям, относится и к анархическим учениям вообще. В своих основных принципах они не имеют ничего общего, а по различию в них могут быть классифицированы следующим образом:

Генетические учения	Критические учения		
	Идеалистические	Эвдемонистические	
		Альтруистические	Эгоистические
Бакунин Кропоткин	Прудон Толстой	Годвин	Штирнер Тукер

3. Право

I. По отношению к праву, т.е. по отношению к тем нормам, которые основываются на желании людей видеть определенное поведение внутри охватывающего их самих круга людей общепризнанным, семь изложенных учений не имеют между собой ничего общего.

1. Одни из них отрицают для нашего будущего право; эти учения можно назвать аномистическими. Другие утверждают его для нашего будущего, что и дает учения номистические. Аномистичны учения Годвина, Штирнера, Толстого, номистичны — Прудона, Бакунина, Кропоткина и Тукера. Точнее, чем здесь, нельзя определить, что общее, с одной

стороны, аномистическим, с другой же — номистическим учениям и что присуще первым в противоположность вторым, ибо как отрицание, так и утверждение права для нашего будущего в различных учениях имеет совсем различный смысл.

Отрицание права для нашего будущего у Годвина и Штирнера носит безусловную форму и относится, следовательно, также и к нашему собственному будущему; у Годвина право противоречит всегда и всюду общему счастью, у Штирнера — счастьем отдельного человека.

У Толстого отрицание права для нашего будущего носит не безусловную форму; он отрицает его для нашего будущего, так как оно, если и не всегда и не всюду, то, во всяком случае, при наших отношениях весьма противоречит любви, которая в нем отсутствует.

Утверждая право для нашего будущего, Прудон и Тукер говорят этим, что они считают хорошим, конечно, не все частные формы права, а право как таковое. Прудон признает его потому, что оно как таковое никогда и нигде не противоречило справедливости; Тукер же — потому, что оно никогда и нигде не вредит счастьем отдельного человека. Наконец, у Бакунина и Кропоткина утверждение права для нашего будущего означает то, что они предвидят, что прогресс развития в нашем будущем сохранит существование права как такового, но, конечно, не современных частных его форм; при этом Бакунин подразумевает здесь прогресс человечества от менее совершенного к возможно более совершенному существованию, Кропоткин же — прогресс от менее счастливой к возможно более счастливой жизни.

2. Аномистические учения, в свою очередь, различаются по тому, что они утверждают для нашего будущего в противоположность праву — и именно в том различном смысле, в каком они отрицают право для нашего будущего.

По Годвину, в будущем вместо права человеческим законом должно стать общее счастье.

По Штирнеру, в будущем вместо права человеческим законом будет собственное счастье.

У Толстого роль такого закона для будущего играет любовь.

3. Номистические учения отличаются, наоборот, тем особенным преобразованием права, которое они предполагают в будущем.

По Тукеру, безразлично, в будущем должно существовать как законное право, в котором явственно обнаруживается правовая воля, так и незаконное право, при котором не существует ее такого явственного обнаружения.

По Бакунину и Кропоткину, в будущем будет существовать только незаконное право.

По Прудону, в будущем должна существовать только одна правовая норма, именно та, что договоры должны быть исполняемы.

II. Семь изложенных и признанных анархическими учений могут быть сравниваемы со всей совокупностью учений, признаваемых за анархические, в том, что они общего имеют по

отношению к праву. Они не имеют ничего общего в этом отношении. Тем менее может иметь что-либо общее по отношению к праву вся совокупность учений, признанных анархическими.

Изложенные учения могут затем быть сопоставлены относительно тех особенностей, которые они обнаруживают относительно права, с общей совокупностью анархических учений. Обнаруживающиеся между ними различия можно привести в систему, в которой уже не будет места для сопоставленных, а только для взаимоподчиненных особенностей. Таким образом, ни одно анархическое учение не может иметь какую-либо особенность, не подходящую под эти особенности.

Все то, что относится к семи изложенным учениям, относится, следовательно, и к анархическим учениям вообще. Они не имеют ничего общего между собой по отношению к праву, а по различию в этом отношении допускают следующую классификацию:

Аномистические учения	Номистические учения
Годвин Штирнер Толстой	Прудон Бакунин Кропоткин Тукер

4. Государство

I. По своему отношению к государству, т.е. к тому правовому отношению, в силу которого в какой-нибудь области существует высшая власть, семь изложенных учений имеют нечто общее.

1. Они имеют то общее между собой, что отрицают государство для нашего будущего.

Точнее этого нельзя определить то, что общего имеют друг с другом изложенные учения по отношению к государству, ибо отрицание государства для нашего будущего носит в них совершенно различный смысл.

Отрицание государства для нашего будущего у Годвина, Штирнера, Тукера и Прудона означает то, что они устраняют государство безусловно, следовательно, и для нашего будущего; при этом Годвин устраняет его, потому что государство всегда и всюду вредит общему счастью; Штирнер же и Тукер — потому что оно вредит счастью отдельного человека, а Прудон — так как оно всюду и во все времена препятствовало справедливости.

Отрицание государства означает у Толстого то, что он устраняет государство не безусловно, а только для нашего будущего, так как существование его противоречит любви более, чем его отрицание, и если не всегда и всюду, то по крайней мере при настоящих условиях государственной жизни.

У Бакунина и Кропоткина, наконец, отрицание государства для нашего будущего имеет значение, как предвидение того, что прогресс развития в нашем будущем устранил государство; при этом Бакунин подразумевает здесь прогресс человечества от менее совершенного к возможно более совершенному существованию, Кропоткин же — прогресс от менее счастливой жизни к жизни возможно более счастливой.

2. В том, что утверждают они для нашего будущего в противоположность государству — и именно в том различном смысле, в котором они отрицают государство для нашего будущего, — семь изложенных учений не имеют между собой ничего общего.

Одни из них утверждают для нашего будущего в противоположность государству дружеское сожительство людей в свободном правовом взаимоотношении, именно согласно той правовой норме, что договоры должны быть выполнены; эти учения могут быть названы федералистическими. Другие утверждают для нашего будущего в противоположность государству дружественное сожительство без всякого правового взаимоотношения, именно согласно тому закону, который они утверждают для нашего будущего в противоположность праву; эти учения можно назвать спонтанистическими. Федералистичны учения Прудона, Бакунина, Кропоткина и Тукера; спонтанистичны же — Годвина, Штирнера и Толстого.

3. Спонтанистические учения различаются между собой, в свою очередь, в том неправовом законе, который они утверждают в противоположность государству, как основание дружеского сожительства людей в нашем будущем.

По Годвину, на место государства должно стать дружеское сожительство людей, которое основывается на том, что для каждого человека общее счастье есть закон.

По Штирнеру, на место государства должно стать дружеское сожительство людей, которое основывается на том, что для каждого законом является его собственное счастье.

По Толстому, на место государства должно стать дружеское сожительство людей, которое основывается на том, что закон каждого представляет любовь.

II. Семь изложенных и признанных анархическими учений допускают сопоставление относительно того, что общего имеют они друг с другом в своем отношении к государству, с общей совокупностью анархических учений. В своем отношении к государству они имеют только одно общее — то, что они отрицают для нашего будущего государство, хотя и с весьма различным смыслом. Эта одна общая черта присуща всем анархическим учениям; знакомство с каким угодно признанным за анархическое учением показывает, что оно отрицает для будущего государство в том или ином смысле.

Изложенные учения могут, затем, быть сопоставляемы с совокупностью анархических учений вообще относительно тех особенностей, которые обнаруживаются в их отношении к государству. Существующие между ними различия могут быть приведены в систему, которая дает место не сопоставляемым, а только взаимоподчиненным особенностям. Ни одно анархическое учение не может поэтому иметь какую-либо особенность, которая не подходила бы под эти особенности.

То, что имеет значение для семи изложенных учений, имеет, таким образом, значение и для анархических учений вообще. По отношению к государству они имеют друг с другом то общее, что все относятся отрицательно к государству будущего; сообразно различиям в том, что они предлагают в будущем вместо государства, они могут быть классифицированы следующими образом:

Федералистические учения	Спонтанистические учения
Прудон Бакунин Кропоткин Тукер	Годвин Штирнер Толстой

5. Собственность

I. В своем отношении к собственности, т.е. к тому правовому отношению, в силу которого некоторым людям в пределах определенного круга людей исключительно присуще конечное решение в каких-либо делах, семь изложенных учений не имеют ничего общего друг с другом.

1. Одна их часть отрицает для нашего будущего собственность; эти учения можно назвать индоминистическими. Другая часть принимает его для нашего будущего; эти учения могут быть названы доминистическими. Индоминистичны учения Годвина, Прудона, Штирнера и Толстого; доминистичны — Бакунина, Кропоткина и Тукера.

Точнее этого нельзя определить, что общее, с одной стороны, индоминистическим, с другой — доминистическим учениям и что характеризует одни из них в противоположность другим, ибо как принятие, так и отрицание собственности для нашего будущего в различных учениях имеет совсем различный смысл.

Отрицание собственности для нашего будущего у Годвина, Штирнера и Прудона означает то, что они отбрасывают собственность безусловно, следовательно, и для нашего будущего; при этом Годвин это делает потому, что всегда и всюду она противоречит счастью общества, Штирнер же потому, что она противодействует счастью отдельного человека, Прудон — так как она мешает всегда и всюду установлению справедливости.

У Толстого отрицание собственности для нашего будущего имеет тот смысл, что он отбрасывает собственность, хоть и не безусловно, но по крайней мере для нашего будущего, так как, если и не во всякое время и не повсюду, то по крайней мере при наших отношениях собственность в высшей степени противоречит любви, как ее отрицание.

Утверждение собственности для нашего будущего означает у Тукера, что он признает собственность как таковую, конечно, не каждую ее частную форму, безусловно, а потому и для нашего будущего, хорошей, так как собственность как таковая никогда и нигде не

противоречила счастью отдельных людей.

У Бакунина и Кропоткина, наконец, утверждение собственности для нашего будущего означает то, что они предусматривают, что прогресс развития сохранит в нашем будущем собственность как таковую, хотя и не сохранит, конечно, ее частных форм.

При этом Бакунин подразумевает под этим прогресс человечества от менее совершенного существования к возможно более совершенному, Кропоткин же — прогресс от менее счастливой жизни к возможно более счастливой.

2. Индоминистические учения, в свою очередь, различаются согласно тому, что они предлагают для нашего будущего вместо собственности, — именно согласно тому различному смыслу, в каком они отрицают собственность для будущего.

По Прудону, на место собственности должно стать такое распределение богатств, которое осуществляется в свободном правовом отношении и основывается на той правовой норме, что договоры должны быть выполнены.

По Годвину, Штирнеру и Толстому, на место собственности должно стать такое распределение богатств, которое существует помимо всякого правового отношения и основывается скорее на том законе, который принимается ими в противоположность праву.

По Годвину, следовательно, вместо собственности осуществляющееся распределение богатств должно основываться на предписаниях, наделяемых каждому отдельному человеку общим счастьем.

По Штирнеру, оно должно основываться на предписаниях, наделяемых каждому его собственным счастьем.

По Толстому, оно должно опираться на предписания, наделяемые каждому любовью.

3. Доминистические учения тоже различаются по особенности тех собственнических форм, которые они предлагают для нашего будущего.

По Тукеру, и в будущем на все вещи без исключения должна существовать собственность, как частная, так и общественная. Это учение можно назвать индивидуалистическим.

По Бакунину, в будущем останется безразлично и частная и общественная собственность только на средства потребления, т.е. собственность на те продукты, которые служат пользованию, тогда как на средства производства, т.е. на такие вещи, которые служат производству богатств, останется только общественная собственность. Это учение можно назвать коллективистическим.

По Кропоткину, в будущем должна существовать безразлично на все вещи только общественная собственность. Это учение может быть названо коммунистическим.

II. Семь изложенных и признанных анархическими учений могут быть сопоставлены с совокупностью учений, признанных анархическими вообще, относительно того, что общего они имеют в своем взгляде на собственность. В этом у них нет ничего общего. Таким образом, совокупность учений, признанных анархическими, не может иметь ничего общего по отношению к собственности.

Изложенные учения, далее, могут быть сравниваемы относительно их особенностей, которые они обнаруживают по отношению к собственности, с совокупностью анархических учений вообще. Обнаруживающиеся между ними особенности могут быть приведены в систему, в которой нет более места для сопоставленных, а только для взаимоподчиненных особенностей. Никакое анархическое учение поэтому не может иметь такой особенности, которая не была бы подчинена этим особенностям.

Что относится к семи изложенным учениям, то относится, следовательно, и к анархическим учениям вообще. Они не имеют в своем отношении к собственности ничего общего, а по различиям этого отношения допускают следующую классификацию:

Индоминиристические учения	Доминиристические учения		
	Индивидуалистические	Коллективистические	Коммунистические
Годвин Прудон Штирнер Толстой	Тукер	Бакунин	Кропоткин

6. Осуществление

I. Относительно того способа, которым они предполагают произвести свое осуществление, т.е. относительно перехода от состояния, ими отвергаемого, к состоянию достигаемому, семь изложенных учений не имеют ничего общего.

1. Одни из них предполагают свое осуществление без правового крушения; они предполагают, следовательно, переход от отвергаемого состояния к состоянию желаемому единственно при помощи применения правовых норм, присущих отвергаемому состоянию; такие учения могут быть названы реформаторскими. Реформаторскими учениями являются учения Годвина и Прудона. Другие предполагают свое осуществление путем правового крушения; они предполагают, следовательно, переход от отвергаемого состояния к желаемому при помощи нарушения правовых норм отвергаемого порядка; эти учения можно назвать революционными. Революционные учения Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Толстого. Точнее этого нельзя определить, что общее, с одной стороны, реформаторским, с другой же — революционным учениям и что присуще одним в противоположность другим, ибо то, как они предполагают переход от отвергаемого состояния к желаемому, в различных учениях носит совсем различный смысл.

Если Годвин, Прудон, Штирнер, Тукер и Толстой представляют себе переход от отвергаемого состояния к достигаемому каким-либо способом, то это значит, что они требуют с самого же начала приготовления определенным образом перехода от данного — отвергаемого к известному, достигаемому состоянию и содействия этому.

Наоборот, у Кропоткина и Бакунина, когда они думают о переходе от отвергаемого к достигаемому состоянию, это значит, что они предвидят, что с прогрессом развития переход от данного, исчезающего состояния к новому, наступающему совершится сам собой, определенным образом, и что они требуют только в некоторой мере приготовления этого перехода.

2. Революционные учения, в свою очередь, различаются по роду и способу ими предполагаемого правового крушения, которое обнаруживается при переходе от отвергнутого состояния к желаемому. Одни из них предполагают правовое крушение без применения насилия; эти учения можно назвать сопротивленческими. Таковы учения Тукера и Толстого. При этом Тукер предполагает правовое крушение преимущественно как отказ от уплаты податей, наемной и арендной платы и уничтожение банковской монополии, Толстой же — как отказ от военной, полицейской, присяжной службы, а также и уплаты податей.

Другие революционные учения представляют себе правовое крушение, которое произойдет при переходе от отвергнутого состояния к желанному, путем применяемого насилия; эти учения можно назвать инсургентскими. Таковы учения Штирнера, Бакунина и Кропоткина, причем Штирнер и Бакунин рисуют себе насильственным только самый переход, Кропоткин же и приготовление к нему (пропаганда действием).

II. Семь изложенных и признанных анархическими учений могут быть сопоставлены со всей совокупностью анархических учений, признанных таковыми по отношению к тому, что общего имеют они касательно предполагаемых форм их осуществления. В этом они не имеют ничего общего. Тем не менее может, таким образом, совокупность учений, признанных за анархические учения, иметь в этом отношении нечто общее в себе.

Изложенные учения могут, далее, быть сопоставлены относительно тех особенностей, которые они обнаруживают касательно предполагаемых форм их осуществления, с совокупностью анархических учений вообще. Обнаруживающиеся между ними особенности могут быть приведены в систему, в которой не будет более места для сопоставленных особенностей, но только для особенностей взаимоподчиненных. Никакое анархическое учение не может поэтому иметь такой особенности, которая не была бы подчинена этим особенностям.

То, что имеет отношение к изложенным учениям, относится и к анархическим учениям вообще. По отношению к предполагаемой форме своего осуществления они не имеют друг с другом ничего общего, а по своим различиям в этой области могут быть классифицированы следующим образом:

Реформаторские учения	Революционные учения	
	Сопротивленские	Инсургентские
Годвин Прудон	Тукер Толстой	Штирнер Бакунин Кропоткин

Глава XI. Анархизм и его формы

1. Заблуждения насчет анархизма и его форм

Теперь уже можно устранить некоторые из многочисленных заблуждений насчет анархизма и его форм.

1. Говорят, что анархизм разрушает мораль, что он основывается на научном материализме¹¹⁴⁸. а его общественный идеал определяется ему присущим воззрением на историческую жизнь¹¹⁴⁹. Если это правда, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Тукера, Толстого и много других учений, считаемых анархическими, нельзя было бы рассматривать как анархические.

2. Утверждают, что своей конечной целью анархизм ставит счастье отдельного человека¹¹⁵⁰. что он оценивает каждый человеческий поступок с абстрактной точки зрения неограниченных прав индивидуума¹¹⁵¹; будто высшим законом для него является не общее благо, а свободное желание каждого отдельного человека¹¹⁵². Если бы это было справедливо, то учения Годвина, Прудона, Бакунина, Кропоткина, Толстого и целая масса других учений, признанных за анархические, не могли бы быть рассматриваемы как таковые.

3. Высшим законом анархизма считают нравственный закон справедливости¹¹⁵³. Но в таком случае учения Годвина, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера, Толстого и многие другие, признанные за анархические учения, нельзя считать за таковые.

4. Говорят, что анархизм кульминирует в отрицании всякой программы¹¹⁵⁴; он ставит себе только отрицательную цель¹¹⁵⁵. Если это правильно, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Толстого и Тукера и почти все другие признанные за анархические учения нельзя считать таковыми.

5. Утверждают, что анархизм устраняет право¹¹⁵⁶ и правовое принуждение¹¹⁵⁷. Если это так, нельзя считать анархическими учения Прудона, Бакунина, Кропоткина, Тукера и много других, признанных анархическими, учений.

6. Утверждают, будто анархизм отвергает общество¹¹⁵⁸; его идеалом-де является обращение общества в *tabula rasa*¹¹⁵⁹; для него общество-де существует только для того, чтобы бороться с ним¹¹⁶⁰. Если это было бы так, то учения Прудона, Годвина, Штирнера,

Бакунина, Кропоткина, Толстого, Тукера и почти все другие учения, уже признанные анархическими, нельзя бы было считать таковыми.

7. Говорят, что анархизм требует разрушения государства¹¹⁶¹. хочет смести его с лица земли¹¹⁶². не хочет государства ни в какой форме¹¹⁶³. не желает никаких правительств¹¹⁶⁴.

Если это правильно, в таком случае учения Бакунина, Кропоткина и все другие учения, признаваемые за анархические, которые только предвидят устранение государства, а не требуют его, нужно считать неанархическими.

8. Утверждают, что в будущем обществе анархизма согласие отдельного лица связывает его только до тех пор, пока ему угодно его придерживаться¹¹⁶⁵. Но если бы это было так, то учения Прудона, Бакунина, Кропоткина, Тукера и многих других, признанных анархическими учениями, нельзя бы было рассматривать, как анархические.

9. Говорят, что анархизм хочет поставить на место государства федерацию¹¹⁶⁶; то, к чему он стремится, есть регуляция всех общественных деятельностей при помощи свободного договора между федералистически устроенными общинами и обществами¹¹⁶⁷. Если это так, то учения Годвина, Штирнера, Толстого и многих других учений, признанных анархическими, нужно рассматривать как неанархические, а равным образом и учения Бакунина, Кропоткина и другие учения, признаваемые анархическими, которые не требуют, а только предвидят осуществление договорного общества.

10. Говорят, будто анархизм отвергает собственность¹¹⁶⁸. Если это так, учения Бакунина, Кропоткина, Тукера и все другие учения, считаемые за анархические, которые принимают собственность или неограниченно, или в какойлибо частной форме, не могут быть признаны таковыми.

11. Утверждают, что анархизм отвергает частную собственность¹¹⁶⁹. стремится к общности богатств¹¹⁷⁰. должен быть необходимо коммунистическим¹¹⁷¹. Если бы анархизм был необходимо коммунистическим, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Толстого и все другие, признанные за анархические учения, отвергающие собственность во всякой форме, а также и общественную собственность, тотчас же должны бы были быть сочтены за учения неанархические; то же пришлось бы сделать, далее, и с учениями Тукера и Бакунина и другими, признанными за анархические учениями, которые принимают частную собственность или на все вещи, или только на средства потребления. Но если бы дело обстояло так, то и учение Кропоткина и другие, считаемые за анархические учения, не требующие, а только предвидящие коммунистическое существование собственности, нельзя было бы признать анархическими.

12. Различают между коммунистическим, коллективистическим и индивидуалистическим анархизмом, или же просто между коммунистическим и индивидуалистическим¹¹⁷². Если бы первое разделение было полным, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Толстого и все другие, признанные анархическими учения, не принимающие собственности ни в какой форме, не могли бы быть анархическими; если бы полным делением было второе, то

анархическими не были бы учения Бакунина и другие, признанные анархическими учения, отдающие собственность на средства производства только одному обществу, собственность же на средства потребления — также и отдельным людям.

13. Говорят, что анархизм проповедует преступление¹¹⁷³. ждет наступления нового состояния от насильственной революции¹¹⁷⁴. добивается своей цели всякими средствами, употребляя даже воровство и убийство¹¹⁷⁵. Если бы анархизм думал осуществить свое учение при помощи преступления, то учения Годвина, Прудона и многие другие учения, признаваемые анархическими, не были бы рассматриваемы как анархические; если бы он думал осуществить свое учение путем преступных насильственных действий, то и учения Толстого, Тукера и много других учений, признанных анархическими, нельзя было бы считать таковыми.

14. Утверждают, что анархизм признает за средство своего осуществления пропаганду действием¹¹⁷⁶. Если это правда, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Толстого, Тукера и большинство других учений, признанных за анархические учения, нельзя считать таковыми.

2. Понятие анархизма и его форм

Теперь уже можно установить общие и главные свойства анархических учений, поместить их в общую сферу нашего опыта и таким образом дать отвлеченное определение анархизма и его форм.

I. Общие и частные свойства анархических учений.

1. Анархические учения имеют между собой только то общее, что они отрицают государство для нашего будущего. У Годвина, Прудона, Штирнера и Тукера это отрицание означает безусловное устранение государства, следовательно, устранение его также и для нашего будущего; у Толстого оно означает то, что он устраняет государство, хоть и не безусловно, но во всяком случае для нашего будущего; у Бакунина и Кропоткина оно имеет тот смысл, что они предвидят, что прогресс развития устранит государство в нашем будущем.

2. Анархические учения распадаются согласно их основным принципам на генетические, признающие наивысшим законом человеческого поведения исключительно естественный закон (Бакунин, Кропоткин), и критические, признающие таким наивысшим законом норму. Критически учения распадаются снова на идеалистические, наивысшим законом которых является долг (Прудон, Толстой), и эвдемонистические, для которых наивысший закон есть счастье. Эвдемонистические учения опять-таки распадаются на альтруистические, для которых счастье общества представляет наивысший закон (Годвин), и эгоистические, наивысшим законом признающие личное счастье (Штирнер, Тукер).

Согласно тому, что предусматривают они в будущем вместо государства, анархические учения или федералистичны, т.е. признают в будущем общежитие людей на почве правовой нормы, состоящей в том, что договоры должны быть соблюдаемы (Прудон, Бакунин,

Кропоткин, Тукер), или спонтанистичны, т.е. признают в будущем общежитие людей на почве неправового закона (Годвин, Штирнер, Толстой).

По отношению к праву анархические учения частью аномистичны, т.е. отрицают право для будущего (Годвин, Штирнер, Толстой), частью номистичны, т.е. признают право для будущего (Прудон, Бакунин, Кропоткин, Тукер).

По отношению к собственности анархические учения частью антидоминистичны, т.е. отрицают собственность для будущего (Годвин, Прудон, Штирнер, Толстой), частью доминистичны, т.е. признают ее в будущем. Доминистические учения, в свою очередь, частью индивидуалистичны, признавая неограниченную собственность и для отдельных личностей и для общества (Тукер), частью коллективистичны, отдавая собственность на предметы потребления отдельным личностям, собственность же — на средства производства только одному обществу (Бакунин), и, наконец, частью коммунистичны, признавая собственность исключительно за обществом (Кропоткин).

По способу своего осуществления анархические учения распадаются на реформаторские, рисующие себе переход от критического строя к новому без нарушения права (Годвин, Прудон), и революционные, которые представляют себе этот переход в форме нарушения права. Революционные учения распадаются на сопротивленские, которые рисуют себе нарушение права без употребления насилия (Тукер, Толстой), и инсургентские, представляющие себе нарушение права при помощи насилия (Штирнер, Бакунин, Кропоткин).

II. Место анархических учений в общей сфере нашего опыта.

1. Нужно различать три направления в философии права, т.е. три рода обсуждения права.

Первое направление представляет философско-правовой догматизм.

Он произносит суждение о том, должно или нет существовать данное правовое учреждение; при этом он ничем не обусловлен и произносит свое суждение только сообразно содержанию этого учреждения, не считаясь с его воздействиями при тех или иных обстоятельствах. Он охватывает, следовательно, учения об истинном праве, т.е. учения, которые стараются определить, нужно ли при всех условиях одобрить или устранить в интересах права, например, хоть правовое учреждение брака. Самой известной его формой является естественное право. Слабость философско-правового догматизма заключается в невнимании его к тому факту, что наше суждение о правовых учреждениях должно зависеть от их влияния на нас и что одно и то же правовое учреждение при различных обстоятельствах оказывает различное влияние.

Вторым направлением является философско-правовой скептицизм. Ввиду слабости философско-правового догматизма он отказывается от суждения о том, должно ли или нет существовать данное правовое учреждение, и судит только о том, можно ли предвидеть, судя по направлению развития, будет ли данное правовое учреждение существовать или исчезнет, будет ли обнаруживаться или прекратится. Он охватывает, следовательно, учения о развитии права, т.е. учения, которые хотят дать сведения о том, что можно ожидать в

будущем для права, например, можно ли надеяться сохранить правовое учреждение брака. Его известнейшей формой является исторически правовая школа и марксизм. Слабость философско-правового скептицизма заключается в неудовлетворении потребности в научном основании, которое позволило бы нам признать истинными или ложными постоянно высказываемые суждения о ценности правовых учреждений и одобрить или отбросить многочисленные предложения правовых изменений.

Третье направление есть философско-правовой критицизм. Ввиду слабости философско-правового догматизма он отказывается судить о том, должно ли или не должно существовать данное правовое учреждение, если не считаться с теми особенными условиями, при которых действует это учреждение; ввиду же слабости философско-правового скептицизма он не отказывается от того, чтобы ответить на вопрос о том, должно ли или не должно существовать данное правовое учреждение. Поэтому он устанавливает высший закон, согласно которому нужно произносить суждение о правовых учреждениях, принимая во внимание особенные условия, при которых оно действует, причем дело идет главным образом о том, выполняет ли это правовое учреждение при тех особенных условиях, при которых оно действует, вышеупомянутый высший закон так, как только это возможно при этих условиях или же лучше, чем всякое другое правовое учреждение. Он охватывает, таким образом, учения об истинности права, т.е. учения, которые устанавливают те основания, при помощи которых следует определять то, должно ли или не должно в интересах права существовать при каких-либо частных условиях, например, хоть правовое учреждение брака.

2. Касательно государства эти три направления в философии права, каждое со своей собственной точки зрения, могут достигнуть различных суждений.

Во-первых — утверждения государства.

Поскольку учения философско-правового догматизма утверждают государство, они считают его безусловно, а следовательно, и для нашего будущего, хорошим, не принимая во внимание его воздействий при тех или иных частных обстоятельствах. Среди многочисленных положительных учений о государстве в духе философско-правового скептицизма могут быть указаны различные по времени своего появления учения Гоббса, Гегеля и Иеринга.

Поскольку учения философско-правового скептицизма утверждают государство, они, сообразуясь с направлением развития, предполагают также, что оно сохранится и в будущем. Важнейшие представители философско-правового скептицизма, как, например, Меркель, не дали учений о государстве; положительные учения о государстве в смысле философско-правового скептицизма мы находим, например, у Монтанье и Бернштейна.

Поскольку, наконец, государства признают учения философско-правового критицизма, они одобряют его и для нашего будущего, принимая во внимание в настоящее время существующие у нас частные условия. Философско-правовой критицизм явственнее всего пока изложен Штаммлером, который, впрочем, не дал учения о государстве; в качестве положительного учения о государстве в духе философско-правового критицизма может все

же быть взято, например, учение Спенсера.

Во-вторых, три направления в философии права, каждое со своей точки зрения, могут достигнуть отрицания государства.

Поскольку учения философско-правового догматизма отрицают государство, они устраняют его, не обращая никакого внимания на его воздействие при тех или иных частных условиях, устраняют безусловно, а следовательно, и для нашего будущего.

Отрицательными учениями в духе философско-правового догматизма являются учения Годвина, Прудона, Штирнера и Тукера.

Поскольку учения философско-правового скептицизма отрицают государство, они предвидят сообразно направлению развития, что оно исчезнет в будущем.

Отрицательными учениями в духе философско-правового скептицизма являются учения Бакунина и Кропоткина.

Поскольку учения философско-правового критицизма отрицают государство, они отбрасывают его и для нашего будущего, принимая в соображение существующие в настоящее время своеобразные условия.

Отрицательным учением о государстве в смысле философско-правового критицизма является учение Толстого.

3. Таким образом, положение анархических учений в общей сфере нашего опыта определяется тем, что они в качестве своего рода философско-правовых учений о государстве, именно отрицательных учений о государстве, противостоят философско-правовым учениям о государстве другого рода — положительным учениям о государстве.

Это можно представить себе следующим образом:

	Положительные учения о государстве	Отрицательные учения о государстве
В духе философско- правового догматизма	Гоббс Гегель Иеринг	Годвин Прудон Штирнер Тукер
В духе философско- правового скептицизма	Монтанье Бернштейн	Бакунин Кропоткин
В духе философско- правового критицизма	Спенсер	Толстой

III. Понятия анархизма и его форм

1. Анархизм есть философско-правовое отрицание государства, т.е. философско-правовое учение о государстве такого рода, которое отрицает государство.

2. Анархическое учение будет неполным, если оно не укажет, на чем оно основывается как на принципах, что предлагает оно в замену государства и как оно думает совершить подобный переход от государства к предлагаемому состоянию. Принцип, положительная сторона и представление о переходе к тому, что предлагается, — это необходимые составные части всякого анархического учения. По отношению к этим составным частям можно различать следующие формы анархизма.

Во-первых, соответственно принципам: генетический анархизм, который признает высшим законом человеческого поведения только естественный закон (Бакунин и Кропоткин), и критический анархизм, высшим законом человеческого поведения признающий норму; последний, в свою очередь, распадается на: идеалистический анархизм, высшим законом которого является долг (Прудон, Толстой), и эвдемонистический анархизм, высший закон которого составляет счастье; наконец, в эвдемонистическом анархизме заключаются: альтруистический анархизм, для которого высший закон — это всеобщее благо (Годвин) и эгоистический анархизм, для которого это — счастье отдельного человека (Штирнер, Тукер).

Во-вторых, по тому, что предлагается вместо государства, можно различать: федералистический анархизм, который предлагает для нашего будущего дружественное сожительство людей согласно той правовой норме, что все договоры должны быть выполнены (Прудон, Бакунин, Кропоткин, Тукер), и спонтанистический анархизм, который для нашего будущего предлагает дружественное сожительство согласно неправовым законам (Годвин, Штирнер, Толстой).

В-третьих, сообразно представлению о переходе к желанному состоянию можно различать: реформаторский анархизм, который рисует себе переход от государства к предлагаемому взамен его состоянию без правового крушения (Годвин, Прудон), и революционный анархизм, который рисует его себе как правовое крушение; революционный анархизм содержит в себе: сопротивленский анархизм, который правовое крушение представляет себе без употребления насилия (Тукер, Толстой), и инсургентский анархизм, который представляет его при наличии применяемого насилия (Штирнер, Бакунин, Кропоткин).

3. Анархическое учение может быть законченным, не устанавливая какого-либо отношения к праву или собственности. Если, следовательно, анархическое учение устанавливает свое отношение к тому или другому, то это является уже случайным придатком. Те учения об анархизме, которые содержат этот придаток, можно разделить согласно содержанию этого последнего; но анархизм как таковой может быть разделен только сообразно содержанию необходимых составных частей каждого анархического учения, и потому вышеупомянутое разделение не дает никаких форм анархизма.

Поскольку анархические учения становятся в какоелибо отношение к праву, они или аномистичны, т.е. отрицают право для нашего будущего (Годвин, Штирнер, Толстой), или

номистичны, т.е. предлагают его для будущего (Прудон, Бакунин, Кропоткин, Тукер).

Поскольку они устанавливают свое отношение к собственности, они или индоминистичны, т.е. отрицают для нашего будущего собственность (Годвин, Прудон, Штирнер, Толстой), или доминистичны, следовательно, предлагают ее для будущего; доминистические учения, в свою очередь, или индивидуалистичны, предлагая собственность безразлично и для отдельных лиц и для общества (Тукер), или коллективистичны, предлагая собственность на средства потребления присвоить также и отдельным людям, собственность же на средства производства, напротив, только обществу (Бакунин), или, наконец, коммунистичны, предлагая собственность отдать только обществу (Кропоткин).

Заключение

1. Итак, внутренняя потребность, побудившая нас к научному познанию анархизма, до известной степени удовлетворена.

Понятия анархизма и его форм установлены; важнейшие ошибки устранены; выдающиеся анархические учения изложены. Мы ознакомились с арсеналом анархизма. Мы видели все то, что можно сказать против государства, исходя из всех возможных точек зрения. Мы познакомились с самыми различными формами жизни, которые должны в будущем стать на место государства. Переход от государства к этим формам жизни нарисован нам самыми разнообразными красками.

Кто хочет ознакомиться с анархизмом еще ближе, исследовать кроме наиболее выдающихся учений также и самые незначительные, и как те, так и другие ввести в причинную связь исторических событий, для того заложены по меньшей мере основания, на которых он будет продолжать работу. Он знает, чем должен он заняться по отношению к целым учениям, и чем — по отношению к частям этих учений, и какие вопросы должен он поставить в каждом отдельном случае. При таком исследовании нужно ожидать некоторых неожиданностей; учение неизвестного Пизакане поражает своею самостоятельностью, а учение известного Моста, имя которого повторяется всеми, представляет собой только грубую переработку учения Кропоткина. В общем же исследование вряд ли вознаградит затраченные труды, ибо важное, что заключается вообще в анархизме, изложено уже в разобранных здесь теориях.

2. Но и внешняя потребность, для удовлетворения которой мы должны были подвергнуть анархизм научному познанию, теперь может быть тоже удовлетворена.

Во всяком случае по отношению к анархизму мы должны всегда поступать следующим образом: мы должны изучать его спокойно и беспристрастно. При этом мы только тогда можем надеяться на успех, если не будем долго бесцельно блуждать в темноте философско-правового скептицизма или стараться рассеять эту тьму светом догматизма, но будем руководствоваться в нашем изучении, наоборот, светящей звездой критицизма.

Необходимо ли еще против анархизма и той или другой из его форм применять особенные меры, следует ли смотреть на преступления анархистов, осуществляющие их учения, иначе, чем на все другие политические или даже уголовные преступления, это должны решить

законодатели каждой отдельной страны сообразно ее особнным условиям.